

18+

Проклятый цветок для ИгРА

Лис
Алина

Принцессы не выходят замуж по любви. Но что делать, если любовь все-таки настаивает, а супруг и смотреть не хочет на взбалмошную принцессу и отправляется на войну?

Можно подчиниться традициям семьи и ждать, надеясь, что время все сладит. А можно сбежать, привлечь внимание богов и получить проклятье, чтобы добравшись неузнанной до возлюбленного стать перед самым страшным выбором в своей жизни...

18+. Есть откровенные эротические сцены.

ВНИМАНИЕ! Книга является спин-оффом (вбоквелом) к циклу "Гейша по имени Мия" но имеет самостоятельный сюжет. Можно читать отдельно от основного цикла.

ГЛАВА 1

Получать выволочку всегда неприятно. Особенно, когда ты — принцесса. Особенно, выволочку от простого самурая.

Ладно, не простого. Золотого. Вызолоченного. Простым Такеши Кудо — начальника службы безопасности Благословенных островов — не считали даже заядлые недоброжелатели.

Да будь он хоть сегуном, это не дает ему права отчитывать принцессу, словно она — нашкодивший подросток!

Тэруко Ясуката слушала нотацию и злилась. Хмурилась, надувала губы, бросала злые взгляды исподлобья.

— Ваше высочество, это никуда не годится! Вы ведете себя, как ребенок! Посмотрите на себя!

Тэруко посмотрела. Благо, в комнате у противоположной стены имелось большое бронзовое зеркало.

Ей понравилось.

И чем Кудо, спрашивается, недоволен?! Отличная маскировка, просто превосходная.

Стройная девичья фигура в мужском кимоно не по размеру кажется щуплой. Туго забинтованная грудь, полное отсутствие на лице косметики, без которой благородной женщине не подобает показываться на людях. Облик довершали волосы — неприлично короткие и собранные в небрежный хвост на затылке — и ссадина на щеке. Ну, чем не мальчик?

Ссадина появилась при задержании. Как и синяки на запястьях. Тэруко сама виновата — не надо было царапаться и вырываться. Понятно и ослице, что в одиночку с шестью агентами не справится даже Тэруко Ясуката.

Как они ее вычислили? Ей казалось, она все так хорошо рассчитала на этот раз. Удалось не только сбежать от навязанной охраны, но и добраться до порта и там договориться о месте на джонке контрабандистов.

Скорее всего, сам капитан ее и сдал. А еще золото взял! Скотина!

— Мне казалось, мы обсудили все еще во время прошлого инцидента, и вы поняли, почему побег не просто глупость, но настоящее самоубийство!

Ага, обсудили! Примерно, как сейчас. Кудо читал нотации и объяснял, почему сбежать плохо и неправильно, какой вред этим Тэруко может нанести новоявленной сестре-императрице. Распинался про ответственность перед страной. Призывал к покорности — как-никак, главная женская добродетель.

Нет уж! С покорностью у Тэруко всегда было худо. На змею-сестрицу глаза бы не смотрели, а стране на принцессу Ясукату плевать. Кто она? Всего лишь двоюродная сестра правительницы.

Случись с ней что, народ и не вспомнит.

Тэруко перебирала, растравливала свои обиды, цеплялась за них, лишь бы не допустить мысли, что Кудо прав. Отец учил: воину не к лицу сомнения. Усомнился, помедлил, не сделал шаг, и все — момент упущен.

Начальник службы безопасности вздохнул. И попробовал сменить тактику.

— Думаете, ваш муж будет рад вас видеть?

Тэруко вздрогнула. Откуда он знает?

Джин Хо Ланг-И аль Самхан. Старший сын самханского императора. Он ворвался в ее жизнь и изменил все. Заставил разочароваться в том, что она любила. Взглянуть иначе на все вещи вокруг.

Влюбил в себя и исчез сразу после свадебного обряда.

У них не было даже ночи вместе. Ничего. Не брак — насмешка, издевательство.

От горьких мыслей зачесался шрам на ладони. Иероглиф “жена”, перечеркнувший линии жизни, судьбы и сердца, связавший ее с Джином знак супружества, единственное подтверждение того, что старший принц аль Самхан действительно был в ее жизни.

— Разумеется, я догадался, почему вас так настойчиво тянет на материк, — продолжил самурай. Тэруко почудилась насмешка в его ровном голосе, и она возненавидела его за это. — Я же не идиот, ваше высочество. Но вдумайтесь сами: в Самхане гражданская война. Ваш муж занят объединением бунтующих провинций. У него нет возможности развлекать вас.

Она клялась, что не скажет и слова, но не утерпела:

— Меня не нужно развлекать!

Кудо покачал головой:

— Мечтаете сражаться вместе с принцем? Да, мне известно про ваше увлечение войной. Мне по должности положено знать такие вещи. Но, простите за откровенность, ваше высочество, вы — наивный и глупый ребенок, если верите, что его высочество позволит вам появиться на поле боя. Даже если вы чудом сумеете пробраться через охваченный войной Самхан и добраться до ставки принца, он отправит вас обратно с отрядом. Или запрет в самом надежном и безопасном замке на подконтрольных ему землях.

— Джин этого не сделает! — запальчиво возразила Тэруко.

Такеши Кудо просто не знает его! Джин совсем не похож на других мужчин. Он никогда не пытался навязывать свою волю, не указывал, что делать. Не говорил, что женщине не следует брать в руки оружие. Напротив, сам учил Тэруко сражаться, показывал приемы...

Принцесса вспомнила, чем завершился тот урок, и вспыхнула.

Одна глупая ошибка, которая навсегда оттолкнула Джина от нее. Зачем, ну зачем она подлила ему это зелье?! Надеялась приворожить. Было так больно, что он не обращает на Тэруко внимания...

“Я женюсь на вас, потому что должен. Но будь я проклят, если прикоснусь к вам. Мне хватило этого вечера”, - снова, как наяву, зазвучали в ушах его жестокие слова. И снова вспомнился полный презрения и разочарования взгляд, которым принц наградил ее на прощание.

Он исполнил свое обещание. Женился, как требовали того его отец и политика

государства. И сразу уехал на войну.

— Сделает. Послушайте, ваше высочество, — начальник службы безопасности горестно заломил брови. — Ну, к чему такая спешка? Дайте принцу разобраться с делами на материке. У вас целая жизнь впереди.

Кудо никогда этого не понять. И бесполезно объяснять, что Тэруко должна ехать. Должна увидеть мужа. Поговорить, объясниться, доказать ему, что она не такая дура.

Да, она ошиблась, оступилась. Но Тэруко давно все поняла. Неужели она не заслуживает второго шанса?

А если его убьют на этой войне без нее? И Джин так и умрет, считая ее пустоголовой, никчемной девицей!

Или, что еще хуже: он победит, но не вернется. Останется в своем Самхане.

От мысли о том, что она его больше никогда не увидит, Тэруко хотелось разрыдаться.

— Мне очень не хочется прибегать к угрозам, ваше высочество, но еще одна попытка побега, и мне придется заключить вас в темницу.

Глаза девушки изумленно расширились:

— Меня?! В темницу?

Это звучало, как глупая шутка.

— Только для вашей безопасности. Разумеется, мы постараемся обставить камеру с всевозможным комфортом.

Нет, он точно издевается!

— Хорошо, Кудо. Я тебя поняла, — она демонстративно потерла ссадину. — Думаю, ты прав. А сейчас я хочу принять ванну и переодеться.

Самурай сощурился, посмотрел на нее пристально и неприятно. Тэруко показалось, что он ей не поверил.

— Ваше высочество, я серьезно. Пожалуйста, не создавайте мне и себе лишние проблемы.

— Я все поняла! — раздраженно ответила принцесса. — Не буду. Что еще? Мне просить у тебя разрешения удалиться?

Тот усмехнулся:

— Это излишне, ваше высочество, — и, повысив голос, выкрикнул: — Сузука!

В дверь заглянула женщина. Немолодая, крепко сбитая, лицом и одеждой она походила на служанку. Если бы не взгляд — такой же неприятно цепкий, как у ее начальника.

Тэруко уже приходилось иметь с ней дело.

— Сузука теперь всегда будет вас сопровождать. Так нам всем будет спокойнее. Он повернулся к женщине. — Проводи принцессу в ее покои.

Женщина посторонилась, пропуская Тэруко вперед.

— Пойдемте, ваше высочество.

Тэруко плелась по коридору, ощущая себя в родном замке пленницей под конвоем. Сузука ступала неслышно, но можно не сомневаться — она не отстанет и не выпустит жертву из-под надзора.

Но если Кудо думает, что Тэруко Ясуката так просто отступится, он очень сильно ошибается!

***

“Сбежать” проще сказать, чем сделать.

Люди Такеши Кудо теперь были везде, куда бы Тэруко ни пошла. Сузука или одна из

двух ее помощниц — две женщины средних лет с такими же невыразительными лицами — находились при принцессе почти непрестанно, доводя до бешенства своим присутствием.

Но этого было мало. На Кудо работали стражники, служанки, даже некоторые фрейлины. Тэруко точно не знала, кто именно, поэтому подозревать приходилось всех.

Прошло всего две недели после коронации. Еще продолжались праздники, знатные гости еще не собрались в обратный путь на родные острова, и при дворе ощущалось радостное оживление. Тэруко угрюмой тенью бродила по коридорам дворца, который когда-то честолюбиво считала своим и отвечала на любые попытки заговорить хмурым взглядом. Клокотавшей в ней глухой ярости примешивался горький привкус отчаяния.

Душа рвалась из столицы. Если не к Джину, то домой, в родное поместье, но Кудо был неумолим:

— Простите, ваше высочество. Но в прошлые два раза, когда вам разрешили уехать, вы сбежали. Нам всем будет спокойнее, если вы пока поживете во дворце.

— Я это запомню, — пообещала ему Тэруко. Жалкая, неубедительная угроза.

Иногда, развлекаясь, она проверяла границы своей тюрьмы. Например, на той конной прогулке, когда принцесса резко прищорила лошадь, отрываясь от охраны и фрейлин.

Стражник нагнал ее через две минуты. Перехватил поводья лошади Тэруко, заставляя сбавить ход.

— Вам лучше вернуться, ваше высочество. Не заставляйте нас волноваться.

Время тянулось, словно патока. Сплетни. Выезды. Опостылевшие лица фрейлин и надсмотрщиц.

И скука! Ненавистная дворцовая скука.

— Отпустите меня

Наступив на гордость, принцесса пошла к двоюродной сестре с просьбой снова отпустить ее в родовое поместье. Зря. Та лишь улыбнулась своей ужасно раздражающей кроткой улыбкой:

— Я отпущу, если дашь слово не пытаться бежать.

Тэруко насупилась. Слово Ясукаты — не пустой звук. Императрица знала это.

— Тэруко, я не враг тебе. Ты моя единственная сестра.

Не враг?! Ха, пусть расскажет кому-нибудь другому эти сказки! Появилась из ниоткуда, змеюкой пролезла в ее жизнь, украдала трон, заперла во дворце, да еще нотации читает!

Чувствовать себя несправедливо обиженной было приятно.

Все ее продали, все бросили. Даже Хитоми — вернейшая подруга, бывшая любимая фрейлина — теперь яростно защищала проклятого Кудо и уговаривала Тэруко смириться.

— Поймите, госпожа! Мы все вас любим и желаем добра.

— Оставь меня, — сквозь зубы велела принцесса.

В бессмысленной попытке забыться Тэруко проводила в зале для тренировок по несколько часов. С яростными криками рубила воздух перед собой, представляя на месте воображаемого противника Такеши Кудо.

Новости о Джине поступали регулярно. Он объединил под своей властью уже несколько окраинных провинций и продвигался во главе воинства вглубь страны. Выслушивая эти послания, Тэруко до боли стискивала кулаки. Ее муж воюет, рискует жизнью, даже не догадываясь, что Тэруко удерживают здесь силой.

Сны ночами были тревожны. В них принцесса бежала, пыталась кого-то спасти и не успевала. В них вспыхивало зарево пожара, шагала бронированная пехота, таран бил и

проламывал городские стены, и пели стрелы, предвещая чью-то смерть.

Встревоженный дворцовый лекарь выписал капли. Тэруко попробовала их раз и поклялась больше не прикасаться к этой дряни. Да, спишь без сновидений, только сон тяжелый и мутный, просыпаешься с трудом и ходишь как будто с похмелья. Такое только врагу подливать.

А время шло, утекало бессмысленно сквозь пальцы. Осень раскрывала Благословенным островам свои объятия. Приближался праздник равноденствия.

***

Даже начальники службы безопасности не вправе идти поперек традиций. В праздник осеннего равноденствия потомки ухаживают за могилами и вспоминают умерших. Препятствовать им в этом — гневить предков, а немилость предков грозит обернуться для всего рода страшными карами.

Отпущенная, пусть под усиленной охраной, в родное поместье Тэруко готова была петь от восторга. Здесь все было привычным, своим. Потемневшие от времени каменные стены. Плетеная из бамбука изгородь. Квадраты рисовых полей в долине. Холмы — местные жители, никогда не видевшие настоящих гор, гордо именовали их сопками.

Сжимая в руке метлу и расшвыривая ногами пожелтевшие листья, Тэруко проследовала по дорожке к замшелым воротам, за которыми начиналось фамильное кладбище рода Ясуката. Миновала домик для духов, изваяние Будды, прошла вдоль высаженных в ряд кленов. Кончики листьев уже начали желтеть. Еще неделя-две, и ветви деревьев вспыхнут багряным, охристым, алым, окрестные леса утонут в бушующем пламени красок. Придет момидзи — сезон красных листьев.

Принцесса сердито дернула плечом. Приставленная Кудо надсмотрщица следовала в отдалении, но Тэруко все равно чувствовала спиной ее взгляд. От него между лопатками чесалось и неприятно свербело.

Почему даже здесь ее не могут оставить в покое?!

Могила отца возвышалась скромной серой стелой. Тэруко обняла ее, прижалась щекой к шершавой поверхности, вдохнула запах сырой земли, прелых листьев и прогретого камня.

— Здравствуй, папа. Я вернулась.

Слуги плохо следят за кладбищем. Надо будет устроить разнос. Тэруко орудовала метлой, выгребая листья, и говорила с отцом.

Кто еще выслушает ее? Кто поймет?

— Я вышла замуж, папа.

Она сняла с пояса флягу, плеснула в деревянную чашу сакэ. Разломила рисовую лепешку. Потревоженный паучок взбежал вверх по паутинке, забился в щель.

— Он бы тебе понравился, я уверена. Он замечательный! Похож на тебя...

Принцесса осеклась. Обращаться к отцу в присутствии соглядатая было противно. Пусть Сузука держалась в отдалении, Тэруко чувствовала ее безмолвное давящее присутствие за спиной.

Не удержавшись, девушка обернулась. Сузука стояла в тридцати шагах от нее у статуи Будды, сложив руки на груди. Ее некрасивое маловыразительное лицо как всегда было бесстрастным, только внимательные глаза цепко следили за принцессой.

Из трех приставленных Кудо надсмотрщиц именно Сузука раздражала принцессу больше всего. С двумя другими можно было договориться, поболтать, пошутить. Пару раз истосковавшаяся по общению и живому человеческому участию девушка даже звала их

выпить вместе чай, и те не отказывались. Обычные женщины, которых прихоть судьбы заставила работать на службу безопасности.

Сузука же напоминала глиняного болванчика. По слухам, у первого самханского императора была целая армия таких — неумолимых, неустрашимых, не знающих любви или жалости.

— Эй, ты, — окликнула Тэруко соглядатайшу. — Ты не могла бы уйти отсюда?! Я хочу поговорить с отцом!

— Говорите, ваше высочество, — женщина не тронулась с места.

— Поговорить наедине! — принцесса сделала ударение на последнем слове. — Без всяких... — она не стала продолжать. Слишком хотелось добавить пару крепких словечек, подслушанных в казарме, но отец бы расстроился и рассердился, услышь он от Тэруко солдатскую брань.

Сузука покачала головой.

— По инструкции я не должна удаляться от вас дальше, чем на тридцать шагов, ваше высочество.

Кровь бросилась в лицо, в ушах застучало. Тэруко вскочила. В душе вскипело разом все, что копилось за эти дни: разочарование, гнев, страх потерять Джина и яростное несогласие с собственным бессилием.

— Послушай, ты... — девушка стиснула в пальцах ручку метлы, словно это было оружие. — Ты видишь, где мы?! Это кладбище! Фамильное, твою мать, кладбище! Я пришла сюда в день Сьубун-но Хи, чтобы почтить память отца! Ты видишь у меня припасы?! Может, деньги?! Включи мозг, кто бежит без припасов и денег!

На протяжении этой речи принцесса повышала голос с каждым словом и наступала на надсмотрщицу. Ей казалось, что в душе закручивается тугая пружина. Все, что ненавидела Тэруко — несвобода, необходимость следовать бессмысленным ритуалам и традициям, невозможность быть собой — в этот миг воплотилось в неказистой женщине с цепким взглядом.

Она подошла вплотную к Сузуке, сверля ее полным кипящей ярости взглядом.

Почему Тэруко вообще должна упрасивать какую-то служанку оставить ее в покое?!

— Я принцесса Оясимы. И приказываю тебе уйти! Жди меня в поместье! Видеть не могу твою гнусную рожу!

Женщина покачала головой:

— Простите, ваше высочество. Я подчиняюсь только господину Кудо.

У принцессы потемнело в глазах от бешенства. Она выругалась сквозь зубы и толкнула Сузуку. Примерно так, как пихают друг друга мальчишки перед тем, как затеять драку.

Женщина предостерегающе вскинула руки:

— Ваше высочество, мне придется позвать охрану.

Охрана... Тэруко помнила, каково это — бессмысленно вырываться, рыдая от унижения и злости. Сейчас у нее не было даже катаны, чтобы с оружием в руках отстоять свою честь.

— Просто уйди. Оставь меня одну! — голос сорвался на визг. Оглушил Тэруко, отразился от безоблачного неба, молчаливых могил и кленов, вернулся усиленный десятикратно.

И что-то случилось. Вызванная ненавистью бешеная сырая сила вырвалась наружу вместе с криком. Приподняла женщину, швырнула с размаху о каменную статую. Раздался влажный хруст. Несколько мгновений тело словно висело в воздухе, потом сползло вниз. На

раскрытой ладони Будды остался красный отпечаток.

Принцесса заледенела от ужаса. Беспомощно по-девчачьи ойкнула, сглотнула ставшую внезапно горькой и вязкой слюну.

— Сузука? — просипела она. Охрипшее горло отказывалось говорить.

Соглядатайша лежала у подножия статуи, похожая на куль с рисом. Вывернутая под неестественным углом голова смотрела в небеса. В широко раскрытых глазах застыл укор.

Нет! Это не должно, не может быть правдой! Как?! Как вообще это могло произойти?!

Девушка упала на колени, схватила еще теплую руку, тщетно пытаясь поймать биение пульса. Закусила губу, глуша рыдания.

Пусть отец учил Тэруко сражаться, она еще никогда не убивала. Никого! И, мечтая о ратных подвигах, принцесса жаждала почета, уважения и славы, а вовсе не хотела нести кому-то смерть. Не рисовала в воображении, как этот кто-то будет лежать с вывернутой головой и смотреть в по-осеннему прозрачное небо, а капли крови прочертят алые дорожки по щеке, чтобы впитаться в землю...

— Сузука, — губы еле шевелились от ужаса. — Прости... я не хотела.

Как, как это могло случиться?! Почему ее дар вышел из-под контроля?

Отец пытался учить Тэруко магии, но женщины, даже высокородные, редко обладают полноценным даром, и Тэруко Ясуката не стала исключением. Ее потенциал был слишком слабым, а способности нестабильными, и отец, в конце концов, махнул рукой, сконцентрировавшись на занятиях кэмпо. Принцесса почти ничего не умела. Только исцелять болезни — редкая способность: то ли благословение, то ли посмешище. Самураи не болеют, а лечить простолюдинов — много чести смердам.

Никогда ранее дремлющий магический дар не проявлял себя так спонтанно и сильно.

Девушка всхлипнула, прикрывая ладонью рот. Да, Тэруко мечтала, чтобы навязанная Кудо надсмотрщица провалилась куда подальше. Но она не хотела, даже в мыслях не было убивать проклятую соглядатайшу!

Нужно кликнуть кого-нибудь из стражи! Позвать охрану.

“Да что вы говорите, ваше высочество, — зазвучал в ушах, словно наяву, ироничный голос Такеши Кудо. — Само получилось?”

— Само, — прошептала Тэруко.

“А может, вы сделали это потому, что хотели бежать?” — продолжал ее невидимый собеседник.

— Не собиралась... — она осеклась. И оглянулась.

Фамильное кладбище глядело на нее в молчании. Серые стелы с выбитыми на них иероглифами. Имена. Даты. Короткие эпитафии.

“Быть может, мне следует запереть вас, ваше высочество, как я и обещал? Разумеется, мы постараемся обставить камеру с надлежащим комфортом.”

— Не надо! — стискивая кулаки выдавила принцесса. — Я не хочу!

“Это исключительно для вашего же блага.”

— Нет! — она вскочила.

Взгляд метался с покрытой сухими листьями дорожки на замшелую ограду. Снова возвращался к Будде с окровавленной ладонью и могиле отца.

Это безумие! Кто бежит без еды, припасов и денег?!

Но если Такеши Кудо узнает о случившемся, кто помешает ему запереть Тэруко в темнице?! Она — одна. Ни друзей, ни родственников. Муж на войне. Вассалы не пойдут

против императрицы, а змея-сестрица будет только рада от нее избавиться!

Надо бежать. В Самхан, к Джину. Как и собиралась. Сейчас утро. Впереди день — целый длинный день, на протяжении которого вряд ли кто хватится Тэруко.

А за день можно уйти очень далеко.

***

Чтобы запутать погоню, Тэруко почти полчаса шла по руслу ручья, пока от холодной воды не начало сводить ноги. Понадеявшись, что этой уловки будет достаточно, чтобы сбить собак со следа, принцесса обулась и углубилась в холмы.

Разумеется, карты у нее тоже с собой не было. Тэруко шла и не уставала мысленно благодарить отца, научившего ее ориентироваться по солнцу и еле заметным приметам.

Путь принцессы лежал на юго-запад. Туда, где за малонаселенными дикими холмами лежал морской берег, усыпанный мелкими рыбацкими деревушками.

Что будет дальше — где и как она найдет корабль в Самхан, как договорится с капитаном, Тэруко старалась не думать. Не смотреть вперед дальше, чем на один шаг. Иначе накатывало отчаяние и бессилие.

Оглядываться, возвращаясь мыслями к тому, что случилось на кладбище, тоже было страшно. Призрак убитой Сузуки словно следовал за принцессой по пятам вечным безмолвным укором для ее совести. Можно сотню тысяч раз повторить, как Тэруко не хотела и как ей жаль, это не изменит случившегося. Тэруко убила эту женщину.

Убила и трусливо сбежала, не желая отвечать за свои деяния.

Поэтому девушка стискивала зубы, мотала головой, прогоняя все мысли, и упрямо шла вперед.

Еще шаг. Дойти до вон того холма. А там видно будет...

ГЛАВА 2

Уже вечером, поднявшись на вершину очередного холма, Тэруко заметила, как лучи солнца отразились на водной глади, выдавая скрытую в зарослях чашу озера.

Разом захотелось пить. И окунуться после целого дня блуждания по холмам под палящим солнцем. Принцесса резво заскакала по камням вниз.

От воды тянуло свежестью. Тэруко разулась, вошла по колено в озеро. С наслаждением плеснула в лицо, смывая пот и усталость. Багряное солнце растекалось по зеркалу вод, окрашивало алым, словно Тэруко стояла по колено в крови. Стояла особая предзакатная тишина, затихли птицы, не было слышно пения цикад, только еле слышное журчание чуть дальше. Там, где волны выплескивались, перекатывали через каменный порожек и падали вниз, образуя небольшой водопад.

Принцесса замерла, впитывая безмятежную тишину осеннего вечера. Все тревоги и страхи отступили. Она подняла лицо к одетому в шафран и киноварь небу, провожая взглядом клин журавлей. Печальный птичий крик заставил сжаться сердце.

Ах, если бы у нее были крылья!

Птицы снизились, сделали круг над озером и исчезли в зарослях ив на другом берегу. Должно быть на ночевку.

И ей пора.

Бродить ночью в холмах — верное самоубийство. Или ноги переломаешь, или навернешься на узенькой тропке. Тэруко вышла на берег и спешно, пока еще можно было разглядеть хоть что-то, принялась обустроить ночлег.

Сухие ветви трудно назвать роскошной постелью. К тому же, как только небесная повозка Аматэрасу скрылась на востоке, стало холодно. Тэруко лежала, подтянув ноги к груди, и дрожала. Несмотря на усталость, сон не приходил. Очень хотелось есть, аж живот подводило. За весь долгий изматывающий день девушка съела только пару горстей черники, оборвав случайно встреченный кустарник.

А потом над водной гладью разнесся смех, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков.

Откуда здесь люди? Рядом ни дорог, ни человеческих поселений.

Смех повторился. Нет, ей точно не почудилось: вслед за смехом до Тэруко донеслись женские голоса.

Где-то с другой стороны озера...

Девушка встала и пошла на звук, стараясь ступать неслышно. Выглянувшая из-за туч почти полная луна освещала ей дорогу.

Голоса постепенно приближались, но разобрать, о чем речь, Тэруко так и не смогла. Язык, на котором говорили женщины, казался знакомым, но смысл ускользал. Слова то и дело прерывались взрывами мелодичного смеха. Чуть позже до принцессы долетел плеск воды.

Купаются ночью?! Совсем с ума сошли! Холодно же.

Наконец, она поравнялась с зарослями, из-за которых доносились голоса и, затаив дыхание, раздвинула ветви.

Женщины, а вернее девушки, стояли по пояс в воде. Облитые лучами лунного света, обнаженные и прекрасные, неуловимо схожие меж собой. Все, как одна — статные, с высокой грудью, тонкой талией и водопадом черных волос, шелковой волной спускавшихся по спине в воду. Они были так хороши, что казались статуями богинь. Но, в отличие от изваяний, девушки двигались, смеялись, болтали и плескались друг в друга. И холод осенней ночи их словно совсем не тревожил.

Нехорошо подглядывать за чужой наготой. Тэруко опустила взгляд и замерла.

На берегу лежали разложенные одежды. Кипенно-белые, с черным окоемом по рукавам и подолу. Нежней и тоньше самого тонкого шелка. Сотканые не из паутины, не из лунного света.

Из птичьих перьев.

Есть легенда о том, как однажды крестьянин, увидевший, как купаются цуру — небесные девы, похитил наряд одной из красавиц и сжег. Бедняжка цуру не смогла обернуться журавлем, вынуждена была остаться на земле и выйти замуж за хитрого крестьянина. Но недолгим было счастье вора, молодая супруга зачахла от тоски по небесам и умерла, прокляв напоследок и его, и весь его род.

Сердце заколотилось часто, как кузнечный молот, отдалось в ушах. Тэруко вытерла о подол повлажневшие ладони, не отрывая взгляда от разложенных одежд.

Рукава-крылья, накидка на голову с красной каплей сверху. Как капля крови...

Долог путь беглянки в холмах до порта. А там — удастся ли попасть на корабль? И где взять деньги, чтобы заплатить за проезд капитану?

Ах, если бы у нее были крылья...

Вот они — крылья. Руку протяни!

“Но это воровство!” — возмутился в душе негромкий строгий голос, удивительно похожий на отцовский. — “Нельзя брать чужое, Тэруко-чан!”

Воровство. И тут уже не оправдаться, не сказать: “Я не хотела”. Если Тэруко сейчас возьмет чужие крылья, станет не только убийцей, но и воровкой.

Но ведь она не насовсем возьмет! Ей только долететь до Самхана. Потом вернет. Тэруко обязательно потом найдет деву цуру и вернет ее оперение.

Как найдет? Как-нибудь. Придумает!

Ей надо. Очень-очень надо!

Луна заливала светом озеро, но деревья благоволили краже. Растопыривали ветви, раскрывали листья над головой, пряча принцессу от бледного лица повелителя ночи.

Полыхали щеки, было стыдно, противно. И страшно: вдруг купающиеся девы обернутся, всмотрятся пристальнее и заметят ночную воровку. Пригибаясь и прячась в травах, принцесса добралась до ближайшего наряда, коснулась белоснежного полотна. Руки утонули в мягчайшем птичьем пухе.

Тэруко закусил губу. Еще не поздно отказаться. Оставить наряд здесь, вернуться. Джин бы не одобрил...

Джин! Перед глазами, как живое, встало его лицо, когда самханец заразительно смеялся и подтрунивал над ней. И вспомнились поцелуи — такие горячие, страстные, пробудившие в теле ранее неведомые желания. От мысли, что Тэруко может никогда больше с ним не встретиться, захотелось взвыть раненой волчицей.

Она вернет одежды! С извинениями, богатыми дарами! Но сейчас ей нужно в Самхан!

Принцесса ухватила наряд и поползла обратно в кусты. Ночь не в силах была остудить разгоряченной стыдом кожи. Капли пота противно стекали по спине, невыносимо чесалось между лопатками. Каждое мгновение Тэруко ждала в спину крика: “Держи вора!”.

Крика не было.

Оказавшись по ту сторону кустарника, она припустила что есть духу по еле заметной в лунных лучах звериной тропе и остановилась только, добежав до своего гнезда, сплетенного из веток. Сердце колотилось так, что казалось — еще чуть-чуть и остановится, руки дрожали противной нервной дрожью.

Убийца и воровка! Вот кто она теперь!

Казалось, из кустов и с небес на Тэруко смотрят сотни строгих глаз. Словно каждый камень, каждое дерево в округе знали, что она совершила, и осуждали ее за это.

Она чуть было не повернула назад в приступе раскаяния, но вспомнила Такеши Кудо с его обещанием оборудовать тюремную камеру “со всевозможным комфортом” и не тронулась с места.

На небольшой поляне, Тэруко разложила свою добычу. Одежды мягко стекли из ее рук на траву. Они еле заметно сияли в лунном свете.

Дрожа от возбуждения и страха, принцесса разделась и снова остановилась в сомнениях.

Если сейчас она наденет накидку, пути назад уже не будет. Только вперед...

С другой стороны озера послышались испуганные и возмущенные крики — небесные девы обнаружили пропажу, и страх быть застигнутой помог решиться.

Ткань, нежнее лисьего меха, мягче тополиного пуха, скользнула по телу, лаская кожу. Принцесса раскинула руки, ставшие крыльями, часто хлопала ими, вытянулась на ставших вдруг очень тонкими и длинными ногах. Ветер-друг подхватил ее на руки, толкнул в спину. Тэруко оторвалась от земли и, медленно набирая высоту, полетела на юго-запад.

***

Подгоняемая стыдом и страхом, она рассекала воздух, стремясь убраться как можно дальше от обворованной цуру. Оставшаяся внизу земля слилась в неразличимое темное пятно, даже птичье зрение — куда более совершенное, чем человеческое, не способно было разобрать детали ландшафта. Если бы не звезды, ясно различимые на безоблачном ночном небе, Тэруко рисковала бы заблудиться.

Стоило снизиться, встать на ночлег, но страх быть пойманной гнал принцессу вперед. Страх отравлял полет, не давал ощутить свободу и безудержный восторг от нахождения в небесах — прекрасных и пустых.

После нескольких часов она попыталась снизиться, но внизу ее встретил океан — такой же бескрайний и темный, как небо, но куда более грозный.

Так просто?! Она покинула Хигоку и даже не заметила этого!

Выбиваясь из сил, Тэруко снова замахала крыльями, набирая высоту.

Вместе с знанием об океане пришел страх совсем обессилить, упасть в ночные волны. Руки-крылья налились свинцовой тяжестью, каждое движение отдавалось болью в непривычном к полету теле, но Тэруко упрямо поднимала их снова и снова, чтобы взмахнуть. Где-то впереди ждал берег — один из южных островов Оясимы, надо только дотерпеть, дотянуть до него.

Ветер был ее другом в этой борьбе. Подгонял, подталкивал в спину.

Уже когда небо за спиной налилось оттенками сирени, и воздух посветлел, Тэруко увидела, что давно летит над сушей. Облегчение было таким сильным, что она чуть было не рухнула камнем на землю, но, спохватившись в последний момент, снизилась плавно, выискивая пристанище.

Ей повезло — взгляд сам собой зацепился за крышу храма, торчащую среди горных сосен. Тэруко сделала круг, другой, третий.

Нет, не показалось. Храм давно был покинут и пуст.

Из последних сил она влетела в широкую дыру на крыше храма, вместе с первыми рассветными лучами опустилась на тростниковую циновку на полу. Рядом с циновкой виднелся закопченный очаг, нехитрая утварь. Тэруко была не первой, кто находил пристанище под этой крышей.

Но все это выглядело старым и безнадежно заброшенным. Если люди и прятались тут когда-то, они давно ушли.

Не снимая небесных одежд, принцесса вытянулась на циновке и провалилась в глубокий сон без сновидений.

***

Она проспала весь день и всю ночь. Проснувшись, обыскала свое временное пристанище и аж запищала от восторга, обнаружив у алтаря полупустой мешок с рисом. Рис был поеден жучками, но принцесса чувствовала себя такой голодной, что даже брезгливость отступила.

В облике журавля она поклевала рисовые зерна, напилась воды из протекавшего во дворе храма ручья, и снова взмыла в небо. Тэруко летела, ориентируясь по солнцу. Внизу проносились горные хребты, поселения. Промелькнул портовый город — расписные джонки с разноцветными парусами казались игрушечными, как маленькие кораблики, которые для нее в детстве мастерил отец.

Потом был морской простор — однообразный и величественный. Океан неспешно катил свои волны, одинаково равнодушный к человеческому счастью и горю.

Ночь Тэруко провела в складках паруса на мачте встреченного корабля. Ветер утих, парус чуть провисал под легким птичьим телом, словно гамак.

Проснулась она от того, что ткань натянулась. Команда просыпалась и суежилась внизу, намекая, что пора бы и Тэруко отправиться в путь. Вот только сперва заглянуть на камбуз, разжиться хоть какой пищей. Принцесса захлопала крыльями, выбираясь из своего убежища, и столкнулась лицом к лицу с матросом, который ставил парус.

Глаза мужчины округлились, челюсть отпала. Он так удивился, что чуть было не выпустил из рук веревку.

— Цуру! — заорал моряк. — Клянусь всеми драконами Сусаноо, здесь цуру!

Тэруко испуганно вспорхнула на верхнюю рею. Несмотря на ранний час, команда не спала. Люди внизу суежились, бегали, тыкали пальцами в птичий силуэт, испуганно жмушщийся к мачте.

“Цуру! Смотрите, журавль!” — несло над кораблем.

Вперед вышел мужчина — осанистый и важный, с бритой налысо головой. Он степенно поклонился.

— Небесная дева, прими угощение и благослови наше плаванье.

Тэруко моргнула. В протянутых руках мужчина держал сладкие рисовые лепешки.

Сразу заурчало в животе и есть захотелось в сто... нет, в тысячу раз сильнее, чем раньше. Принцесса сглотнула. И слетела вниз, каждое мгновение ожидая стрелы в спину.

Но мужчины стояли, не двигаясь, и благоговейно молчали, пока она склевывала подношение. Окончив трапезу, Тэруко поклонилась, и вся команда восторженно выдохнула в ответ. На лицах моряков заиграли улыбки, седые суровые мужчины радовались, как малые дети. Принцесса ощутила укол совести.

Эти люди считали ее настоящей небесной девой и ликовали, что Тэруко приняла их подношение. Небось, надеялись, что она замолвит за них словечко перед повелителем ветров Фудзином, и знать не знали, что подкармливают убийцу и воровку.

Она расправила крылья и взлетела, сделав на прощание круг над гостеприимным кораблем.

— Счастливого пути, дева цуру! — донеслось с корабля.

И снова весь день в пути, преодолевая расстояние и боль в измученном теле. Тэруко старалась не думать, где будет ночевать следующую ночь, если не повезет встретить еще одну джонку. Просто летела вперед, пока могла.

А на закате среди однообразных волн в клочьях седой пены на горизонте показались черные и гладкие, вылизанные морем скалы.

Самхан. Огненная земля.

ГЛАВА 3

Генерал самханской армии кипятился. Он то принимался ораторствовать, брызгая слюной, то вскакивал и начинал бегать по палатке, в которой располагался штаб.

— Ваше высочество! Сейчас идеальный момент для нападения! Город беззащитен, бери его голыми руками!

Генерал хотел своему принцу добра. Кто виноват, что никогда не воевавший мальчишка упорно отказывался понимать это.

— Нет, Бао! — во всегда спокойном и ровном голосе старшего принца аль Самхан прорезалась скрытая до поры сталь. — Я не буду сражаться с собственным народом, если

этого можно избежать.

— Вы ждете, что Шанчжу перейдет на вашу сторону, как провинции царства Тань?

— Именно.

— Этого не будет, — генерал бессильно опустил рядом с принцем, утирая вспотевшую лысину. — Наместник получил свою должность лично из рук принца Мина, ваше высочество. Он верен бунтовщикам. И чем ближе к столице, тем больше подобных городов и гарнизонов встретятся нам. Ваш брат и мачеха хорошо подготовились перед тем, как узурпировать власть.

— Как знать, — на молодом и довольно привлекательном лице принца промелькнула странная усмешка. — Лучшая война, как известно, та, что не начиналась, — процитировал он известный трактат. — Взять город штурмом мы всегда успеем, Бао. Сперва попробуем дипломатию.

С этими словами принц резко поднялся, толкнул дверь и шагнул наружу, щурясь от яркого солнца. Вдохнул запахи костров, подгоревшего риса и человеческих тел. В полуденном зное далеко разносились крики мужчин, конское ржание и перестук топоров. Светило уже перевалило за величественный пик Магошань, и теперь изливало жгучие лучи на стоящий у подножия лагерь, заставляя искать убежища в тени.

Нехорошо обижать высшие силы невниманием. Надо будет завтра подняться по склону к храму, принести владычице этих мест Маго-Хельми дары и попросить благословения. Войска стоят у подножия священной горы уже третий день, а осада грозит затянуться.

Встречный деревенский житель поклонился ему. Джин отметил, что крестьянин держался почтительно, но без ужаса. Хорошо. Значит, сделанное солдатам внушение, подкрепленное показательной поркой мародеров, действует.

Джин не был идеалистом и не надеялся взять страну без единого сражения, но там, где это возможно, старался не допускать грабежа и кровопролития. Это был его народ. Народ, которым предстояло потом править, и начинать правление с беззакония — плохая идея.

Принц успел дойти от хижины деревенского старосты, временно превращенной в штаб, до своей палатки, когда над головой раздалось птичье курлыканье, а вслед за ним перед Джином опустилась на землю крупная белая птица с красным опереньем на голове, похожим на забавную шапочку.

Или на каплю крови.

— Журавль?

Джин моргнул, изумленно рассматривая странную гостью. А та степенно прошествовала мимо Джина и нырнула в палатку.

— Подожди! — донельзя заинтригованный принц последовал за ней.

Он никогда не видел, чтобы птицы так себя вели.

Журавль стоял в центре палатки, словно ждал Джина. Когда ткань опустилась, скрывая их от внешнего мира, летун сделал шаг навстречу, потешно взмахнув крыльями перед собой, словно пытался умыться. Совсем не птичий жест.

Мелькнула мысль, что все это может быть хитрой ловушкой, подстроенной врагами, но Джин тут же ее отбросил. Что журавль может сделать взрослому и сильному мужчине, владеющему магией и боевыми искусствами?

— Привет, — принц улыбнулся и протянул раскрытую ладонь.

Он был почти готов к тому, что птица шарахнется в сторону и взлетит, но она сделала еще два маленьких шажка навстречу, перебирая длинными ногами. И повторила странный

жест.

— Хочешь есть?

Джин с досадой понял, что неожиданную гостью нечем угостить.

Журавль странно дернул крыльями и обиженно закурлыкал. Джин готов был поклясться, что вид у него при этом был ошарашенный и возмущенный.

Принц нахмурился. Ему всегда нравились эти сильные грациозные птицы, но поведение журавля не походило на птичье. Слишком осмысленное при всей своей нелепости.

— Тебя кто-то обидел?

Птица бестолково замахала крыльями. А потом забегала по палатке, перебирая длинными тонкими ногами. Принц готов был поклясться, что в каждом птичьем жесте скользили разум. Разум и паника.

— Ну, хватит, успокойся. У тебя какое-то послание для меня? Я слушаю.

Словно прислушавшись к уговорам, птица остановилась. Снова повторила странный жест, издала горестный, почти человеческий крик и метнулась прочь из палатки, оставив изумленного принца в одиночестве гадать, что это было.

***

Такого ужаса Тэруко не испытывала никогда в жизни. В панике принцесса металась над лагерем, оглашая воздух жалобными высокими криками. Рвущий душу на клочки страх заставил потерять разум, забыть обо всем.

За пять дней пути она ни разу не снимала ворованных одежд, в глубине души опасаясь, что наряд из птичьих перьев испарится, стоит ей скинуть его. И вот теперь, добравшись до конечной цели своего пути, Тэруко просто не смогла это сделать.

Невесомые, нежнее шелка, мягче меха одежды, подарившие ей свободу, превратились в темницу. Крылья не желали оборачиваться руками, краденая накидка из перьев душила в объятиях.

Но Тэруко не согласна! Она не хочет оставаться журавлем до скончания дней!

Нет, надо успокоиться... Должно быть, она просто что-то делает не так. Надо только разобраться, как снимают такие одежды, надо еще раз попробовать. И все получится!

Девушка камнем рухнула вниз, на вершину заросшего коноплей и крапивой холма чуть в отдалении от лагеря самханцев, и снова попыталась скинуть птичье обличие.

И снова. И снова, в который раз, выворачивая крылья под невыносимым углом.

Она даже выдернула у себя со злости клювом несколько перьев. Это не помогло. Только стало больно, словно выдрала целую прядь волос.

Но так нельзя! Ее история просто не может завершиться так бездарно и глупо.

Или может? Поделом наказание воровке!

В отчаянии она упала в заросли диких трав. Хотелось зарыдать, но слез не было.

Журавли не умеют плакать.

— Извини, дорогуша, — раздался над ухом насмешливый голос. — Но чем это ты тут занимаешься?

Тэруко медленно повернула голову. Рядом с ней сидела девушка, а вернее — молодая женщина.

Незнакомка была хороша. Темные волосы убраны в сложную прическу, алые губы, белая кожа и тонкие брови вразлет. Никаких следов пудры или помады на лице, словно все эти благородные краски были дарованы ей от рождения, а не появились благодаря женским ухищрениям.

Украшенное тончайшей вышивкой в виде бабочек и летучих мышей алое платье традиционного самханского покроя подчеркивало непростое происхождение женщины, но глаза были обычные — черные, как у простолюдинов. Они смотрели с интересом и насмешкой.

Не может быть, чтобы незнакомка обращалась именно к ней. Кто будет спрашивать подобное у журавля? Тэруко оглянулась.

— Да, да. Я с тобой разговариваю. Ты — человеческая девочка в одеждах цуру. Кстати, как они к тебе попали?

— Вы меня видите, — недоверчиво спросила Тэруко.

Из раскрытого клюва вылетело только невнятное курлыканье, но женщина кивнула:

— Это не сложно, если уметь правильно смотреть. Так кто ты и почему на тебе журавлиные перья, девочка? И почему ты так убиваешься, что крики слышны даже на вершине священной Магошань?

Ее голос звучал негромко, но требовательно. Так, словно женщина привыкла повелевать и имела на это право. Да и держалась незнакомка с истинно императорским достоинством.

— Меня зовут Тэруко Ясуката... — принцесса осеклась и замолчала.

— Продолжай. Ты из Оясимы?

— А почему вы спрашиваете?! — воспоминание о совершенных на родине преступлениях кольнули невидимой иголкой. Тэруко почувствовала стыд и разозлилась.

Кто такая эта женщина, чтобы принцесса Оясимы отчитывалась перед ней?!

Та пожала плечами.

— Мне интересно. И это не я пришла в твой дом с горестными рыданиями, выдирая перья.

— Я не хочу рассказывать!

— Тогда я не стану помогать тебе, — она поднялась, и Тэруко в тот же самый миг поняла, что еще мгновение — и эта странная женщина, умеющая видеть сквозь магию одежды и понимать птичий крик, вот-вот исчезнет из ее жизни. Уйдет, растворится в полуденном зное, терпком запахе конопли и крапивы.

А Тэруко так и останется здесь. Журавлем.

— Пойдите! — принцесса тоже вскочила, сделала два шага, перебирая тонкими птичьими лапами, умоляюще протянула к незнакомке белые с черными кончиками крылья. — Пожалуйста, подождите! Я все расскажу!

***

Говорить о своих преступлениях было тяжело. Тэруко то и дело останавливалась, но женщина не давала ей замолчать, забрасывая принцессу вопросами и дотошно выясняя все подробности. Она словно чувствовала, какие темы вызывают у принцессы смущение, и выспрашивала о них с особой настойчивостью.

Не собиравшаяся пускаться в откровения девушка с изумлением поймала себя на том, что рассказывает о попытке приворота будущего мужа, после которой Джин отвернулся от нее. И чуть позже незнакомка, не удовлетворившись кратким: “И тогда я сбежала”, заставила признаться не только в краже, но и в убийстве Сузуки.

Выяснив все, что хотела, женщина нахмурилась и задумалась. Принцесса тоже угрюмо молчала. Собственный рассказ заставил заново вспомнить все неприглядные поступки, которые она совершила во имя своей любви. Гордиться было нечем.

— Значит, — по губам женщины промелькнула легкая улыбка, — твой возлюбленный

— тот самый юноша, чьи войска уже третий день стоят у подножия моей горы, а воины вырубали половину деревьев в роще внизу?

Девушка нерешительно кивнула. Ее насторожили слова незнакомки. Кажется, та не слишком-то одобряла Джина.

— Он должен, — нерешительно добавила Тэруко. — Его мачеха и младший брат захватили власть в стране. В Самхане гражданская война.

Женщина нетерпеливо отмахнулась:

— Это я уже слышала. Так, говоришь, ты его любишь?

— Люблю, госпожа, — Тэруко так и не спросила имени своей случайной знакомой, поэтому обращалась к ней просто почтительно, как младшая к старшей.

Что-то подсказывало, что так правильно, и неизвестная женщина куда выше любой принцессы.

Незнакомка покачала головой:

— Истинную цену любви показывают не слова, а поступки. Ты опоила своего жениха, убила женщину и обокрала цуру, и утверждаешь, что сделала все это во имя любви?

Тэруко кивнула и отвела взгляд. Ее душил стыд.

— Ты знаешь, что цуру не могут долго без неба? Несколько лет на земле, и они угасают.

— Я бы все вернула! — она вскинулась и заговорила с яростью и страстью. — Я не навсегда взяла, клянусь!

— И как бы ты ее нашла? Ту, которую обворовала?

Принцесса поникла.

— Что же, проверим, какова цена твоей любви, девочка, — женщина подошла ближе. — Я помогу тебе снять краденые одежды.

— Правда? — не веря в собственное счастье, переспросила девушка.

— Правда, — незнакомка протянула руки, коснулась Тэруко, и перья стали одеждой — невесомой и легкой. Накидка соскользнула вниз по плечам. Вместо крыльев появились руки изящные, но сильные, с по-мужски коротко обрезанными ногтями и мозолями от катаны на ладони.

Не веря в собственное счастье, задыхаясь от восторга, принцесса поспешила скинуть краденый наряд. Жаркий ветер Самхана пощекотал кожу, ласкаясь, скользнул по обнаженной груди, животу. Девушка ойкнула и прикрылась. Руками — даже прикоснуться снова к краденым одеждам было страшно.

— Я заберу это, — незнакомка подняла наряд. — Отдам той, которую ты обворовала.

— Спасибо, — с непередаваемым облегчением поблагодарила Тэруко. — Извините, а у вас не найдется одежды? Я заплачу.

Присутствие женщины, ее пытливый взгляд заставляли стыдиться собственной наготы.

— Возможно, — та продолжала изучать Тэруко с таким видом, с каким хозяйка смотрит на купленный по случаю кусок туши и раздумывает, что бы из него приготовить. — Любишь мужские развлечения, принцесса?

— Люблю, — девушка опустила голову, пытаясь скрыть пылающие щеки. Всегда самоуверенная и активная, она ощущала сейчас себя беззащитной и беспомощной, сбитой с толку. Благодарность к незнакомке смешивалась с непонятым опасением. Слишком непостижимой казалась эта женщина, слишком пугало ее могущество.

Человек ли она? Скорее дух, а духи редко бывают добры к людям.

— Завидуешь мужчинам? — голос стал сахарным, вкрадчивым. — Часто носишь

мужской костюм?

— Иногда, — Тэруко разозлилась на собственный страх. Вскинула голову и посмотрела на незнакомку дерзко, в упор. — В нем удобнее сражаться и ездить на лошади, и не вам поучать меня, что мне носить.

Мало ей нотаций читали как будто, еще и от незнакомой ведьмы попреки выслушивать!

— Вот как? — по алым губам снова поплыла насмешливая улыбка. — Ты жадна, девочка. У тебя есть так много, но ты этого не ценишь. Как дитя к новой игрушке, тянешься к чужому.

В руках женщины появилась сложенная стопка одежды:

— Что же — вот твой наряд. Попроси меня о нем.

Зачем ей это? Хочет увидеть, как принцесса унижается?! Тэруко же сказала, что заплатит!

— Дайте мне его, — она помолчала и выдавила. — Пожалуйста.

— Возьми.

В стопке оказался традиционный самханский мужской костюм — свободные брюки из мягкой ткани, рубаха с воротником-стойкой и длинный, почти до колена, жилет. Все чистое, новое и как раз ее размера, словно специально для Тэруко шилось.

Она торопливо натянула вещи, путаясь в брючинах и непривычных застежках.

Одежда не помогла. Тэруко по-прежнему чувствовала себя незащищенной. А ощущение опасности как будто даже усилилось. Несмотря на жаркое солнце, ее начала бить нервная дрожь.

— Выпрямись, — приказала женщина. — Хочу посмотреть на тебя.

Принцесса послушалась. Щедрая незнакомка одобрительно улыбнулась, поправила воротничок, застегнула последнюю, забытую пуговицу на жилете.

— Вот теперь другое дело, — сладким до приторности голосом сказала она. — Какой хорошенький мальчик получился.

И в ту же минуту волна нестерпимой боли обрушилась на Тэруко. Нахлынула, погребла под собой, заставив рухнуть сперва на колени, а потом скорчиться на земле. Прижав ноги к груди, девушка всхлипывала и скребла пальцами сухую почву, ощущая, как по коже проходит то нестерпимый жар, то леденящий холод.

И боль. Болело все — от макушки до пяток.

Это не длилось долго. Несколько мгновений, которые показались вечностью.

Первое, что она услышала, придя в себя, был все тот же насмешливый женский голос.

— Прости, дорогуша. Без боли — никак.

— Что происходит? — прохрипела принцесса.

Собственный голос показался ей неестественно низким и странным.

— За свои проступки надо отвечать, принцесса. Любишь рядиться в чужие одежды, так примерь их по-настоящему.

— Что?! — Тэруко вскинула голову. В ресницах застряли слезы, солнце разбивалось в них, слепило.

На холме никого не было. Только покачивались метелки трав, пахло дикой коноплей и крапивой, да ветер носил в воздухе отзвуки серебристого женского смеха.

Принцесса села. С тайным ужасом потянулась ощупать лицо, оно было человеческим. Ни чешуи, ни клыков.

Но что-то все же было не так.

Она бросила взгляд на собственное тело и сплотнула. Оно стало крупнее, или ей только кажется? Руки так точно стали больше — это уже не изящные женские кисти с тонкими, но сильными пальцами, а здоровенные грабли.

Знак супружества на ладони — символ ее связи с Джинном! Он пропал, как не было! И где, где...

Грудь. Сколько с ней было неудобства. Приходилось бинтовать на тренировках или во время тайных вылазок, когда Тэруко переодевалась мальчиком, чтобы неузнанной пробраться в город.

И все же грудь была ее тайной гордостью. И Тэруко нравилось разглядывать себя обнаженной в зеркале — длинные сильные ноги, округлые бедра, тонкая талия, мускулистые плечи и руки — следствие ежедневных тренировок с катаной...

И два аккуратных упругих холмика с острыми сосками.

Принцессе нравилось, как ткань кимоно чуть натягивалась на них, заставляя мужские сердца биться быстрее. И она помнила, каким восхищенным взглядом смотрел на ее наготу Джин, когда она опоила его. Как раздевал, снимал повязку, прикасался так бесстыдно и чувственно, рождая в теле сладкое томление. Как хотелось выгнуться навстречу его губам и ладоням и замереть.

Нет, Тэруко никогда не бунтовала против собственной женственности. Лишь против правил, предписывающих девам молчаливую покорность.

Дрожащими пальцами она расстегнула пуговицы, сорвала жилет и рубаху. Всхлипнула, оглядев тощее мальчишеское тело. Безволосое, но жилистое. Провела пальцами по ставшей более грубой коже вниз, глотнула воздуха, набираясь решимости, и дернула завязки на штанах.

Хоть Тэруко и ожидала чего-то подобного, увидев висящий член — маленький и сморщенный, — она разрыдалась. Сначала тихо, а потом все громче и громче, до тех пор, пока не забилась и истерике, разбивая в кровь кулаки об усеянную камнями землю.

— Нет, нет! Я не хочу! Не хочу, слышите!

Далекий женский смех был ей ответом.

ГЛАВА 4

— Ваше высочество, дозорные поймали шпиона, — восторженный голос оруженосца отвлек Джина от изучения плана местности.

Принц поднял взгляд от бумаг, смерил ворвавшегося в палатку юношу прищуренным взглядом.

— Шпиона? — скептически переспросил он. — Любопытно. И на кого работает свежепойманный шпион?

— Начальник охраны лагеря капитан Цао как раз выясняет это, мой принц! — лихо отрапортовал оруженосец.

Джин вздохнул и поднялся.

— Ну, пойдём, взглянем на нашего шпиона, Юн.

Надо все-таки найти занятие для Цао, иначе тот в излишнем рвении перевешает всех местных жителей.

В то, что пойманный начальником охраны бедолага, действительно является шпионом принц не верил ни на мгновение. Зачем рисковать, подсылая человека со стороны? Куда проще завербовать кого-то, кто уже находится в армии, пообещав денег, высокий чин при

новой власти или просто напомнив об оставшихся без защиты в столице родственниках. Джин нисколько не сомневался, что среди окружавших его офицеров и солдат полно осведомителей, при необходимости готовых стать саботажниками и перебежчиками.

Тем и плоха гражданская война.

— Не надо! Пожалуйста, не надо, я ни в чем не виновата! — высокий и отчаянный мальчишеский крик застал его на подходе к маслобойне, на время постоя войск превращенной в карцер. Джин ускорил шаг. Не хватало еще, чтобы этот псих искалечил паренька!

Он успел вовремя. Палач только успел раскалить на огне щипцы и сейчас медленно подносил к привязанному за руки пленнику.

Мальчишка — полуобнаженный и тощий — часто дышал, не отрывая глаз от источающего жар металла. Залитое потом, искаженное ужасом лицо показалось Джину смутно знакомым, но думать об этом не было времени. Ситуация требовала полного контроля.

— Прекратить это, — скомандовал он палачу. — Капитан, что здесь происходит?

— Поймали оясимского шпиона, мой принц, — отрапортовал Цао. Недалекий и напыщенный, но упорный и по-собачьи преданный династии аль Самхан и Джину лично, он постоянно стремился доказать свою полезность методами, от которых оставалось только хвататься за голову.

— Оясимского?

Это было что-то новенькое. По знаку Джина палач отступил от мальчишки. Принц еще раз оглядел спасенного и только что не выругался. Совсем же ребенок! Хорошо, если четырнадцать исполнилось!

Нашли шпиона! С такими союзниками никаких врагов не надо!

— Цао, ты идиот? — злость была так сильна, что Джин не стал играть в дипломатию и переносить разговор на потом. Начальник охраны заслужил прилюдную выволочку. — С чего ты решил, что он шпион?

При звуках его голоса мальчишка вздрогнул, словно возвращаясь из мира кошмаров в реальность. Оторвал, наконец, взгляд от палача, чтобы уставиться в упор на принца. Странно, но Джин мог бы поклясться, что на лице пленника, последовательно промелькнули узнавание и радость, а потом снова вернулся страх.

— Он шпион, мой принц, — упрямо возразил Цао. — Был пойман дозорными во время обхода. Никто из местных его не признает. Говорит с акцентом. Кто он, откуда и как попал сюда, не признается. Шпион!

— Я не шпион, — прошептал мальчишка сорванным голосом, и Джина снова накрыло странное ощущение узнавания. Определенно, он уже видел это излишне красивое, почти женственное лицо. Округлое, с пухлыми губами и широко расставленными глазами цвета темных вишен...

Какой знакомый цвет!

— Ну конечно! — принц щелкнул пальцами. — Ясуката?! — спросил он у пленника.

Мальчишка побледнел и сгорбился.

— Ты похож на свою сестру, — сообщил ему Джин, ощущая одновременно облегчение и желание надавать тумачков всем присутствующим. — Тэруко ведь твоя сестра?

Тот опустил голову и выдавил: “Да”.

— Загадка раскрыта, капитан, — яда в голосе старшего принца аль Самхан хватило бы

на пару гадюк. — Этот “шпион” — брат моей жены. Развяжите его! От родственников с этой стороны я избавляться не намерен.

— Но ваше вы... — одного уничижительного взгляда со стороны принца хватило, чтобы пресечь возражения.

— Позже зайдешь ко мне для разговора, — вроде бы доброжелательно продолжил принц, но что-то в его голосе заставило начальника охраны сглотнуть. — А сейчас отпусти мальчика. Ну же!

Услужливо подскочивший палач попробовал развязать веревку, но только сильнее затянул узлы, вызвав у пленника стон боли. Джин выругался, обнажил меч и перерубил веревку.

— Руки, — приказал он.

Мальчишка опасливо покосился на него, но протянул связанные запястья, Джин вторым ударом рассек путы и положил внезапно обретенному родственнику руку на плечо.

— Где его одежда, Цао?

Тот кивнул на сваленные в углу тряпки. Принц подтолкнул мальчишку.

— Одевайся и пойдем. Похоже, нам нужно поговорить.

***

По дороге к палатке мальчишка боязливо косился на своего провожатого и явно раздумывал, не дать ли деру. Чтобы избавить его от соблазна, Джин на протяжении всего пути крепко удерживал паренька за плечо.

— Располагайся, — сказал он, откидывая полог палатки. — Ты голоден?

Гость судорожно сглотнул и кивнул.

— Юн, принеси еды, — бросил Джин в темноту за спиной и усмехнулся, заслышав удивленное: “Ой!”.

Так и знал, что любопытный оруженосец будет греть уши. Мальчишки в шестнадцать лет такие предсказуемые.

Принц снова перевел взгляд на новоявленного родственника. Тот разглядывал скудное убранство палатки с недоверчивым видом.

— Вы здесь живете? — голос паренька все еще звучал хрипло.

Джин кивнул.

— Здесь. Давай познакомимся. Как тебя зовут?

Непонятно отчего этот простой вопрос вогнал мальчишку в такое смущение, но тот вспыхнул. Отвел взгляд и буркнул: “Рю”.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

Принц рассмеялся.

— Ври больше. Пятнадцать хоть есть?

Тот сгорбился.

— Есть.

Полог палатки шевельнулся, и в щель просунулась голова Юна.

— Я принес рис, ваше высочество.

— Отлично, давай его сюда.

Присевший было Рю вскочил, глядя на принца снизу вверху умоляющими голодными глазами, — что твой кот. Джин снова усмехнулся и протянул ему миску и палочки. И с заговорщицким видом склонился к оруженосцу.

— Юн, ты мне нужен.

— Да, мой принц, — отозвался тот, глядя на Джина влюбленным взглядом.

— У меня предстоит важный разговор. Проследи, чтобы никто не отирался рядом с палаткой и не подслушивал.

— Конечно, ваше высочество! — преисполненный энтузиазма оруженосец поклонился и вылетел наружу.

Можно было не сомневаться, что Юн примется исполнять порученную работу со всем ему присущим юношеским пылом. А главное, будет слишком занят, чтобы подслушивать самому.

Принц обернулся к новоявленному родственнику. Рю сидел на циновке в углу и уплетал принесенную еду. Палочки в его руках мелькали с такой скоростью, что глаз не успевал отслеживать.

Надо решать, что делать дальше с неожиданным гостем. Во многом это зависит от рассказа самого Рю, но в любом случае выбор невелик. Они, демоны его побери, не на увеселительной прогулке.

— Итак, Рю Ясуката, пятнадцати лет отроду, я жду.

Мальчишка поскреб палочками по дну пустой миски, отставил ее в сторону и взглянул на Джина исподлобья:

— Чего?

— Твоего рассказа. Как и зачем ты здесь очутился? И почему я никогда раньше о тебе не слышал?

Семейные связи высоких родов Оясимы Джин знал лишь немногим хуже родовых дерев самханской знати. Не зря же он провел пять лет во внешней разведке и почти два года жил в Оясимае в качестве посла.

А уж родовое древо семьи Ясуката принц и вовсе готов был начертить по памяти в любую минуту.

Официально никакого Рю не существовало. Тэруко была единственной дочерью генерала Ясукаты и младшей принцессы Риндзин. Мать умерла родами, обожавший супругу самурай так и не женился повторно. Впрочем, когда отсутствие жены мешало зачинать детей? И кто считает детей от наложниц?

Смущало лишь то, что глаза у паренька были не черные. Такое могло случиться, только если его мать тоже происходила из самурайского сословия. А это открывало любопытные перспективы даже для бастарда.

— Я... сбежал, — буркнул мальчишка. — Из дома.

— Зачем?

— На войну. К вам.

Принц вздохнул. Как это по-мальчишески! Так предсказуемо и так понятно, что даже рассердиться не получается.

— Зачем ты сбежал на войну, Рю?

— Ну... вам же нужны соратники. Я умею сражаться. Изучал тактику и стратегию. Я прочла... то есть прочел “Искусство войны”, “Наставления юношам, ступающим на доблестный путь воина”, “Объединение царства”, “Пять ступеней духа”, “Воспоминания с самханской войне” и все записки всех генералов!

По мере того, как Рю говорил, в его глазах загорался огонек.

— Все записки всех генералов? — даже не пытаясь скрыть иронию, переспросил Джин.

— Все!

— Это меняет ситуацию. Без такого ценного помощника мне, конечно, не справиться.

Мальчишка понял сарказм и поник.

— Кто была твоя мать, Рю?

— Юрико Едзивара.

— Наложница?

— Нет, — паренек снова покраснел. Да так, что даже уши стали малиновыми. — Она... супруга господина Едзивары. Вассала отца. Была...

Джин присвистнул. Это объясняло все. В том числе, почему он никогда не слышал о существовании Рю Ясукаты.

— Ясно, — он снова осмотрел мальчишку, пытаясь понять, что с ним делать.

Если подумать, то парень совсем не промах и целеустремленности ему не занимать. Сумел добратся из Оясимы до материка, преодолеть три провинции, найти ставку Джина. Задача, которая по силам не каждому взрослому. Да и пятнадцать лет — не десять. Самый возраст, чтобы стать мужчиной и попрощаться со всей этой юношеской придурью.

Война — жестокий, но самый верный способ повзрослеть.

***

Тэруко никогда не умела и не любила врать. Когда она пыталась это делать, голос сам собой менялся, начинал звучать неестественно и фальшиво, уши и щеки вспыхивали, а взгляд принимался трусливо бегать.

Отец вот всегда понимал, когда она кривила душой, и укоризненно качал головой: “Тэруко-чан, к лицу ли дочери самурая осквернять себя ложью?”

И сейчас под доброжелательным и насмешливым взглядом Джина ей хотелось сгореть со стыда. Казалось, он все понимает и просто забавляется. Как кот с мышью.

Сердце еще колотилось в заполошном ритме, и руки чуть дрожали от пережитого на маслобойне ужаса. Стоило прикрыть глаза, как в памяти вставали раскаленные до малинового свечения щипцы в руках палача. И хотелось плюнуть, забыть о том, что она сильная, смелая. Обнять мужа, спрятать лицо у него на груди и выплакать свое одиночество и все испытания последних недель.

Обнять? При мысли о реакции Джина Тэруко криво ухмыльнулась.

Дракончик Рю — так ласково называл ее иногда отец. И еще так звали сынишку госпожи Едзивары, с которым Тэруко играла в детстве.

Признаться в том, что она — это она, недоставало смелости. Разве кто поверит в подобное превращение? Нет, скорее Джин назовет ее в лицо лгуном и прикажет вернуть на маслобойню.

Душа еще отказывалась принять непоправимое. Слишком мало времени прошло с тех пор, как ее, рыдающую, обнаружил на холме дозорный отряд. Принцесса не успела смириться ни с колдовством незнакомой колдуньи, ни с новым телом — отвратительно угловатым, широкоплечим, лишенным соблазнительных выпуклостей и изгибов.

А Джин сидел рядом. Такой же насмешливый и сильный, каким запомнился ей. Война наложила свой отпечаток — принц выглядел усталым, и меж бровей залегла еле заметная складка. Но держался он так же, как в Оясимае — спокойно, уверенно. Не подавлял, не повышал голос, но все вокруг волей-неволей подчинялись и действовали так, как нужно было принцу.

— Как там Тэруко?

Простой и вроде бы невинный вопрос заставил девушку вспыхнуть. Она отвела взгляд, уставившись на пустую миску у ног. К краю посуды прилипло одинокое зернышко риса.

— Хорошо. Она... Она часто вспоминает вас. И очень ждет.

— Ясно.

Джин сам заговорил о ней, и заговорил без отвращения. Тэруко даже показалось, что в его голосе прозвучали теплота и забота. Ничто в выражении лица принца не напоминало о тех гневных словах, которые он швырнул ей в лицо после неудачной попытки приворота.

Сердце в груди дернулось и забилося чаще. Быть может, он больше не сердится? Простил Тэруко? Означает ли это, что у нее есть шанс?

Она перевела взгляд на собственное тело и горестно скривилась. Шанс? У нее?

Вряд ли Джин Хо ланг-И аль Самхан любит мальчиков.

Предмет ее тайных терзаний растер виски, словно у него болела голова. И посмотрел на Тэруко в упор.

— По-хорошему, следовало бы отправить тебя домой, Рю Ясуката. Но у меня нет лишних людей, чтобы выделять тебе отряд в качестве охраны. И если с тобой что-то случится, Тэруко расстроится. Поэтому я разрешаю тебе остаться, — он повысил голос. — Юн!

— Да, мой принц! — в палатку просунулась круглая вихрастая голова мальчишки, которого Тэруко уже видела.

— Рю — брат моей жены. Он будет моим вторым оруженосцем и посыльным. Проводи его по лагерю и покажи, как все устроено.

Под ревнивым взглядом мальчишки Тэруко поднялась и поклонилась.

— Спасибо, ваше высочество.

Вот и сбылась мечта. Она принята на равных среди мужчин.

Но этого ли хотела принцесса на самом деле?

ГЛАВА 5

Юн принцессе сразу не понравился. И, похоже, что оруженосец вполне разделял ее чувства.

Демонстрируя всем своим видом пренебрежение старожилы, мальчишка провел ее по лагерю, скороговоркой поясняя, где что находится. На вопросы он отвечал неохотно и всякий раз закатывал глаза, словно вопрошая у высших сил, за что они заставляют его возиться с этим тупицей.

Этого хватило, чтобы и без того несдержанная и злая от дурацкой ситуации принцесса вскипела, как чайник на огне. Тщетно пытаясь унять гнев, она становилась все более высокомерной в манерах, интонациях и взглядах, что в свою очередь очень злило Юна.

Не прошло и четверти часа, как оставленные наедине оруженосцы принца готовы были вцепиться друг другу в глотки.

Они как раз шли вдоль края солдатского лагеря. Внимание Тэруко привлекли сотни костров в ночном поле. У каждого костра кучковалась рота солдат, готовясь ко сну.

— И где я буду спать?

Как ни старалась она произнести это нейтрально, в голосе все равно проскользнули снисходительные нотки внезапно попавшего в хлев аристократа.

Оруженосец смерил Тэруко коротким неприязненным взглядом.

— Да мне как-то все равно. Хоть в помойной яме.

Тэруко оскорбленно моргнула. Никто и никогда не позволял себе разговаривать с ней в подобном тоне. Тем более, такое не было дозволено мальчишкам с плебейски черными глазами.

Она выпрямилась, нацепив надменную маску, и процедила.

— Не надо мерить других по себе, низкорожденный. Если ты и привык ночевать в помойной яме, то я — нет.

— Что?! — Юн остановился. На его круглом лице по очереди промелькнули изумление, обида и гнев. — Да я тебя!

Пусть принцессу почти не учили рукопашному бою, делая упор на кэмпо, тренированное тело отреагировало само. Тэруко увернулась от удара, перехватила руку противника и с наслаждением двинула ему кулаком под дых. Она собиралась добавить, но тут уже Юн метко пнул ее ногой в живот, выдернул руку из захвата и навалился.

Пыхтя и осыпая друг друга градом беспорядочных ударов, они повалились на землю. Юн был выше, шире в плечах и сильнее. Кроме того, на его стороне явно был немалый опыт дворовых драк с другими мальчишками. Тэруко, несмотря на лучшую подготовку никогда не сходилась врукопашную вне стен додзё. Но принцесса была адски, невероятно зла. Она дралась с остервенением, до которого ее противнику было далеко.

Резкий удар в лицо ослепил. Из носа закапало, но это не остановило Тэруко, только разозлило еще больше. Почти не чувствуя боли, она замахнулась в ответ, вкладывая в удар весь кипевший в душе бессильный гнев и обиду на гримасы судьбы.

Рычащий в пыли клубок распался. Теперь Тэруко сидела на оруженосце верхом и лупила его, куда придется. Вбитые учителями основы рукопашного боя, как и знание о болевых точках вылетели из головы, осталась только звериная жажда навалиться и рвать, рвать зубами...

— Прекратить! — раздался командирский рев над головой, и чья-то рука вздернула Тэруко за шиворот. — Что здесь происходит?

Он спрашивал, явно обращаясь к лежащему на земле в пыли Юну. Вид у оруженосца был прежалкий: одежда в пыли, волосы растрепаны, из разбитой губы хлещет кровь.

Тэруко отметила это с каким-то отстраненным злорадством. Понятно, что сейчас мальчишка нажалуется и обвинит ее во всех тяжких. И конечно ему поверят — он свой для этих людей, а она — чужачка... чужак.

Ну и пусть. Все равно оно того стоило.

В душе ощущалось опустошение и странная удовлетворенность. Пусть Юн и не был виноват в ее бедах, честная победа в мальчишеской драке помогла хоть немного выплеснуть напряжение. Тэруко больше не чувствовала себя беспомощной жертвой.

А за такое можно и заплатить.

— Господин сотник, — парень сел и приложил руку к губе, унимая кровь. — Рю — новый оруженосец его высочества. Мы повздорили.

— Новый оруженосец? — мужчина понимающе хмыкнул. — И кто первый начал?

Принцесса молчала. По-хорошему начал Юн, но говорить об этом казалось неправильным. Все равно, что жаловаться.

Да и нельзя отрицать, что она сама хотела этой драки. Не меньше, а то и больше мальчишки.

Юн поднялся и встал навтыжку. На его лице была написана готовность мученически пострадать за правое дело. Парень явно был уверен, что Тэруко назовет его имя.

Мужчина встряхнул ее за шиворот.

— Отвечать на вопрос!

— Никто, — угрюмо буркнула Тэруко. — Как-то само. Слово за слово.

Глаза паренька изумленно расширились. Он снова взглянул на Тэруко. Так, словно видел в первый раз.

Сотник явно не поверил, но докапываться не стал.

— Ты знаешь, что бывает за драки, Юн?

— Знаю, господин.

— Неделя работ в солдатском лагере. Обоим. В следующий раз будут палки, — обронил мужчина, отпуская Тэруко.

И ушел.

Принцесса проводила его взглядом и, сжимая кулаки, повернулась к оруженосцу. Как бы ни набросился снова?

Запал и ярость драки уже ушли, Тэруко сильно сомневалась, что сможет победить второй раз. Скорее уж Юн накормит ее землей и заставит реветь, утирая кровавые сопли.

Но оруженосец только смущенно улыбнулся и протянул руку.

— Ты это... прости меня, ладно. Я думал: ты слабак и хлюпик, войны не нюхал. А ты мне вон как врезал. Мир?

— Мир, — с облегчением согласилась Тэруко, пожимая жесткую мальчишескую ладонь.

В чем-то мужские порядки были для нее проще и понятнее. Сложно представить, чтобы какая-нибудь фрейлина произнесла подобные слова, получив взбучку.

Правда еще сложнее представить фрейлину, которая дерется с принцессой.

Кровь уже унялась, но распухший нос ужасно болел. Она представила, с каким лицом предстанет перед Джином завтра, и горько улыбнулась.

Как будто есть разница.

— Пойдем, я покажу, где можно умыться и постирать одежду, — продолжал как ни в чем не бывало Юн. — И к доктору надо заглянуть, он даст мазь от синяков. Хотя, — тут мальчишка горестно вздохнул. — Его высочество все равно заметит. Он всегда все замечает.

Тэруко рассмеялась. Благоговение, с которым Юн произнес “его высочество” раскрыли ей глаза на причину неприязни со стороны оруженосца.

Мальчишка боготворил Джина. И явно боялся, что пришлый “родственник” займет его место возле кумира.

— Пойдем, — согласилась она. — Посмотрим, что можно сделать.

***

Когда с обработкой синяков и шишек было покончено, Тэруко осталась ночевать в палатке, которую Юн делил с горнистом и тремя вестовыми. Наутро они вместе отправились копать отхожие ямы — назначенную неделю нарядов никто не отменял.

— Оставайся насовсем у нас. Места хватит, — предложил после совместного завтрака сытый и благодушный оруженосец. Тэруко подумала, и кивнула, а обрадованный Юн потащил ее смотреть лагерь при свете дня.

Их палатка находилась в офицерской части, солдатам появляться здесь без веского повода было запрещено. Границы лагеря отмечали выстроенные в круг телеги, и даже охрана имела на входе.

— Потому, что у господ-офицеров ценные вещи, бумаги, — сбивчиво объяснил Юн. —

Кувшины тут опять же.

— Какие кувшины?

Он кивнул на выкопанную чуть в стороне яму, прикрытую неброской дерюгой:

— С земляным маслом.

Принцесса уставилась на нее, не в силах скрыть любопытства. Она только слышала об этой вонючей субстанции, что мгновенно воспламенялась от попадания огня и горела даже на поверхности воды. В Оясиме ее называли “жир земли” и иногда применяли в морских сражениях.

А Юн уже болтал и тащил ее за руку дальше, к табуну лошадей, где за Тэруко закрепили невысокую грациозную кобылку по имени Муха.

В итоге Юн стал для девушки первым другом и проводником в мире армии. Оруженосец оказался совсем неплохим парнем. Прямой и вспыльчивый, но не подлый, он умел быть верным товарищем.

К Тэруко (а вернее к Рю), после той драки, когда она сперва победила его, а потом не сдала, как зачинщика, парень проникся уважением и дружескими чувствами. И старался помочь ей привыкнуть к армейскому распорядку.

Эта помощь была совсем не лишней.

Жизнь в армии стала для свободолюбивой принцессы настоящим испытанием. Не терпевшая ограничений и чужих приказов, девушка обнаружила, что путь воинской славы щедро усыпан как первыми, так вторыми.

В мемуарах и записках прославленных генералов этот пункт как-то стыдливо опускался. Что уж говорить о песнях и героических сказаниях?

А еще в мемуарах ничего не говорилось о нарядах по выкапыванию отхожих ям, тасканию воды из колодца или стирке одежды. Занятия, может, и нужные, но совершенно негероические. Обычно ими занимались солдаты, но за провинность могло прилететь и оруженосцам. Да и прилетало.

Поначалу работы в обозе принцесса терпела, стойчески стиснув зубы, а потом даже как-то втянулась. Оказалось, стоит слегка изменить свое отношение к делу, и все становится проще. Никто не хотел специально унижить Тэруко, когда поручал ей грязную работу. Подралась — нарвалась на наказание. Спасибо, что не бамбуковыми палками по пяткам. К тому же делать что-то простое, требующее физических усилий и приносящее благо всем вокруг, оказалось неожиданно приятно.

Во внутренней иерархии армии оруженосцы имели особый статус: с одной стороны у Тэруко не было прав приказывать, с другой — она проживала в той части лагеря, где обитал высший командный состав, подчинялась Джину напрямую и могла игнорировать приказы большинства офицеров.

Не иначе, как благодаря помощи Юна, Тэруко на удивление быстро освоилась и стала своей в лагере. У нее появились и другие приятели, кроме оруженосца. Например, сотник Реншу — весельчак и балагур.

И только капитан Цао по-прежнему ее не любил и при встрече сверлил подозрительным взглядом.

— Думаешь, ты такой хитрый, если сумел обмануть его высочество, лазутчик? — спросил он как-то у Тэруко. — Не надейся! Я за тобой наблюдаю.

— Да наблюдайте, раз вам делать нечего, — ответила принцесса, за что схлопотала болезненный подзатыльник.

— Один прокол! — пообещал капитан. — Любая мелочь, и ты вернешься к палачу. Понял?

Она снова хотела сдержаться, но передумала. Мало ли какую гадость подстроит в ответ капитан? У начальника охраны лагеря много возможностей.

— Понял, пустите.

Отдельным испытанием стала жизнь в мужском коллективе. Здесь в ходу были сальные шуточки на тему женщин, от которых щеки принцессы невольно окрашивались румянцем. Порой звучавшие высказывания казались ей настолько грубыми, что Тэруко с трудом сдерживалась, чтобы не вскочить и не залепить охальнику по губам.

Ее бы не поняли.

Само по себе пребывание среди здоровых сильных мужчин смущало. Приходилось прикладывать усилия, чтобы не засматриваться на полуобнаженные тренированные тела. Особенно когда командир взвода для борьбы со скукой гонял солдат, заставляя под палящим солнцем отрабатывать маневры.

Капли пота на смуглой коже, резкий мужской запах. Или совместное мытье — вот уж ужас! Против воли взгляд сам собой задерживался на ладно сложенных мускулистых фигурах молодых парней, которых в войске было никак не меньше трети. И тело, проклятое, подsunутое горной ведьмой мужское тело, немедленно отзывалось на непристойные мысли совершенно однозначным образом.

Новое тело вообще страшно раздражало Тэруко. Вызывало у нее приступы неприятия, ненависти и глухого бессилия. Принцесса не хотела находится внутри него! Она хотела обратно свою грудь, тонкую талию, округлые бедра. Свою нежную кожу, грацию, звонкий голос. Мужское (а вернее — мальчишеское) тело казалось ей нелепым и некрасивым. То, что привлекало в мужчинах, заставляло задерживать на них взгляд, любоваться, в себе ощущалось чуждым и неправильным.

И член. Вот уж мерзкий отросток, лишний раз в руки взять противно! Живет своей жизнью, желаниям хозяина совсем не подчиняется. Вот с какой радости он, спрашивается, торчит с утра с таким видом, словно готов к подвигам? И не помочиться толком из-за этого.

Ладно утром. Гораздо хуже было, когда Тэруко как-то раз подглядела за тренировкой Джина. Совсем как раньше, в Оясиме, принцесса любовалась, как он отрабатывает боевые приемы, а сердце сладко замирало и таяло при мысли, что этот потрясающий мужчина — ее муж.

Тело обдала волна возбуждения, и, отзываясь на него, гадкая штука в штанах шевельнулась, подавая признаки жизни.

Нет, конечно, у нового тела были и плюсы. Например, оно было куда сильнее, быстрее и в целом как-то лучше приспособлено к сражениям — это доказала первая же драка, а последующие тренировки только подтвердили. Иногда Тэруко ловила себя на смутном любопытстве и желании изучить подарочек горной ведьмы. Но в лагере не было возможности уединиться. Не трогать же себя в присутствии сотен изголодавшихся по ласке солдат?! Она еще не настолько сошла с ума.

И так слишком часто приходилось ловить на себе многозначительные взгляды, от которых хотелось закрыться и спрятаться.

Парочка особо наглых мужланов не ограничились взглядами и подкатили к новому оруженосцу с непристойными предложениями. Вот тогда Тэруко и пригодились все подслушанные в казармах крепкие выражения. Проорав в лицо развратному десятнику

многоэтажное ругательство принцесса сама испугалась, а тот только понимающе ухмыльнулся.

— Не изменяешь его высочеству?

Слова похабника помогли принцессе понять причину сдержанности остальных ценителей молоденьких мальчиков: ее считали любовником Джина, оттого и не приставали. Поначалу это открытые посеяло бурю возмущения в ее душе. Но позже, успокоившись, она решила, что все к лучшему.

Пусть думают любую грязь, лишь бы не лезли.

Хотя за Джина все равно было обидно. Большинство солдат явно считало, что принц использует обоих своих оруженосцев и в этом смысле. Кажется, для самханской (а может, и не только для самханской?) армии в этом не было ничего позорного или исключительного...

Но Джин не использовал. Он не спал ни с Юном, ни с одной из деревенских потаскух, которые, охотно ублажали солдат за скромное вознаграждение. Принц вообще большую часть времени был занят делом. Изучал карты, чертил схемы, отправлял и получал письма, совещался с генералами, отдавал приказы, тренировался...

Порой он исчезал почти на весь день, чтобы вернуться под вечер — усталым, но довольным, а позже до армии доходили слухи, что еще один гарнизон встал под знамена старшего принца аль Самхан.

Девушка готова была поклясться, что на ее глазах происходило невиданное. Джин выигрывал войну, не перемещая войск и не устраивая сражений. В одиночку, с помощью дипломатии.

Дипломатия... а ведь когда-то Тэруко смеялась над любовью своего жениха решать конфликты с помощью слов! И даже обвиняла в трусости!

Сейчас принцессе было стыдно.

По рассказам Юна выходило, что за два месяца войны армия Джина вступила лишь в несколько коротких стычек. Душа оруженосца жаждала воинских подвигов и славы, но выбранная принцем стратегия не давала развернуться, и мальчишка откровенно страдал.

— Так и состариться можно! — повторял он, с яростью обрушивая колун на полено — назначенную за драку неделю нарядов никто не отменял.

— Чего он ждет, как ты думаешь? — спросила Тэруко, укладывая дрова.

— Ждет, когда наместник сдаст город.

Изогнутая полумесяцем горная гряда отделяла прибрежные провинции от центрального Самхана. Шанчжу, расположенный у единственной широкой дороги, идущей на северо-запад через ущелье Лонг Юй, словно одинокий часовой охранял проход к сердцу страны. Миновать его или оставить за спиной невзятым и враждебным было невозможно.

Город у подножия Магошань был великолепно укреплен и обещал стать крепким орешком даже для опытного полководца. Но вместо того, чтобы идти на приступ, бить тараном в ворота, осыпать защитников стрелами, войска просто стояли у стен.

Не только у стен. В армии Джина было без малого двадцать пять тысяч человек. Они занимали всю долину, окрестные деревеньки и холмы в предгорьях. Чтобы солдаты не дурели со скуки и не мародерствовали, офицеры гоняли их, заставляя отрабатывать боевые построения. А однажды даже послали несколько отрядов помочь местным жителям на уборке урожая.

Если бы дело происходило в Оясиме, такая “осада” давно бы закончилась ограблением деревень и голодным бунтом. Но это был Самхан. Самхан с его великолепными дорогами,

налаженной системой снабжения. Подводы с фуражом прибывали ежедневно. Пять прибрежных провинций, перешедших на сторону Джина, обеспечивали армию провиантом.

И все равно мир не видывал более странной войны.

Не всем солдатам было по нутру это “сидение”. Если даже боготворивший принца оруженосец порой позволял себе возмущаться, то что говорить о простых воинах. Безделье, скука и запрет на мародерство не способствовали популярности Джина. Принцесса подмечала ропоток недовольства среди солдат и ротных командиров, который ей очень не нравился.

Обязанности оруженосца были просты. Кроме того, их оказалось так мало, что едва хватало на одного Юна. Неудивительно, что мальчишка обозлился на появление конкурента.

Она таскала принцу еду из общей полевой кухни — Джин принципиально питался из одного котла с солдатами и от своих офицеров требовал того же. Иногда бегала с несложными поручениями, относила письма. Полировала оружие и доспех, которые принц надевал только для тренировки.

Джин не советовался с ней. Не обсуждал тактику и стратегию, не объяснял, что и зачем будет делать и как планирует вести кампанию. Большую часть времени он ее просто не замечал, и это было обидно. Не так Тэруко все себе представляла, не за этим стремилась в далекий жаркий Самхан. Ей хотелось внимания мужа. Разговоров, его интереса, поддержки, наставлений. Хотелось стать для него особенной, самой нужной и ценной.

Но время шло, а Тэруко оставалась для Джина всего лишь мальчишкой Рю. Оруженосцем его высочества.

ГЛАВА 6

— Рю, ты слышал?! Люди капитана Цао поймали лазутчицу!

Глаза оруженосца сияли. Любая новость, хоть как-то разбавляющая их сонное существование, приводила Юна в восторг, а тут не абы что, а целая шпионка! Романтика!

Тэруко вздрогнула, вспомнив маслобойню и малиновые от жара щипцы в руках палача.

— Лазутчицу? — зачем-то переспросила она.

— Ага. Я издавека видел, как ее вели. Краси-и-ивая, — вздохнул оруженосец. — Вот бы глянуть поближе, пока ее Цао не запытал.

— А откуда известно, что она лазутчица? — это получилось сказать небрежно, даже равнодушно.

— Говорят, попалась, когда хотела поджечь лагерь. У горшков с земляным маслом взяли.

Принцесса закусил губу. Может, и вправду лазутчица?

И тут же вспомнила все обвинения, которые выдвигал против нее Цао. Для постороннего человека они, наверное, звучали так же убедительно.

— А где ее держат, не знаешь?

— Да на маслобойне, где же еще?!

***

“Я только одним глазком гляну — и обратно”, - уговаривала себя Тэруко, подходя к проклятой маслобойне.

По-хорошему все происходящее было не ее делом. Какая разница, кого теперь поймал и пытается психопат Цао? С Тэруко-то все хорошо.

Но воспоминания о пережитом здесь отчаянии и ужасе как магнитом тянули к

пыточной.

Кто она — эта неведомая девушка, которую Цао обвинил на этот раз? Что он с ней сделает? Для женщины в плену страшны не только пытки. Насилие — участь куда более жуткая.

И как назло, Джина нет. Снова уехал на весь день. Если повезет, к ночи вернется.

Цао не станет ждать ночи.

У входа на маслобойню, оперевшись спиной о стену, дремал разморенный жарой часовой. Тэруко сжала кулаки. Цао — сволочь! И здесь все предусмотрел. Она осмотрела приземистое строение. Крыша сложена из пальмовых листьев. Другого входа нет, да и зачем он нужен на маслобойне-то? Есть пара окошек: одно рядом с часовым, другое со стороны реки.

Ладно, она не собирается всерьез помогать незнакомой девке с побегом! Просто убедиться, что шпионка — действительно шпионка и не достойна сочувствия. А для этого дверь не обязательна.

Обогнув здание по широкой дуге, Тэруко пролезла сквозь заросли крапивы и, встав на цыпочки, заглянула внутрь.

Девушка сидела в углу. Молодая совсем — ровесница Тэруко или чуть старше. Под глазом свежий синяк, руки и ноги связаны джутовой веревкой. Добросовестно так связаны, от души.

Она водила плечами, елозила и дергалась, тщетно пытаясь развязаться. Тэруко шикнула, привлекая внимание.

— Эй, ты, шпионка!

Девушка прекратила дергаться, подняла голову, и ее миловидное личико сложилось в несчастную гримаску.

— Я не шпионка, господин, — так же шепотом ответила она. — Клянусь, я ни в чем не виновата!

— Зачем ты ходила по лагерю?

— Я из деревни у Синего озера, что в двух днях пути, — бойко принялась излагать пленница. — Когда проходили вербовщики по деревням, я как раз с женихом поругалась, он и записался в ополчение. Я потом пожалела, только поздно было, — она всхлипнула. — А теперь меня замуж за сына старосты хотят отдать. Вот я к Ливею и кинулась.

Тэруко почувствовала, как ком подкатил под горло. История девицы до боли напоминала ее собственную.

— Но тебя взяли у офицерского лагеря.

— Я просто проходила мимо, господин! — запричитала девушка. Все так же негромко, но очень жалостливо. — Клянусь, что не хотела ничего плохого. Я просто искала Ливея!

Принцесса ткнулась лбом в глинобитную стену. Ей хотелось завывать.

Убедилась? Вот тебе шпионка!

Был бы Джин на месте, Тэруко бы не раздумывая кинулась к нему. Но Джин когда еще вернется.

И что делать? Бегать по лагерю, искать этого Ливея и пусть дальше сам свою невесту выручает? Когда того и гляди на маслобойню придет Цао с палачом. А даже если она его найдет? Станет капитан слушать простого солдата из ополчения, как же!

Пленница смотрела на нее снизу вверх взглядом голодного котенка и слезы дрожали на длинных ресницах.

— Пожалуйста, пожалуйста, господин, — как заклинание прошептала она.

— Сиди тихо, — велела Тэруко. — Я тебя выгашу.

***

От солдата удалось избавиться, просто оглушив его.

— Нечего дрыхнуть на посту, — злорадно сообщила ему Тэруко, устраивая война так, чтобы издалека казалось, будто он просто спит сидя, опершись о стену.

Девушка встретила ее восторженным вскриком: “Господин!”. Под ее восхищенным взглядом Тэруко на миг ощутила себя героем-освободителем и надулась от гордости.

Если подумать, она всего лишь делала для этой девушки то же, что сделал для нее Джин. Следовала доброму примеру.

— Беги, прячься, но не уходи далеко. Завтра вернется принц, — инструктировала ее Тэруко, разрезая веревки. — Мы пойдем к нему вместе, и ты расскажешь свою историю. Он хороший. Самый лучший в мире! Он поможет тебе найти твоего Ливея. И Цао не бойся Джин его приструнит.

— Конечно, господин, — отвечала девушка, глядя на Тэруко снизу вверх влажными черными глазами.

Им повезло покинуть маслобойню незамеченными.

— Давай провожу, — предложила Тэруко. — Тебе лучше не идти мимо часовых.

— Ах, спасибо господин.

Прячась и оглядываясь, они добрались до края офицерского лагеря. У телеги девушка замедлила шаг, словно в раздумьи. Тэруко чуть подтолкнула ее. Не хватало еще чтобы их засекли в последний момент.

— Проползешь под телегой и сразу беги в лес. Когда принц вернется, я поговорю с ним. Увидишь, он поможет. Встретимся завтра в полдень у водооя.

— Могу я узнать имя и чин моего спасителя? — лукаво спросила девушка, показав ямочки на щечках.

— Ясуката... Рю, — Тэруко чуть покраснела. Как всегда, когда представлялась краденным именем. — Я — оруженосец принца.

— Оруженосец — это хорошо. Спасибо, малыш, — улыбка из очаровательной сделалась неприятной, а лицо девушки неуловимо изменилось, словно она в одно мгновение постарела на десять лет. — Я тебя запомню, — сообщила она, тыкая Тэруко растопыренными пальцами куда-то ниже солнечного сплетения.

Тело кольнуло болью, потом оно онемело, и земля вывернулась из-под ног, чтобы ударить по лицу.

***

Она не теряла сознания. Просто тело внезапно стало непослушным, забыло как двигаться. И из горла, сколько Тэруко ни напрягала связки, не вырывалось и звука.

Лежа ничком много не увидишь. Сперва перед глазами мелькнули ноги девушки в стоптанных башмаках, а потом ничего. Только пожухлый лист, по которому медленно ползла зеленая гусеница.

Тэруко лежала бездвижно, но внутри принцессы все кипело от бешенства, обиды, злости на себя и проклятую шпионку. Наверное, так же ощущает себя девушка, поверившая ласковым словам, все позволившая любимому до свадьбы, когда наутро он со смехом ей говорит: “Да кому ты теперь нужна, потаскуха?”.

Будь девушка сейчас перед ней, Тэруко бы ее убила! И ни секунды бы потом не стала

сожалеть!

Время тянулось и тянулось. Уже спала дневная жара, легкий ветерок обдувал тело. В травах пели сверчки, а Тэруко снова и снова пыталась пошевелить хотя бы мизинцем.

И не могла.

Она надеялась, что кто-нибудь пройдет мимо. Заметит ее, поймет, что оруженосец принца не по своей воле прилег отдохнуть. Но никого не было. Тэруко не зря выбрала именно это направление, в стороне от жилых палаток. Она помнила, что сюда редко кто-то заходит.

А потом с другой стороны лагеря что-то громко бабахнуло, послышались встревоженные крики и немного спустя потянуло гарью. Если бы принцесса могла, она бы застонала от досады, унижения и злости на саму себя.

Проклятая шпионка все-таки подожгла горшки с земляным маслом!

А если задуматься: кто помог ей? Кто оглушил часового и разрезал веревки?

Вместе с этой мыслью пришел страх. Не страх наказания, о нет. Страх разочаровать Джина.

Она представила на миг, как сбивчиво оправдывается, пытаясь объяснить, что не хотела ничего плохого, а на лице принца появляется равнодушие с легкой ноткой презрения. Опять. Как было в тот раз, когда она его опоила.

Нет, конечно, Джин ее не убьет и даже не обидит. Он же думает, что Рю — брат его жены. Просто отправит куда подальше.

И правильно! Поделом ей, если она такая никчемная!

Поток самоуничужения прервало появление прямо перед глазами чьих-то ног в стоптанных сапогах. Тэруко снова дернулась и, о чудо, у нее получилось. Совсем чуть-чуть, слегка, но получилось. Онемение медленно проходило.

— Что с тобой, Рю? — раздался над головой знакомый участливый голос.

Она жалобно замычала.

Подошедший мужчина перевернул ее, и Тэруко увидела над собой нахмуренное лицо сотника Реншу.

— Сильно она тебя приложила, — озабоченно пробормотал он, проверяя пульс. А потом повеселел. — Ничего, жить будешь.

Принцесса ответила ему полным ужаса взглядом.

Он сказал “Она тебя приложила”, значит знает про лазутчицу, которую выпустила Тэруко. Это конец. Конечно, Реншу все расскажет Джину, с чего бы ему молчать?

— Да, я все видел, — безмятежно откликнулся сотник, подтверждая ее мысли. — Ты выпустил лазутчицу. Это очень, очень плохо, Рю, — он осуждающе покачал головой. — Как бы ни пришлось занять ее место...

— Она меня обманула, — прошептала Тэруко. Голос еще отказывался повиноваться.

Прошептала и замолчала. Как жалко это прозвучало. Лазутчица обманула? А что, своей головой думать не надо?

Может, хватит придумывать оправдания?

— Понимаю, — сочувственно протянул Реншу. — Ты не виноват, но остальные в это ни за что не поверят. Ни Цао, ни его высочество. Сам посуди, Рю, как это все выглядит. Ты явился непонятно откуда, втерся в доверие, а потом отпустил опасную преступницу. Теперь у его высочества больше нет земляного масла, а он так рассчитывал на него при осаде города. Он, конечно, пошлет за новыми кувшинами, но до ближайшего источника ехать

через три провинции, да и мало ли что с ними по дороге случится? — сотник вновь покачал головой.

Тэруко опустила голову, придавленная грузом вины и ощущением собственной никчемности. Видимо, Такеши Кудо был прав: женщинам надо сидеть дома и не лезть в дела мужчин.

— Боюсь, его высочество отдаст тебя Цао, — продолжал Реншу.

Не отдаст. Он же думает, что Рю — брат его жены...

Но что если Джин решит навести справки и узнает, что никакого Рю Ясукаты никогда не существовало? При мысли об этом Тэруко бросило в холодный пот.

Реншу задумчиво улыбнулся:

— Но, кажется, никто больше кроме меня и хромого Лю, не видел, как ты выводил лазутчицу.

— Вы видели? — хрипло переспросила принцесса. — Почему вы меня не остановили?

Сотник доброжелательно улыбнулся и развел руками, но глаза у него не улыбались. Оставались холодными и внимательными. Неприятными.

— Я же не знал, что она лазутчица, дружок. Я прямо как ты. И Лю убедил не поднимать шум. Лю мне должен. А оно вот как оказалось, — несмотря на сочувственный голос, у Тэруко появилось навязчивое ощущение, что Реншу очень доволен тем, как все сложилось. — Стоит мне шепнуть пару слов, и все, — он сделал выразительный жест, словно затягивал петлю вокруг шеи. — Но ты не бойся, малыш. Я тебя не сдам. Если, — тут его лицо придвинулось ближе, а голос упал до вкрадчивого шепота. — Ты окажешь мне одну небольшую услугу.

Тэруко невольно отшатнулась и уперлась спиной в телегу. Она ощущала себя птицей, попавшей в силки.

— К-к-какую услугу?

Неужели Реншу тоже из этих? И потребует, чтобы оруженосец принца ублажал его в ответ на молчание?

При мысли о том, чтобы хотя бы дотронуться до сотника в подобном смысле, Тэруко затошнило.

— Ничего серьезного или сложного, малыш. Просто у тебя же есть доступ в палатку принца? Вчера его высочество получил письмо. Я хочу, чтобы ты принес мне его, — четко выговорил Реншу, не отрывая от нее пристального взгляда.

В первое мгновение Тэруко испытала облегчение: речь не шла о сексе. Но затем пришла в ужас.

— Вы тоже лазутчик? — спросила она у Реншу. У милого, доброго, рыхловатого балагура Реншу.

— Ну что ты, малыш? Какой я лазутчик, скажешь тоже? Просто хочу прочесть одно письмо.

— Я не сделаю этого!

— Какая жалость, — мужчина фальшиво вздохнул. — Мне бы так не хотелось, чтобы тебя пытал Цао, малыш Рю. Говорят, его палач — настоящий изверг.

— Если вы меня выдадите, я все про вас расскажу.

— Правда? — деланно изумился Реншу. — Приблудный мальчишка, который выпустил лазутчицу, еще и пытается оговорить верных офицеров его высочества? Слово одного предателя, против двоих честных и заслуживающих доверия воинов? — он осуждающе

покачал головой. — Нет, малыш, ты конечно можешь попробовать. Но я бы на твоём месте не стал рисковать. Раскаленное железо — это очень, очень больно.

Мужчина широко улыбнулся. Сейчас его улыбка напомнила Тэруко волчий оскал, и она удивилась, как раньше могла считать Реншу милым.

— Всего одно письмо, малыш Рю. И целая жизнь. Ну, решайся! Я хочу услышать ответ от тебя прямо сейчас.

Принцесса тяжело молчала, не зная, что на это ответить.

— Очень жаль, — сотник вздохнул и поднялся. — Видимо, мне придется пойти и сообщить обо всем господину Цао.

Он уже отвернулся и сделал шаг, когда Тэруко окликнула его.

— Стойте!

Реншу с готовностью остановился.

— Ты хотел еще что-то сказать, малыш Рю?

— Хорошо, — выдавила она. — Я принесу.

***

Как во сне она добрела до палатки Джина. Остановилась у входа, почти желая, чтобы ее кто-то окликнул, спросил: “Рю, что ты здесь делаешь?”.

Но никого не было. На другом конце лагеря, возле маслобойни, Цао всюду вел дознание, а у палатки принца было тихо и пусто. В сгустившихся сумерках Тэруко резко ощутила себя бесконечно одинокой и незащищенной. Осколок Оясимы, крохотный камушек, затерянный в человеческом море чужого и недоброго Самхана.

Она приподняла полог палатки и нырнула внутрь.

Здесь стояла почти непроглядная темнота. Принцесса нащупала огниво и запалила фонарь на низком походном столике.

Рядом лежала стопка бумаг, которые Джин по какой-то причине не убрал в тяжелый деревянный ларец, запирающийся на хитрый замок, где хранил все документы.

Письмо оказалось на самом верху. Вчерашняя дата, голубоватая бумага — Тэруко помнила, как Джин получил его. Если судить по имени адресанта снизу, послание отправил командир одной из пограничных крепостей. Наверное, именно на переговоры с ним принц и уехал сегодня с утра.

Так беспечно со стороны принца — оставить важные бумаги на столе. Хотя, чего ему бояться? На палатке охранные чары, вход внутрь в отсутствие принца дозволен только двум его оруженосцам.

Тэруко покачала головой и медленно положила письмо обратно на столик. Она вдруг поняла, что не сделает того, чего хочет Реншу. А если сделает, никогда не сможет больше себя уважать.

Принцесса задула фонарь и вышла. Села у палатки, подняла лицо вверх, наблюдая, как небо медленно темнеет. Реншу будет ждать ее минут десять, может двадцать. А потом пойдет к Цао.

Двадцать минут покоя — разве это мало?

Как ни странно, но после принятого решения стало легче. Страх отступил, и даже горький привкус обреченности не портил вечер.

Где-то поблизости заржала лошадь. Темный силуэт всадника заслонил небо. Тэруко ойкнула. Сердце сжалось, забилося суматошно и нервно.

— Джин... — зачарованно прошептала она.

— Привет, Рю, — принц спешился. Он выглядел усталым, но довольным. — А что это ты тут медитируешь в одиночестве? — с улыбкой спросил он.

Похоже, его высочеству еще не доложили о происшествии в лагере.

— Я... — счастливое состояние покоя, готовность с мужеством принять свою судьбу враз покинули принцессу. В горле вдруг образовался шершавый комок. — Ваше высочество, я должен вам признаться!

— Признаться? — с иронией переспросил Джин. — А полчаса это никак не потерпит? Умираю — хочу есть.

— Нет. Пожалуйста, ваше высочество!

Наверное, у нее получилось сказать это достаточно убедительно. Принц вздохнул и кивнул.

— Ладно, вещай.

***

Лгать трудно. Ложь пристаёт к мыслям, пачкает словно земляное масло, оседает в душе липким гадким осадком.

Правду говорить легко. Она очищает, освобождает.

Тэруко рассказала честно, без утайки, как услышала впервые о пленнице, как пошла убедиться, что Цао не ошибся и девица действительно лазутчица, а не невинно пострадавшая. Как поверила в криво состряпанную ложь, потому что хотела. Как оглушила часового — ему же, наверное, влетит за побег, бедняге. Как девица подарила ей “укус змеи” и сбежала, чтобы довершить свое подлое дело.

Джин слушал и хмурился. Было видно, что рассказ ему не по душе.

— Ты идиот, Рю, — подвел итог принц, когда она закончила. — Добросердечный идиот, падкий на смазливые мордашки.

— Подождите, это еще не все!

Рассказ о Реншу Джин выслушал очень внимательно. Задал пару уточняющих вопросов, а потом пробормотав себе под нос: “Надо поговорить с Цао!” поднялся и вылетел из палатки.

Принцесса осталась одна.

Закралась робкая мысль: не сбежать ли? Пока всем не до нее, можно покинуть лагерь. Избежать повторного визита на маслобойню и встречи с палачом. Тэруко отогнала ее. Захотят, так догонят, найдут. Да и надоело! Она больше не будет бегать!

Джин вернулся почти через два часа. Серьезный и непривычно мрачный. От еле уловимого запаха паленой плоти, исходившего от его одежды, Тэруко почувствовала дурноту.

— Рю, иди спать, — с порога скомандовал принц.

Она вздрогнула и вопросительно посмотрела на Джина.

— Спать?

— Ну или просто уходи. Я устал как мул. Не люблю пытаться людей.

Все происходящее казалось нереальным. Неужели ее преступление так и окажется безнаказанным?!

— Меня не арестуют?

Джин вздохнул:

— Я уже говорил тебе, Рю, ты поступил как дурак. Но к счастью у тебя хватило ума пойти ко мне. Завтра я хочу услышать твои идеи, что еще можно было придумать, кроме

этого нелепого побега. Три варианта, как именно ты мог бы убедить Цао отложить пытки или проверить истинность ее легенды. Потом вместе разберем их плюсы и минусы. На сегодня все.

— Подождите... а как же лазутчица.

— Лазутчица ушла. И демоны с ней.

— Но она связана с Реншу?

— Да не связана, — отмахнулся Джин. — Реншу — человек Мина, а девку, похоже, подослал наместник. Решил выбить нам зубы, если все же решимся на штурм. Неприятно, но не смертельно. Просто теперь мне будет сложнее давить на него в переговорах. Все, последний раз говорю: выметайся отсюда.

— То есть, — уточнила, не веря своему счастью, Тэруко, — я все еще ваш оруженосец.

Принц закатил глаза:

— Конечно! Но перестанешь им быть, если немедленно не прекратишь тупить.

С этими словами он выставил Тэруко наружу.

Принцесса подняла лицо к небу, улыбнулась нарастающей луне, прошептала: “Спасибо” и побежала к своей палатке.

На душе было легко и хорошо. Как в детстве.

***

Странно, но сделанная глупость словно сблизила Тэруко с Джином. Принц начал уделять ей больше времени. Порой, когда она заглядывала в его палатку, чтобы принести миску с лапшой или рисом, он отрывался от бумаг и начинал беседовать с Тэруко. Иногда просто спрашивал о том, что она умеет и знает, иногда задавал каверзные вопросы. Например, описывал конфликт, спор, в котором каждый из участников по-своему прав и спрашивал, как по мнению Тэруко нужно было его разрешить.

Это совершенно не походило на привычные уроки ни с одним из наставников, которые учили принцессу письму, этикету, истории, языкам или стихосложению, но Тэруко не могла избавиться от ощущения, что Джин обучает ее. Вот только чему — непонятно. И зачем искать ключик к сердцу любого человека, когда он — принц и вправе просто приказать?

Вслух она этого не говорила. К тому же эти занятия доставляли ей истинное наслаждение, наблюдения Джина казались интересными, а когда Тэруко пару раз попыталась на практике воспользоваться его советами, то была поражена тем, насколько хорошо это работает.

Юн ревновал и страдал, но мужественно скрывал это. На счастье Тэруко, как раз в этот момент у оруженосца появилась подруга — хорошенькая крестьянка из соседней деревни. Ее ласки отчасти примирили мальчишку с невниманием кумира. Все чаще оруженосец исчезал с утра, оставляя Джина заботам Тэруко, что полностью устраивало принцессу.

Прочие офицеры поглядывали косо и отпускали сальные шуточки, от которых в душе все начинало кипеть, но Тэруко стискивала зубы и молчала. Не хватало еще вступить в пререкания со старшими по чину!

В остальном же, если забыть о некоторых неудобствах связанных с мальчишеским телом, она была счастлива. Почти.

Ей мало было наставничества, дружеского участия и чувства защищенности, которые она испытывала рядом с Джином. Хотелось ощущать себя для него ценной, особенной, любимой.

И безумно хотелось прикосновений.

О, сколько романов о возвышенной, лишенной плотского зова любви прочла в свое время Тэруко. Как вздыхала над страницами и даже утирала тайком слезы. В этих историях великое, всепобеждающее чувство возникало от одного звука голоса или случайно увиденного края одежд. Влюбленные порой не имели возможности перемолвиться и словом, лишь обменивались взглядами и записками со стихами.

Тогда принцессе эти книги казались прекрасными, а любовь — самой правильной. Сейчас ей хотелось надавать авторам подобных лживых писулек пощечин.

Любовь, рожденная в пустоте, от случайного взгляда — всегда самообман, а страсть жаждет прикосновений, ей мало стихов и вздохов. Нельзя находиться рядом с любимым человеком и не желать его. В присутствии Джина Тэруко то и дело окатывала волна жара, по телу бежали мурашки, хотелось до дрожи, до боли прикоснуться к нему. Она тянулась к мужу, как умирающий от жажды тянется к чаше с водой. Боялась надоесть ему, стать навязчивой, неприятной и умирала от желания быть с ним рядом. Хотя бы рассказать ему о себе, выплакаться, открыть Джину глаза и взвалить еще и свою проблему на его сильные плечи

Но Тэруко опускала взгляд на свое тело и замолкала.

Память о совершенных в Оясиме преступлениях налагала печать молчания. Больше всего на свете Тэруко боялась разочаровать Джина. Увидеть, как доброжелательный интерес в его глазах гаснет, сменяясь презрением. Услышать равнодушные слова и понять, что она ему не нужна.

Рано или поздно все тайное становится явным. Вопрос лишь времени, как скоро принц узнает, что никакого Рю Ясукаты нет и никогда не существовало. И что тогда? Придется рассказывать о своих преступлениях? Признаваться, что Рю и есть Тэруко?

При мысли об этом у принцессы волосы на голове начинали шевелиться.

Она бы покинула армию, согласилась никогда не видеть Джина, лишь бы избежать подобного разговора. Но у мальчишки Рю не было места в этом мире. Ни родных, ни друзей. Некуда идти.

Несколько раз Тэруко ходила в предгорья. Туда, где встретила мерзкую ведьму. Плакала, умоляла, предлагала за снятое проклятье любые дары и любую жертву. Клялась, что все осознала, что никогда не будет больше воровать. Просила любое другое наказание.

Голос повисал и таял в пустоте. Щебетали птицы, пахло травами, да волновались под порывами ветра заросли крапивы.

ГЛАВА 7

Принц поднял над головой руки и медленно развел. Меж раздвинутых ладоней засияла слепяще-яркая огненная дуга.

Тэруко восторженно ойкнула, не отрывая взгляда от мужа. Он был хорош, просто невероятно хорош — полуобнаженный, мускулистый. Плечи чуть подрагивали от напряжения — укрощение стихии давалось нелегко. На бронзовой от загара коже блестели капельки пота. Хотелось подойти и стереть их. Прикоснуться к нему, провести кончиками пальцев по груди...

Она опять подглядывала. И ничуть не стыдилась этого.

Джин резко выдохнул и вскинул руку. Конец огненной плети вытянулся вперед, лизнул скалу, оставив на шероховатой поверхности отметину. Принц снова замахнулся. Укрощенное пламя плясало в его руке, покорно глодало известняк, расчерчивая белый камень следами

сажи и копоты.

Это было прекрасно, как любое проявление высшей магии — обращение к первичным стихиям. Все отпрыски династии аль Самхан — дальние потомки огненного бога. Власть над пламенем у них в крови.

Но как?! Он же проклят, ему нельзя пользоваться магией!

Управлявший плетью мужчина глубоко и мерно дышал, наполовину прикрыв глаза. Его красивое лицо сейчас напоминало маску театра Но — отстраненное и неживое. Резкий вскрик птицы в кустах вырвал Джина из транса. Огненный хлыст вспыхнул и растаял в воздухе. Принц зашипел от боли и выругался, осматривая вспухающий поперек ладони ожог.

— Рю, подай мазь, — велел он, не повышая голоса.

Как он узнал, что она здесь? Злясь на себя и краснея Тэруко выползла из своего убежища за камнями.

— В мешке, — подсказал Джин, нетерпеливо кивнув на лежащую поверх сложенной одежды тряпичную сумку. — Сожри меня демоны, больно-то как!

Принцесса подбежала к сумке, торопливо вытряхнула ее содержимое на траву. Бинты, вата, мазь на основе воска и трав...

— Умеешь обрабатывать ожоги?

— Умею.

Джин опустился рядом на траву. На его правой ладони вспухал темно-красный след, будто принц схватился за раскаленную кочергу. Девушка сочувственно охнула и занялась делом.

Она зачерпнула немного вонючей мази, нанесла аккуратно, стараясь не касаться обожженной кожи. От близости Джина было приятно. Приятно было прикоснуться к нему, вдыхать горьковатый запах трав и разогретого мужского тела. Насмешливые зеленые глаза глядели прямо на нее, вызывая в теле странное томление.

Ей вдруг вспомнилось, как ее ранили в “квартале ив и цветов”, и принц зашивал ее рану. Тогда они тоже были наедине, только полуобнажена была Тэруко...

Какой счастливой она была тогда! И как не умела ценить это счастье.

Набор в сумке навел на странные мысли.

— Вы знали, что обожжетесь?

Принц обескураженно улыбнулся:

— Предполагал. Сложно осваивать магию в двадцать шесть лет, Рю. Да еще без наставника. Что мог — перенял у офицеров, а дальше сам. Через раз все заканчивается вот так.

Она вздрогнула.

— Но вам же нельзя... На вас проклятье!

— Уже нет. Тебе не рассказывали? Проклятье спало в тот день, когда я женился на твоей сестре.

Тэруко медленно покачала головой и мысленно помянула Такеши Кудо и змею-императрицу недобрым словом. Никто не позаботился о том, чтобы рассказать ей о подобных “мелочах”.

— То есть, — сказала она после паузы, — вы — будущий император Самхана?

Проклятый старший сын императора аль Самхан лишен был права наследовать трон. Но если проклятье спало, получается, что Джин — первый в очереди.

От этой мысли захватывало дух. Даже страшно делалось.

Принц покачал головой:

— Последней волей отца наследником был назван Тхан.

— Но вы старше!

— Его всю жизнь учили править, Рю. Меня учили немного другим вещам. Я не буду таким хорошим императором, как он.

— Думаю, вы справитесь не хуже, — запальчиво возразила принцесса, бинтуя ему ладонь.

Джин пожал плечами.

— Как знать. В любом случае я люблю брата и не стану драться с ним за трон.

Он не спешил прогонять Тэруко, не отшучивался в ответ на ее вопросы, и девушка осмелилась задать вопрос, который давно ее тревожил.

— Простите, ваше высочество. Но ведь Тхан — тоже сын вашей мачехи? Как и Мин?

Тот кивнул.

— Да, они оба — сыновья Сунан.

Тэруко недоуменно нахмурилась.

— Почему тогда она обвинила его в убийстве императора и держит под стражей? Разве это так важно, кто из ее сыновей будет править?

Принц понимающе улыбнулся:

— Кто знает Сунан, не задает таких вопросов. Императрица любит себя. И власть.

— Но он ее сын!

— Его слишком рано забрали. Сунан почти сразу же забеременела снова, Тханом занимался отец, а потом брат подрос и начал спорить с матерью. Сунан не любит, когда ей возражают. Я думаю, она не желает Тхану зла, но сделает все, чтобы посадить на трон Мина, — он напрягся. — И плевать, что это лицемерное ничтожество никогда не интересовалось ничем, кроме вышивки на новых нарядах. Ему следовало бы родиться женщиной...

— Женщины тоже разные бывают, — обиженно отозвалась принцесса, затягивая последний узел. — Вот моя сестра...

Она покраснела, произнося эти слова. Лгать было стыдно, разводить на откровенность, пользуясь чужим доверием — бесчестно.

Тот усмехнулся:

— Да, Тэруко — совсем другое дело.

И все. Ни слова больше. Одобряет он ее увлечения или осуждает? Простил ли за ту попытку приворота? Как поведет себя при встрече?

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони и спросила, холодея от собственной смелости:

— Что вы думаете о ней?

Все время, пока он раздумывал над вопросом, принцесса не дышала. Просто не могла дышать. И если Джин сейчас скажет, что она ему не нравится, она вообще никогда в жизни не сможет вдохнуть, так и умрет, потому что он — ее воздух...

— Тэруко — хорошая девушка, — осторожно подбирая слова начал Джин. — Искренняя, смелая, гордая.

— Вы любите ее?

Не стоило спрашивать об этом, но замолчать было выше ее сил.

Принц покачал головой, мгновенно убив всякую надежду.

— Не люблю. Это был династический брак.

Девушка отвела взгляд. В груди что-то нарывало и ныло, словно Джин всадил в нее кинжал. Надо молчать! Если она сейчас заговорит, то просто разрыдается.

— Но я надеюсь, что смогу полюбить ее, когда узнаю лучше, — продолжил принц и проклятая, глупая курица-надежда воскресла в душе, расправив крылья.

— Так не бывает, — выдавила Тэруко. — Любовь не приходит по заказу.

Снисходительная улыбка была ей ответом.

— Ты даже не представляешь, насколько по-разному все бывает, малыш, — Джин сунул в сумку банку с мазью, остатки бинтов и поднялся. — Слушай, Рю! Мне пришла отличная идея! Дай-ка мне пару уроков магии! У нас, конечно, разная сила крови, но вдруг я смогу и у тебя чему-то научиться.

Магия?! Девушка жалко скривилась.

Она бы с радостью сделала для Джина что угодно! А обучать его чему-то, помогать, передавать знания — было пределом ее мечтаний. Но магия...

Почему, ну почему именно она?! Овладение проклятой силой крови требовало предельной концентрации, а Тэруко даже в медитации никогда не могла дольше десяти минут просидеть. Становилось скучно, чесался нос, затекали ноги, беспокойный ум перебирал запланированные дела или убегал куда-то в страну мечтаний и фантазий.

И пусть учитель хоть сто раз повторит, что поединок — это тоже медитация. И скажет еще много всяких заумных слов про то, что истинный враг воина — он сам, Тэруко все равно всегда пропускала эту муть мимо ушей. С фехтованием все ясно и понятно. А магия просто не для нее. Да и зачем женщинам магия?

Мысли запнулись. Тэруко поняла, что почти дословно повторяет аргументы тех, кто хотел бы запретить ей брать в руки оружие, сделать тихой и покорной воле мужчин и ужасно разозлилась. На себя.

— Я? Учить вас?

— Почему нет? — принц весело рассмеялся. — Я не страдаю предрассудками и не считаю, что учиться надо только у кого-то старого и мудрого.

— Я почти не владею даром, господин. Простите.

Брови Джина изумленно взмыли вверх. Он явно хотел что-то спросить, но в этот момент над головой раздалось хлопанье крыльев, и перед принцем опустилась большая белая птица.

Опустилась и исчезла. Остался только бумажный журавлик с расписанными иероглифами крыльями. Расслабленная улыбка покинула лицо Джина. Он поднял письмо, развернул и углубился в чтение.

Тэруко подумала, что надо бы уйти, но не тронулась с места.

— От наместника, — сообщил принц, отрываясь от бумаги. — Он наконец-то согласился на встречу. Наедине.

— Это может быть опасно?

Джин задумался, а потом кивнул.

— Может. Пойдешь со мной, Рю?

***

В ущелье было прохладно и зелено. Справа и слева вставали слоистые базальтовые стены, по дну, журча, бежал тонкий ручеек. Пахло влажной зеленью, коноплей и крапивой.

Тропа изогнулась и вывела в чашу горной котловины, на другом конце которой возвышался высеченный в скале храм.

Тэруко изумленно вздохнула и попятилась.

Самханские пагоды не похожи на оясимские. Они вычурнее и ярче, украшены киноварью, позолотой и расписными деревянными фигурами демонов и богов.

Но этот храм был иным.

Торжественный и мрачный, оплетенный вековыми лианами. Темные колонны, подобные лапам неведомого чудовища, изящная вязь барельефов, проступающая на слоистом базальте и каменный цветок купола, раскрывающего лепестки навстречу солнцу. Высеченный в теле горы, плоть от плоти священной Магошань, он источал древнюю грозную силу.

— Чей он? — шепотом спросила принцесса.

— Маго-Хельми, — Джин поднял лицо к вершине священной горы и сощурился. — Бессмертная дева, Владычица конопляного поля, Госпожа крапивных пустошей. Днем она предстает в облике бабочки, ночью — нетопыря. Ее называют богиней весны, но старики еще помнят, как раньше Маго-Хельми именовали Хозяйкой Жизни-и-Смерти...

Принцесса вздрогнула. Слова принца и таинственная, полная скрытой мощи атмосфера этого места заставили ее почувствовать себя неудобно. Показалось, сверху пристально смотрит некто недобрый.

— Говорят, Маго-Хельми умеет читать в сердцах. Она иногда откликается на молитвы, но дает человеку не то, о чем он просит, а то, что ему в действительности надо, — задумчиво продолжал принц. — Ее подарки жестоки.

Тэруко недоуменно нахмурилась. Слова Джина показались ей лишены смысла.

— Хорошо же, когда дают то, что тебе нужно!

— Хорошо? — насмешливо переспросил принц. — Ты думаешь, что готов встретиться с тем, что тебе на самом деле нужно, Рю?

— Готов! — самоуверенно заявила Тэруко. А потом смешалась под пристальным взглядом Джина. — Ну, или я просто не понимаю, о чем вы говорите.

— Не понимаешь. Представь себе, скажем, крестьянина, который пришел просить денег. Но в действительности его душа жаждет не денег, а почета и славы. Дар Маго-Хельми отправит его на войну, где крестьянин совершит подвиг и погибнет, прославив свое имя.

— Ой...

— Вот именно, что “Ой”, Рю. Обращаясь с просьбой к богам, человек вручает свою судьбу в их руки. Местные жители чтят Хозяйку, но редко приходят к ней с молитвой.

Неужели самханские боги действительно настолько жестоки?

Тэруко замедлила шаг. Ей совсем не хотелось в храм. Дома, в Оясиме, она ни в одном из святилищ не ощущала настолько сильного давящего присутствия чуждой и опасной силы.

— Может, не пойдём туда?

Принц покачал головой.

— Мне следовало сделать это еще в первый день, Рю. И раз уж наместник назначил встречу у храма, нельзя не почтить Хозяйку. Боги не прощают неуважения.

— Вы же не будете ее ни о чем просить?

— Не буду. Но я должен приветствовать богиню, — он шагнул к лестнице.

— Я не хочу туда, — прошептала принцесса.

— Не иди.

Джин прошел мимо, ступил на выщербленные ступени. Тэруко следила, как он поднимается, и ее все сильнее охватывала тревога. Раскрытые каменные двери храма

показались пастью неведомого чудовища, которое жаждет поглотить, навсегда отобрать ее любимого.

Не выдержав, принцесса сорвалась с места и побежала за ним. Догнала и пошла рядом. Джин покосился на нее, но ничего не сказал.

Внутри было светлее, чем она ожидала. Косые лучи солнца падали сквозь световые окна в куполе-цветке, ложились на каменный пол мозаикой из светлых пятен, похожих на цветущую хризантему. У дальней стены в полу находилась чаша, на дне которой бил родник. Вода переливалась через край, стекала по каменному желобу. А над чашей улыбался высеченный в скале женский лик — безмятежный, словно Будда.

Принцесса моргнула. Лицо женщины показалось ей неуволимо знакомым, но тщетно она пыталась вспомнить, где могла раньше видеть эти миндалевидные глаза и лукавую еле заметную улыбку на тонких губах.

Джин опустился на одно колено у источника, обнажил предплечье и полоснул ножом по коже чуть ниже локтя. Кровь закапала, окрашивая прозрачные воды в бледно-розовый.

— Зачем? — выдавила Тэруко.

— Каждый, делится тем, что ему дорого, — тихо отозвался Джин. — Я отдаю кровь и силу.

Принц вскинул голову в молчаливой молитве. Темно-рыжие пряди падали ему на лоб, благородное лицо было собранным и серьезным. Сердце Тэруко болезненно сжалось от любви и страха потери.

И хоть она всего десять минут назад решила никогда ни о чем не просить местную владычицу, Тэруко тоже опустилась на колени у чаши. Опустилась, умоляя суровую богиню не быть жестокой с ее мужем, не дарить слишком страшных даров...

В храме поселилась тишина. Лишь весело журчала вода.

— Рю, помнишь, о чем мы договаривались? — голос Джина нарушил молчание.

Она кивнула.

— Повтори.

— Смотреть и слушать. Если наместник предаст, позвать помощь.

— Правильно. Но это — крайняя мера. Не думаю, что будут проблемы, учитывая, сколько я ему предложил. Пойдем, Рю. Возьмем этот город.

ГЛАВА 8

В отличие от шепотной соседней Оясимы, в Самхане царил твердый порядок. Каждая вещь и каждый человек здесь занимал отведенное ему в соответствии с положением о рангах место. Жители были посчитаны, учтены и оценены. Особые указы регулировали, что следует есть, как одеваться, как вести себя представителю каждого сословия и профессии.

Закон учитывал все. Любую малость. Когда и на ком жениться, какие платить налоги. Обязанности, права, послабления...

И даже в каких камерах полагается содержать нарушивших закон подданных.

Тхан ковырял стену гвоздем и тщетно пытался вспомнить, говорилось ли в законе что-то о членах императорской семьи. С одной стороны, предполагать, что потомки богов по какой-то причине могут пойти против своей страны — кошунство. С другой, не могли же законники обойти стороной такую важную сферу жизни.

В любом случае наследному принцу аль Самхан не на что было жаловаться. Камера, в которую его поместили, была достойна высшей знати. Резная мебель из красного дерева,

картины на стенах, а на полу ковер — до того пушистый, что ноги утопают по щиколотку. За ширмой — огромная каменная купель, в самый раз плескаться с любовницей, предаваясь искусству тайных покоев.

Разве что окон нет и на широченных дверях замок.

Имелось даже зеркало — высоченное, в пол. Очень удачное зеркало — Тхан почти сразу полюбил его. Оно полностью прикрывало кусок стены именно на том месте, где наследный принц аль Самхан сейчас выколупывал скрепляющий раствор в каменной кладке. Работа это была кропотливая и не быстрая. По расчетам Тхана, ему осталось никак не меньше половины.

Над головой загремело, и с потолка вниз поползла металлическая решетка, отделяя дверь. Принц стряхнул с одежды известковую крошку и торопливо подвинул зеркало на место, прикрывая следы своей деятельности. Он даже успел добежать до кровати, плюхнуться на нее и закрыть глаза.

Щелкнул замок, скрипнула и распахнулась дверь. За решеткой стояла женщина в золотом платье. Немолодая, но ухоженная. Изящная, с царственной осанкой она была красива зрелой чувственной красотой.

Посетительница прищурилась, разглядывая комнату и ее обитателя.

— Я знаю, что ты не спишь. Мог бы поприветствовать мать.

— Приветствую вас, матушка, — откликнулся принц, не поворачивая головы. В его голосе звучал неприкрытый сарказм.

— Ты дурно воспитан! — женщина нахмурилась, а в ее голосе зазвучали резкие нотки. — Встань!

Тхан сел на кровати и смерил гостью хмурым взглядом.

— Это бесполезно. Я не подпишу.

Она укоризненно покачала головой:

— Дитя мое, ты не понимаешь, что творишь. Твой брат...

— Мин не будет править! — с яростью откликнулся наследный принц. — Я не отдам трон вам и этому манерному ничтожеству. Особенно после того, как он убил отца!

Женщина нахмурила брови. Ее лицо странно дрогнуло, словно она собиралась что-то сказать, но передумала в последний момент.

Узник коротко мотнул головой:

— Уходи.

— Милый, я понимаю твой гнев и нежелание смириться, но на что ты рассчитываешь? — мягко спросила женщина. — Ты понимаешь, где находишься? Только доброта твоего брата и мое заступничество хранят твою жизнь.

“Я рассчитываю на зеркало и гвоздь”, — подумал Тхан. Но вслух сказал только:

— Убирайся!

Чем раньше она уйдет, тем быстрее он сможет вернуться к работе.

На лице женщины внезапно отразилось понимание.

— Все еще надеешься на Джина? — голос ее стал ехидным и до того сладким, что принц скривился. — Ах, сынок это так мило! Ты почти как девушка в беде, которая ждет не дождется верного возлюбленного.

Укол достиг цели. Лицо наследного принца побелело от ярости. Он вскочил с кровати и в один прыжок преодолел расстояние, отделявшее его от решетки, чтобы вцепиться в прутья.

Женщина сперва отшатнулась, а затем рассмеялась.

— Милый, разве тебе не рассказывали? Старший братик не придет, чтобы спасти тебя, он превратился в демона. Во время свадебной церемонии проклятье возобладало. Демон вырвался на свободу, растерзал невесту и придворных и сбежал.

— Это ложь! — прошептал Тхан.

Женщина лукаво улыбнулась, склонив голову.

— Ты так уверен в этом?

— Ложь! — упрямо повторил наследник империи, упираясь лбом в прохладные прутья. — Я отвечу вам то же, что говорил вашим лизоблюдам, матушка. Я поверю в нее ни раньше, чем сам увижу Джина в облике демона.

Женщина тяжело вздохнула.

— Почему ты такой упрямец, Тхан? — устало спросила она. — Весь в отца.

Принц пожал плечами и вернулся к кровати. Вспышка прошла, на его лице снова поселилась скучающая гримаса.

— Ты можешь игнорировать и оскорблять меня, отвечать отказом. Я — твоя мать, я все снесу и прощу. Но терпение Мина не бесконечно, милый. И мне с каждым днем все труднее убеждать его, что ты одумаешься.

Тхан посмотрел на нее с неподдельным удивлением. А потом расхохотался:

— Матушка, вы держите меня за идиота? Да Мин у вас из рук ест. Он в жизни ни одного своего решения не принял.

— Это неправда. В последнее время твой брат стал очень самостоятельным.

— Ну да, ну да, — ехидно покивал принц. — Мой ответ — “нет”. И не трудитесь приходить завтра, он не изменится.

***

Чуть высунув макушку из-за камня, Тэруко следила за происходящим на дне котловины.

Ее убежище находилось среди скал на высоте почти в три человеческих роста. Базальтовые глыбы обеспечивали укрытие, не только защищая Тэруко от лишних глаз, но и отводя поисковые заклинания, если наместник решит проверить выполнил ли принц условие.

Градоначальник тоже прибыл один, как и договаривались. Тэруко не могла слышать разговора — до тайника между скалами долетали только отзвуки голосов. Она волновалась за мужа. По условиям договора и принц, и наместник пришли безоружными. Но наместник происходил из знатного рода, значит владел магией. А Джин сам по себе был оружием.

Проклятый старший принц аль Самхан не пожелал мириться с участием лишнего магии калеки. Семь лет в легендарном монастыре Шон Санг и годы неустанных тренировок сделали его невероятно, убийственно опасным. Знал ли об этом наместник, когда просил о встрече без оружия?

— Неужели так можно выиграть любое сражение? — с болью спросила Тэруко, когда они обсуждали грядущую встречу. — Купить любого врага?

Бескровные победы не приносили радости. Всю жизнь ее учили преклонению перед воинской доблестью. И вот теперь, когда Тэруко попала на войну, честь, самопожертвование, храбрость — все оказалось пустышкой.

Джин покачал головой.

— Конечно, нет. Но это — гражданская война, Рю. У каждого второго на другой стороне родня или друзья. Да и положение узурпаторов слишком шатко. Сунан — консорт, у нее нет прав на корону. Мина не любит народ. Находишься они не в столице, а на окраине, я бы

выдавлив их, как гнойный прыщ.

— Все равно это слишком... — она запнулась, не зная, как сформулировать ощущение неправильности от этой войны. Слишком легко? — Зачем вам вообще армия?

— Не будь у меня армии, со мной никто не стал бы разговаривать. Чтобы победить, не вынимая меча из ножен, нужно иметь меч в ножнах, — он успокаивающе улыбнулся. — Не надейся. Это не всегда будет так просто. Во внутреннем Самхане придется повоевать. Моя задача — сберечь как можно больше людей до решающего сражения. Поэтому я буду покупать всех, кто готов продаться.

Пока все вроде бы шло по плану. По плану Джина. Мужчины внизу разговаривали негромко, спокойно и вполне доброжелательно.

Огромная бабочка с бирюзовыми и алыми крыльями — с ладонь каждое — опустилась на камень рядом. Тэруко отвлеклась на мгновение. Она никогда не видела таких больших и красивых...

Бабочка рассматривала Тэруко ни с меньшим любопытством, должно быть, она тоже никогда не видела принцесс. Принцесс обращенных в мальчиков так точно.

Глаза у нее были большие, навывкате. Они глядели с холодным отстраненным любопытством. Словно взвешивали и оценивали сидящую в засаде девушку. Тэруко стало неприятно.

— Кыш! — прошептала она одними губами и замахнулась. — А ну пошла отсюда!

Противное насекомое расправило крылья и перепорхнуло выше. Теперь бабочка сидела прямо над головой Тэруко, словно знала: принцесса не посмеет высунуться и обнаружить себя.

Сачок бы! Тэруко нагнулась, чтобы подобрать камушек.

Она не сразу поняла, что изменилось. Просто мирно журчавшая внизу беседа оборвалась, а потом послышался короткий вскрик. Мгновенно позабыв о бабочке, Тэруко высунулась из-за камня.

Наместник стоял на прежнем месте, а четверо его подручных — умело и профессионально затягивали сеть, связывая находящегося внутри Джина. Ее Джина!

Все наставления, все обещания и договоренности мгновенно вылетели из головы. Тэруко вскочила и горной козой заскакала вниз по тропе, выдергивая на ходу нож.

Лезвие свистнуло в воздухе, вошло одному из негодяев прямо в горло. Не было ни страха, ни вины, как после смерти Сузуки. Принцесса только порадовалась удачному броску и мгновенно забыла о неудачнике.

Остальные трое самханцев еще только разворачивались к ней, еще только обнажали оружие, когда, слетевшая вниз в три стремительных прыжка Тэруко обрушилась на них с яростным кличем.

Все слилось в мешанину. Звон клинков, блеск стали перед глазами, слаженные и страшные атаки сразу с трех сторон, танец, в котором цена ошибки — жизнь. Тренированное тело действовало само, голова стала легкой, пустой. Тэруко вскидывала меч — неудобный самханский меч, слишком короткий, слишком прямой, с непривычным балансом — отводила атаки, уворачивалась, уклонялась, даже не помышляя о контратаках.

Мелькнула одинокая недоуменная мысль: как? Я еще жива? И даже не ранена?

Мелькнула и пропала.

Снова атака. Тэруко отвела чужой клинок в сторону, когда что-то заставило ее обернуться. Она увидела летящий в лицо меч и поняла, что не успеет...

Звук рассекающей воздух стали показался невозможно громким. Время растянулось, воздух стал тягучим и вязким, только оглушающий стук собственного сердца в ушах отсчитывал последние мгновения жизни.

Резкая болезненная оплеуха снесла ее в сторону, уводя из-под удара. И в следующую минуту до Тэруко долетел хруст ломающейся кости и полный боли крик. Потом еще один. И еще.

Пара секунд и все было кончено.

Принцесса охнула от боли — спасший ее жизнь удар не был щадящим, левая половина лица наливалась болью и пульсировала. Ох и синячище будет!

Девушка села, оглядела поле боя. Искромсанная сеть, три трупа со свернутыми шеями, один с кинжалом в горле. И баюкающий забинтованную руку старший принц аль Самхан. От его гневного взгляда захотелось уползти куда подальше и забиться в какую-нибудь щель. Тэруко сперва съежилась, а потом выпрямилась и с вызовом уставилась на мужа.

Нечего тут на нее глазами сверкать! Она его спасла, между прочим.

— Я что велел тебе, Рю? — очень ровно спросил Джин.

— Они могли вас убить!

— Я. Что. Велел?

— Позвать на помощь, если наместник предаст, — прошептала принцесса. Щека пульсировала и болела все сильнее. От обиды на глаза наворачивались слезы.

— А ты что сделал?

— Я вам жизнь спас!

Джин несколько раз вздохнул, словно пытался успокоиться.

— Рю, армия — это приказы, которые нужно выполнять, а не оспаривать. Еще одна такая выходка, и ты отправишься в Оясиму. Ты все понял?

— Но... наместник... — против желания Тэруко захлопала носом. Ей было ужасно, невыносимо обидно на такую несправедливость.

Она спасла ему жизнь, рискуя своей! Ее чуть не убили, а Джин даже “спасибо” не сказал!

Сволочь! Мужлан неблагодарный!

— Наместник, — принц оглядел котловину и заключил. — Ушел. Похоже, как только ты появился. Осторожный, гад, — он тяжело вздохнул и сел рядом с Тэруко, положив ей руку на плечо.

Принцесса вздрогнула. Прикосновение обожгло, окатило приятной волной по коже даже сквозь обиду и чувство вселенской несправедливости.

— Послушай, Рю, — очень серьезно начал Джин. — Они использовали сеть, значит хотели взять меня живьем. Наместник не знал, что проклятье снято и мне подвластна магия. Не знал, что я могу освободиться.

— Вы могли освободиться?

Эта мысль не приходила ей в голову. От обиды даже во рту стало горько. Мало того, что жизнью рисковала и выволочку получила, так еще это и не нужно никому оказалось!

— Рю, ты хороший парень, смелый и честный. Но если ты будешь продолжать действовать так, как сам считаешь правильным, наплевав на приказы, тебе не пережить этой войны. А я не желаю оправдываться перед Тэруко и рассказывать ей почему вместо ее младшего брата привез урну с прахом. Ты понял?

— Да, ваше высочество, — сторбившись, отозвалась принцесса. — Я все понял.

— Ну, вот и хорошо, — он встал. — Пойдем. Переговоры завершились неудачно, надо готовиться к штурму.

***

У подхода к лагерю их встретил Юн. Ожег Тэруко сердитым взглядом — несмотря на дружбу, которая медленно крепла, мальчишка все также отчаянно ревновал нового оруженосца к своему кумиру — и затараторил, обращаясь к Джину.

— Ваше высочество, тут такое случилось! Такое!

— Какое? — со снисходительной усмешкой спросил принц.

— В холмах зарокотало, а потом вжух — земля раскололась и забил источник с земляным маслом!

Глаза Джина загорелись азартом.

— Земляное масло, Юн? — напряженно переспросил он. — Ты точно ничего не перепутал?!

— Да чтоб меня гаки покусал, если вру! Солдаты шепчутся — знамение, великая Маго-Хельми изрекла свою волю. Только непонятно к добру или к худу...

Какая-то совсем незнакомая, хищная и довольная улыбка поселилась на лице Джина.

— К добру, малыш. Еще как к добру, — принц обернулся к Тэруко и подмигнул. — Кажется, Хозяйке Жизни-и-Смерти пришлось по вкусу мое подношение.

***

Тэруко думала, они примутся штурмовать город уже на следующий день, но вместо этого принц велел позвать к нему горшечников из окрестных деревень. После горшечников пришел черед плотников и столяров. Тэруко в палатку не пустили, а когда она было сунулась подслушать — прогнали, но позже она видела, как мастера покидали лагерь довольными и в сопровождении отряда солдат.

— К чему все это? Что вы задумали? — спросила она, заглядывая в палатку принца с миской вечерней лапши.

— Я не люблю терять людей, Рю. Особенно в ситуации, когда этого можно избежать.

Принцесса заглянула в его насмешливые зеленые глаза и поняла, что иного ответа не будет.

Ох уж эти военные секреты!

Еще несколько дней в лагере велась интенсивная подготовка к штурму. Отрабатывались построения, ковались наконечники для стрел, чистились и смазывались доспехи.

А потом началась эпидемия.

ГЛАВА 9

— Матушка, мне доложили, что вы велели снять Ченгеля с должности советника и отправить в ссылку! Это правда?

Младший принц аль Самхан замер в дверях покоев вдовствующей императрицы. На его красивом немного манерном лице читалось неподдельное возмущение.

Сунан подняла взгляд от свитка со стихами и снисходительно улыбнулась.

— Милый, ну не при фрейлинах же, — и бросила за спину, не оборачиваясь. — Оставьте нас.

Послушные приказу девушки и женщины гуськом покинули комнату.

— Тебе не стоит так врываться, милый, и отрывать меня от дел, — с мягкой укоризной продолжила женщина, обращаясь к сыну. — Можно дождаться ужина и спросить за ним. А я

ведь столько сил потратила на твое воспитание, и где твои манеры?

Мин криво улыбнулся.

— Простите. Вы велели отослать Ченглей?!

— Да, милый. Он был непочтителен. И даже осмелился намекнуть, что я слишком лезу в государственные дела, в то время, как вдовствующей императрице полагается скорбеть и оплакивать мужа.

— Но он был мне нужен! — воскликнул принц. — Да, старик бывает резковат, но никто другой не знает столько о налогообложении!

Сунан нахмурилась.

— Это не дает ему право проявлять неуважение.

Младший принц вздохнул и умоляюще посмотрел на женщину.

— Матушка, я все понимаю: стихи, вышивание, праздники, посиделки с фрейлинами... Но страной надо управлять. Отец никогда не занимался всерьез моим образованием, все приходится осваивать самому. Такие люди, как Ченглей, полезней сотни льстивых лизоблюдов!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мне не нравится твой тон, милый, — довольно резко ответила женщина. — Незаменимых людей нет. Найдешь другого, более вежливого.

— Но...

— Этот разговор утомляет, — она напоказ потянулась к баночке с мазью от головной боли. — Ты расстроил меня, Мин. Сегодня я не выйду к ужину.

Чтобы проверить, какой эффект возымели ее слова, женщина бросила короткий взгляд в сторону сына, но тот уже поднял веер, пряча выражение вины и обиды на лице за расписным шелком.

— Да, матушка. Простите, — выдавил он.

— Прощаю. А теперь уходи. Я собираюсь принять ванну.

Младший принц открыл рот, словно собирался еще что-то сказать, но осекся, поклонился и вышел.

***

Болезнь пришла неожиданно. Первые признаки проявились еще ночью и выглядели, как массовое расстройство желудка. Солдаты матюкались, кляли поваров и грешили на несвежее мясо во вчерашнем супе.

К утру не осталось сомнений — почти пятая часть воинов в армии серьезно больны. В начавшейся эпидемии не было даже намека на воинскую романтику. Рвота, понос, судороги и слабость.

К полудню, когда болезнь охватила уже треть войска, впервые прозвучало слово “холера”.

Тэруко болезнь не угрожала. Дар магии надежно защищал любого сколь угодно дальнего потомка богов от жалкой смерти. Но наблюдать, как еще вчера полные жизни и сил мужчины стонут не в силах подняться, вдыхать вонь от испражнений, сбиваться с ног в попытках оказать им помощь, было страшно.

Запах нечистот на жаре привлек сотни тысяч мух. Они кружили над лагерем, облепляли больных, разнося заразу.

Всегда ироничный и спокойный Джин ходил мрачнее тучи. Особенно, когда выяснилось что все заболевшие, вопреки запрету принца, пили воду из реки.

— Ну что за идиоты, Рю? — повторял он, бессильно сжимая кулаки. — Я же сказал: только из колодцев и источников!

Но армия была слишком велика, и не у каждого посланного за водой солдата хватало терпения дождаться, пока вычерпанный колодец наполнится снова.

— Что же делать? — спросила его Тэруко.

Джин пожал плечами:

— Ждать. И быть готовым к тому, что заболеют все, кроме офицеров. Если нам повезет, пятая часть солдат выживет.

— Но это означает...

— Да, — кивнул принц. — О войне придется забыть. Я не поведу пять-семь тысяч воинов во внутренний Самхан. Иди, Рю. У нас много работы.

Принцесса оказалась не готова к зрелищу чужих страданий. Весь день она бегала от одного больного к другому, таскала воду, варила травяные отвары, призванные облегчить течение болезни, преодолевая брезгливость, обмывала тела, и к вечеру валилась с ног. Запах болезни и нечистот въелся в одежду и волосы и преследовал ее, куда бы она ни пошла, напрочь отбивая любые мысли о еде. Стоило прикрыть глаза, как перед ними начинали мелькать бледные лица в испарине, мухи и бурлящий на огне котел с травами.

Глубокой ночью, когда полумертвая от усталости Тэруко доползла до палатки, служившей им с Юном домом, ее встретил все тот же вездесущий запах. Оруженосец принца лежал поперек прохода и тихо стонал. Глаза юноши запали, черты лица неприятно заострились, а губы посинели.

— Юн?! — растерянно прошептала Тэруко, опускаясь перед ним на колени. — Как же так?!

За прошедшие пару недель она сама не заметила, как привязалась к оруженосцу. Юн казался ей кем-то вроде непутевого младшего братишки. Несмотря на то, что они были почти ровесниками, Тэруко частенько ощущала себя взрослее и умнее мальчишки.

Нельзя, чтобы он умер вот так, у нее на руках! Она должна что-то сделать!

Но что?

Фамильный дар. Вывернутая наизнанку родовая сила. Все Ясуката умели насыпать болезни. Все, кроме Тэруко.

Она могла только лечить.

Унизительно бесполезный дар. Самураи не болеют, а чтобы лечить смердов есть доктора попроще. Что удивляться, что она никогда и не пыталась толком овладеть своей силой?

Вспоминая уроки магии, полученные в детстве, принцесса зажмурилась. И посмотрела на оруженосца. Не глазами, а словно всем телом, как учил когда-то отец. В ушах зазвенело, а потом в дрожащей темноте Тэруко увидела болезнь.

Она походила не светящуюся зеленым копошащуюся массу червей, заполнившую тело юноши изнутри. К горлу подкатила тошнота, принцессу чуть не вывернуло от мерзкого зрелища. Болезнь была омерзительна, уродлива, неправильна. Ее хотелось стереть, уничтожить, изгнать.

Отзываясь на эмоции, руки налились теплом и странной силой. Следуя за инстинктом, Тэруко положила ладони на живот Юна, посылая в глубь его тела свое отвращение к зеленым червям.

Оруженосец глухо застонал, и это нарушило концентрацию. Тэруко испуганно

отдернула руки, открыла глаза. Она ведь не сделала хуже?

По виду Юна ничего нельзя было понять, и принцесса снова зажмурилась. Ей показалось, или зеленых червей стало чуть меньше.

Стараясь не думать — стоило хоть на мгновение спросить себя “Правильно ли я все делаю?”, как становилось слишком страшно, чтобы продолжать — Тэруко водила ладонями над телом оруженосца, посылая внутрь невидимые лучи. Губительные для холеры, спасительные для юноши.

Она остановилась лишь тогда, когда проснувшееся внутреннее зрение уже не в силах было различить в теле Юна и следа болезни. Попыталась встать, и не смогла. Навалившаяся слабость не дала даже проползти пару шагов, чтобы укрыться в палатке. Тэруко упала на спину, глядя в черное небо. Разум блуждал где-то на границе яви и сна, слишком усталый даже для того, чтобы понять, что именно она сейчас сделала.

На фоне ночного неба появился профиль отца. Он посмотрел на Тэруко с гордостью и сказал: “Я знал, что ты сможешь, моя девочка”.

“Смогу что?” — хотела спросить Тэруко, но потом замелькали калейдоскоп лиц — слуги и родня, друзья и недруги.

Наверное, она все же заснула, потому что сквозь наплывавшие неясные образы пришло ощущение, что кто-то поднимает ее на руки и несет, как отец в детстве иногда уносил наигравшуюся маленькую Тэруко в ее комнату. И ощущение тростниковой циновки вместо травы под щекой. Чей-то голос настойчиво звал: “Рю! Эй, Рю!”, но сон цепко держал свою добычу...

***

Совсем рядом, почти над ухом перекликались солдаты, слышался стук топора. Тэруко вздрогнула и открыла глаза.

Она лежала на циновке внутри своей палатки. Сквозь приподнятый полог падали косые рассветные лучи, а на соседней подстилке дрых Юн.

Он выглядел лучше. Несравнимо лучше.

Не доверяя глазам, принцесса взглянула на оруженосца внутренним зрением. Он был здоров. В теле не осталось и следа болезни. Тэруко подперла голову, нахмурилась и задумалась.

Вчерашний вечер вспоминался, как в тумане. Уход за больными, тело оруженосца у входа в палатку, непрошенно проснувшийся дар.

Да, Тэруко знала, что в ней есть магия. Не способность, а насмешка. Другим высокородственным достается власть над стихиями. Как сестре-императрице, которая может приказывать водам. Или хотя бы фамильный дар Ясукаты — способность насылать болезни. Страшная, хоть и подлая сила.

А у нее — исцеление. Кому нужно это исцеление?

И вот вчера этот бесполезный дар спас жизнь ее другу.

Первым порывом побежать к Джину с радостной новостью. Принцесса даже было вскочила, но тут же снова опустилась на циновку.

Вчерашнее усилие вымотало ее настолько, что она не смогла даже до постели доползти. Спасибо, что нашелся кто-то добрый — дотащил. Болезнь развивается быстро. Скольких она успеет спасти до того, как холера соберет свою страшную жатву? Трех? Пятерых?

Она со злости даже укусила себя за кулак. Должен быть какой-то выход! Не зря же ей дарована эта сила, не зря Тэруко здесь, среди этих людей!

Так ничего и не придумав, она поплелась к Джину.

— Чего тебе, Рю? — с раздражением спросил тот. Судя по его виду, принц не спал вторые сутки.

Тэруко вспомнила, как читала записки о войне и сама училась говорить в том же стиле — ясно, коротко и без эмоции. И начала сжато излагать суть дела. По мере рассказа лицо Джина менялось. Пропадало выражение усталой обреченности. Принц впился в нее взглядом, ухватил за плечо и так стиснул, что Тэруко ойкнула.

— То есть: ты, как и твоя сестра, умеешь исцелять болезни и молчал? Рю, ты идиот!

— Я не смогу помочь всем.

Он же должен понимать, сколько сил требует лечение! Тэруко и сейчас, спустя много часов, чувствует себя слабее котенка.

— Скольких ты можешь вылечить за сутки?

— Троих, — неуверенно сказала она. — Четверых, если болезнь не очень запущенная.

Джин нахмурился:

— Да, это нас не спасет. Пойдем, поедим, Рю. И ты расскажешь мне все, что знаешь с своим даром. Может, удастся что-то придумать.

Она честно рассказала все, что удалось вспомнить, но вспомнить удалось до обидного мало. Никчемная способность всегда заставляла Тэруко чувствовать себя неполноценной, поэтому она старалась не вспоминать о ней лишней раз. Вот ведь дура!

— Прекращай себя ругать, это бессмысленно, — голос Джина прервал поток самоуничужений. — Я уверен, что должен быть какой-то способ воспользоваться твоим даром.

— Какой? — горько спросила Тэруко. — Я — бесполезен. Вот отец или Шин...

Ненавистному двоюродному брату родовая сила досталась в полной мере. И он даже не погнушался прибегнуть к ней, когда подавлял восстание на южных островах. А что половина жителей погибла от Желтой смерти — это так, мелочи.

Мысли перешли к способу, которым Шин принес заразу на мятежные земли. Он же не бегал за каждым крестьянином, чтобы заразить его.

Отец говорил: брат отравил своим даром воду в реках выше по течению. Вода — особая стихия, она принимает, переносит и преумножает все, что ей отдашь. Иногда довольно малости — все равно, что заронить зерно в землю. Остальное организм человека сделает сам.

— Вода, — прошептала Тэруко! Она вскочила и заговорила торопливо, захлеб, — Я могу влить свою силу в воду! Если добавить в нее исцеляющих трав, этого должно хватить, чтобы перебороть болезнь.

В глазах Джина отразилось понимание, а затем восхищение.

— Рю, если ты еще раз назовешь себя бесполезным, я тебя выпорю!

***

Несколько следующих дней не оставили в памяти ничего, кроме кратких вспышек. Тэруко спала, ела, вкачивала магию в отвар из целебных трав и снова падала, проваливаясь в тяжелое мутное забытие без сновидений. Она ощущала себя разбитой, слабой. Полог палатки кружился перед глазами, не было сил подняться, даже сесть. Но стоило ей почувствовать себя хоть немного лучше, как медики тащили очередной чан с травами и снова надо было надрываться, отдавая последнее.

Сумерки, жара, невероятная слабость. И подбадривающий голос Джина: “Держись, Рю.

Ты молодец!”

Однажды придя в себя и обнаружив в изголовье чан с отваром и очередного лекаря, Тэруко не выдержала и беззвучно заплакала.

— Нет! Уйдите! Я не могу, не хочу больше, — ей казалось, она кричит, но с обветренных губ слетал только еле слышный шепот.

Снова опустошать себя, выкачивая сохранившиеся в крови крохи магии? А что будет, если еле тлеющий огонек окончательно погаснет? Что ждет ее тогда?

Смерть. Не красивая и геройская, как на поле боя, а мучительная и гадкая. Лишенный силы самурай становится легкой добычей для любых болезней. Те, у кого не хватает мужества сделать сэппуку, умирают долго и медленно, страдая от немощи.

Ставший свидетелем истерики лекарь исчез бесшумно, а чуть позже на его месте возник Джин.

— Эй Рю, в чем дело?

— Пожалуйста, — срывающимся голосом прошептала принцесса. — Я больше не могу!

Он нахмурился.

— Не можешь, значит не будешь. Это не повод рыдать. На, выпей, — руки поднесли к губам чашу с тонизирующей настойкой. — Ты молодец, парень! Ты даже не представляешь, какой ты молодец.

Все еще шмыгая носом, она сделала несколько глотков. Отчаяние медленно отступало, и теперь за истерику стало стыдно.

— А как же солдаты? — виновато спросила Тэруко.

Джин не настаивал, не требовал, не стыдил и не взывал к ее совести, но, странное дело, Тэруко вдруг почувствовала себя ответственной за всех тех людей, которые умрут, потому что она дала слабину.

— Сами справятся, — отмахнулся принц. — Армию мы спасли... ты спас, Рю.

Оказалось, пока она валялась в палатке, прошло пять дней, и в лагере почти не осталось больных. Лекарство не столько убивало болезнь, сколько учило тело справляться с ней. Для здоровых и полных сил мужчин этого было достаточно, выпившие заряженный магией отвар солдаты удивительно быстро шли на поправку.

Погибло всего несколько сотен воинов. Те, кого просто не успели спасти — болезнь забрала их в первую же ночь.

— Я начинаю думать, что ты мне послан богами. Спасибо, Рю.

Принцесса вспыхнула от удовольствия и пробормотала в ответ какую-то вежливую чушь, сама не понимая, что несет.

— Пей бульон, спи и приходи в себя, — Джин погладил ее по голове и ушел.

Еще два дня Тэруко прилежно выполняла его распоряжение. Днем ее развлекал Юн, дежуривший у постели товарища и приносивший последние сплетни.

Посланный в верховья реки отряд обнаружил косвенные, но вполне четкие доказательства, что болезнь пришла не случайно — воды были отравлены. Джин, услышав об этом, зло и восхищенно ругался, а потом велел форсировать подготовку к штурму, пока засевавший за стенами наместник не успел подготовить очередную гадость. В лагерь прибывали подводы — горшечники спешили доставить выполненный заказ.

— Давай, поправляйся скорее, а то самое интересное пропустишь! — с горящими глазами повторял оруженосец. — Со дня на день его высочество объявит начало штурма!

Когда на третий день все еще слабая, но уже способная стоять прямо принцесса

выползла из палатки, она стала свидетелем того, как через лагерь катились собранные из бамбуковых стеблей механизмы. Замысел принца становился ясен.

Тем же вечером, завершив последние приготовления, Джин отдал распоряжение о штурме. Лежавший у подножия Магошань город был обречен.

ГЛАВА 10

Войска подошли к стенам Шанчжу еще до рассвета. Промаршировали колоннами и встали ровным полукругом на расстоянии в сотню шагов, укрываясь щитами. Защитники города видели темные силуэты в сумерках, но стрелять не спешили, берегли стрелы.

В предрассветной тишине хрипло запел горн. Колонны чуть расступились, давая дорогу выстроенным по приказу Джина катапультам. Горнист покосился на принца, дождался кивка и снова прижался губами к звонкой меди. По сигналу воины единым слаженным движением налегли на рычаги. Сотни горшков, заполненных земляным маслом, взвились в воздух. Одни разбились о ворота, другие перелетели через стены и упали рядом с защитниками.

Мгновением позже над стенами вспыхнул зеленоватый, чуть светящийся в сумерках полог.

— Они поставили защиту от стрел, мой принц, — прошептал Юн.

Джин покачал головой:

— У них не хватит сил на подобное. Этот щит только гасит огонь на стрелах. Им это не поможет.

Старший принц аль Самхан закрыл глаза, ощущая огненный пульс земли под ногами. Ему вторил ток в жилах — голос крови, несущей пламя. Джин резко выдохнул и вскинул руки, взывая к наследии огненного бога.

Ворота и стены полыхнули разом в сотне мест. Везде, где упали горшки с земляным маслом, занялся жгучий оранжево-красный цветок, бросая на затаившийся город кроваво-красные блики. Снова запел горн, снова взвились в воздух сотни снарядов. Взвились, чтобы упасть и вспыхнуть.

Отряды воинов в легких кожаных доспехах с осадными лестницами, веревками и крючьями наперевес бегом направились к стенам. Прикрывая пехоту, в бой вступили лучники, и воздух загудел от сотен стрел.

Стискивая побелевшие пальцы на рукояти меча Тэруко следила, как воины добегают до стен. Как приставляют лестницы, карабкаются вверх и падают, сраженные ударами мечей или стрелами. Защитники сопротивлялись отчаянно. Выливали солдатам на головы горячее масло, швыряли камни и бревна, но силы были неравны. Багряное зарево многочисленных пожаров за спиной подсвечивало силуэты противника на стенах, лучники принца разили без промаха. Защитники летели со стены и падали безжизненными сломанными куклами к ее подножию.

Первые лучи выглянувшего из-за горизонта солнца осветили изрубленные и обожженные тела. Живые и мертвые, друзья и враги лежали вперемешку у стен Шанчжу, а над ними все также кипела битва.

Это было совсем не так красиво, как ожидалось. Скорее страшно и мерзко. Звон стали, крики ненависти и боли, запах гари и паленой плоти стояли над полем боя. Тэруко закусил губу и малодушно порадовалась, что Джин запретил ей быть среди осаждающих под страхом немедленного возвращения в Оясиму.

Уже десятки лестниц облепили городские стены. Хоть над городом и окончательно рассвело, стрелы больше не свистели — лучники опасались стрелять, из страха попасть в своих. Тяжелая пехота промаршировала и встала у ворот. Из-за тяжелых дубовых створок доносился звон мечей, крики и стоны раненых.

— Чего мы ждем, мой принц?! — воскликнул Юн, приплясывая на месте от нетерпения. Глаза мальчишки горели восторгом, душа рвалась туда, за стены, где кипела битва, и собратья мечами добывали себе славу.

В ответ на его вопрос тяжелые дубовые ворота дрогнули и начали медленно раскрываться. В расширяющийся проем хлынула закованная в броню пехота, и сражение выплеснулось на улицы города.

Юн умоляюще посмотрел на Джина.

— Мой принц, позвольте мне...

— Дозволяю, — хмуро отозвался тот. — Под стрелы не лезь. Если позволишь себя ранить, останешься здесь, а я найду другого оруженосца.

Счастливый Юн кивнул, обнажил меч, вскочил на коня и умчался за соратниками. Джин повернул к Тэруко сосредоточенное и мрачное лицо.

— Ты тоже хочешь в бойню, Рю?

Тэруко покачала головой. Ее тошнило. От города несло запахом гари и крови, в ушах стояли стоны умирающих. В этой мясорубке не было ни красоты, ни величия, которые воспевали героические песни и саги.

Принц кивнул.

— Вот так выглядит война, — жестко подытожил он. — И ведь там, за стенами, тоже мой народ, Рю. Мои подданные.

Он свистом подозвал к себе серого в яблоках мерина и вскочил в седло. Подъехал почти к самым воротам и остановился, дожидаясь Тэруко, которая пыталась совладать со своей лошадью. Подаренная ей принцем гнедая кобыла по кличке Муха пугливо косилась на зарево пожара, раздувала ноздри и отказывалась идти туда, откуда пахнет огнем и смертью.

Наконец, принцессе удалось успокоить своенравное животное и догнать Джина.

— Куда мы, ваше высочество? В город?

Тот горько улыбнулся.

— В город. Тушить пожары.

***

К утру город был взят.

Где-то вдалеке еще слышались отголоски боя. Еще пахло гарью, на улицах то тут, то там встречались тела солдат — своих и чужих, но сомнений уже не осталось: Шанчжу — ключ к ущелью Нефритового Дракона — перешел в руки старшего принца аль Самхан.

Тэруко медленно ехала по узенькой кривой улочке, стараясь не смотреть на мертвецов, лежащих в пыли. Джин сказал — штурм был удачным, почти без жертв. Но глядя в остекленевшие глаза припиленного копьем к стене юноши — ровесника Юна — с этим хотелось поспорить.

Город затаился, жители попрятались по домам. Принцессе казалось, что из темных проемов окон за ней следят сотни испуганных и враждебных глаз. Джин запретил своим солдатам мародерствовать, но горожане об этом не знали. И ждали худшего.

Где-то впереди послышались крики. Тэруко нахмурилась и потянула было поводья на себя, заставляя лошадь остановиться. Но потом разозлилась на собственную трусость.

Хватит и того, что она всю битву просидела рядом с принцем, пока другие рисковали жизнью.

Крики доносились из ближайшего переуллка, где с десятков солдат с гоготом насиловали девушку.

Они разложили ее на телеге и разорвали одежду. Двое удерживали запястья, не забывая лапать жертву, а третий, отстегнув юбку доспеха и приспустив штаны, пристраивался меж раздвинутых ног.

Остальные, чтобы не терять времени, потрошили скинутые с телеги мешки и поглядывали на насильников, отпуская сальные шуточки. Суетившаяся рядом женщина средних лет с плачем дергала их за рукава, умоляла отпустить дочь и предлагала себя взамен.

Тэруко почувствовала, как в глазах темнеет от бешенства. Захотелось убить, порвать, растерзать негодяев. Словно все изнасилованные женщины в мире разом заговорили в ней, взывая о мести. Она опустила ладонь на рукоять меча, сжала.

Пришпорить лошадь, обрушится на скотов с оружием? Они ведь не ждут атаки.

Нельзя... Свои.

— Эй вы! — потребовала принцесса. — Отпустите ее! Немедленно!

Если голос Тэруко и дрожал, то только от ярости.

Насильник лениво обернулся. Искривленное похотью лицо скривилось в презрительной усмешке.

— Смотри-ка, подстилка принца прискакала. Что, сладенький, тоже захотелось отведать свежего мяса?

Остальные заржали, словно мерзавец сказал что-то забавное.

— Пожалуйста, господин! — взмолилась женщина, очевидно, из-за лошади принявшая Тэруко за командира солдат. — Скажите им, чтобы отпустили мою Чоу!

— Иди отсюда! — один из солдат отпихнул женщину в сторону. Прочие прекратили потрошить тюки и с интересом уставились на Тэруко, предвкушая потеху. Послышались смешки.

— Отпустите ее! — снова приказала Тэруко.

Во дворце, когда она начинала говорить подобным тоном, фрейлины и челядь опрометью бросались выполнять распоряжения принцессы.

Но они были не во дворце. И для насильников она была всего лишь наглым чужеземным мальчишкой.

— Не бойсь, — отозвался другой солдат, с наслаждением сжимая ладонь на груди всхлипывающей девушки. — Мы потом поделимся. Последним будешь.

— Он же любитель нефритовых копий, — хмыкнул третий. — Небось сам на ее место хочет.

— Точно. Откуда ему знать, что с женщиной делают?

Принцесса тяжело дыша переводила взгляд с одного негодяя на другого. Ей хотелось птицей слететь с лошади, когтями и зубами вцепиться в мерзкие хари, кромсать и рвать — до крови, до смерти.

Джин нашел бы что сказать, как приструнить ублюдков. Но она — не Джин, и может только стискивать меч и сверлить их полным ярости взглядом.

— А мы научим, — первый с гордостью огладил свое вздыбленное орудие. — Смотри, малец, и запоминай.

Он ухватил извивающуюся девушку за ягодицы, пихнул член меж раздвинутых бедер, и

Тэруко поняла, что ей все равно. Пусть эти скоты свои, пусть из армии Джина. Никто не будет насиловать женщин у нее на глазах! Никогда.

Принцесса пришпорила лошадь, направляя ее прямо на насильника. Тот с криком шарахнулся в сторону, двое других тоже были вынуждены выпустить девушку, которая мгновенно юркнула под телегу.

— Ты что творишь, щенок?! — яростно взревел насильник, путаясь в полуспущенных штанах. Мигом сникший член болтался меж волосатых ног, мужчина шарил рукой у бедра, тщетно пытаясь нащупать рукоять меча — тот вместе с ножнами, поясом и кольчужной юбкой так и лежал позабытый на краю телеги.

— Его высочество запретил мародерство и насилие! — высоким звонким голосом объявила Тэруко.

Возможно, они бы ее даже послушались, но все испортила Муха. Испугавшись чего-то проклятая кобыла шарахнулась в сторону, и принцесса не удержалась в седле.

Она приземлилась на мешки, полные мягких тряпок. Приземлилась удачно: ничего не сломала, но в первое мгновение от резкого удара вышибло дух. Перед глазами мелькнул силуэт — спасенная девица выбралась из-под телеги и опрометью кинулась из переулка, а потом принцесса почувствовала, как ее вздергивают за шиворот вверх.

Тяжелая и жесткая ладонь от души отвесила оплеуху, аж в ушах зазвенело. А потом еще одну.

— Ну хватит, Ли, — послышалось над головой.

— Ничего не хватит! — разорвался первый насильник. — Шлюшка удрала! Из-за этого щенка.

— Его высочество будет недоволен, если ты сломаешь его игрушку.

— Он и так будет недоволен.

Солдаты столпились вокруг Тэруко. Распаленные штурмом, рубкой на стенах и легкой победой. Жаждающие сбросить напряжение, выплеснуть злость, которая вела их в бою и сохранила жизнь. Принцесса кожей ощущала их голодную неудовлетворенность.

— Этот щенок даже не самханец!

— Смотрел себе спокойно, пока мы рисковали жизнями, а теперь туда же — приказывать.

Возмущенные голоса над головой становились все громче. Воины заводились, подзуживали друг друга.

Тэруко стало страшно. Она попыталась вырваться и получила еще одну оплеуху.

— Тихо, — первый мерзавец криво ухмыльнулся, показав дырку на месте переднего зуба. — Раз шлюшка ушла по его вине, он нам ее заменит.

— А принц? — робко возразил кто-то.

— А что принц? Не надо было отпускать мальчонку бродить в одиночку, — подонок цинично скривился и сплюнул. — Кто ж виноват, что его сперва снасильничали, а потом прирезали?

— Нет! — Тэруко взвизгнула и забилась, но силы были неравны. Она почувствовала, как кинжал срезает завязки легкого кожаного доспеха. В живот уперся край телеги, чужие руки задрали полу жилета, сдернули вниз штаны. Сверху навалилось тяжелая туша, обдавая запахом пота. Принцесса отчаянно извивалась, стиснув зубы. Она почти готова была рыдать от глухой злости и безнадежности. От ужаса и недостатка воздуха начало темнеть в глазах, когда рука сама собой наткнулась на рукоять оставленного на телеге меча. Ненависть

придала сил, Тэруко выдернула оружие, и, перехватив рукоять обратным хватом, пырнула насильника.

Тело сверху обмякло, и принцесса почувствовала, как по шее стекает что-то теплое и липкое. Она дернулась, выскользнула из-под туши, пытаясь одновременно подтянуть штаны и не выпустить меч из рук.

Пусть живой ее не отпустят, она умрет сражаясь.

Но всем было не до Тэруко. В переулке кипела битва. Воины в одинаковых доспехах, с атакующим тигром на алом фоне на плюмажах шлемов сражались друг против друга. К тому моменту, как девушка успела завязать штаны и высунулась с мечом в руках из-за телеги, все уже было кончено.

— Рю? — Джин спрыгнул с лошади и подошел, с тревогой вглядываясь в ее лицо. — Ты как?

— Нормально, — она жалко улыбнулась.

Все произошло слишком быстро. Вышедшая из под контроля ситуация, падение с лошади, угроза насилия и такое своевременное появление Джина. Прямо, как в сказке.

Он всегда успевал вовремя.

Захотелось обнять мужа за шею, уткнуться носом в плечо. Но вряд ли ему это понравится.

— Они ничего тебе не сделали?

— Нет, — Тэруко мотнула головой. — Не успели. Спасибо, ваше высочество.

Его лицо разгладилось.

— Хорошо, — он обернулся к воинам, заканчивавшим вязать парочку оставшихся в живых мародеров. — Этих казнить в три часа пополудни на площади. Генерал, я хочу, чтобы казнь видели не только наши воины, но и местные жители. Надо донести до каждого, что наказание за мародерство и насилие — смерть. Я не захватчик, это моя земля и я могу гарантировать своим подданным исполнение законов.

Он снова повернулся к Тэруко.

— Ты молодец, Рю.

Принцесса недоверчиво покосилась на него. Она молодец? Что, неужели правда молодец? И Джин не будет метать молнии и отсылать ее с отрядом обратно в Оясиму?

— Не будете меня ругать?

— Буду, — пообещал Джин. — Потом, наедине разберем в чем ты был неправ и как надо было действовать, а пока тут кое-кто хочет тебя поблагодарить.

Из-за спин солдат выглянула девушка, завернутая в воинский плащ. Молоденькая — не старше шестнадцати лет — и потрясающе хорошенькая, несмотря на растрепанные волосы и зареванный вид, она смотрела на Тэруко с непонятным восторгом.

Принцесса нахмурилась. От ударов, которыми ее наградили мародер, ломило виски и слегка двоилось в глазах, поэтому спасенную от насильников девицу она узнала лишь когда та подошла ближе и низко поклонилась, глядя на спасителя снизу вверх влажными черными глазами.

— Молодой господин! Спасибо вам! Если бы не вы...

Стало приятно. Прямо невероятно невозможно приятно. На Тэруко уже давно никто так благоговейно не смотрел. Раньше у нее была Хитоми, но после воцарения на Благословенных островах сестры-императрицы что-то разладилось между бывшими подругами. Фрейлина больше не восхищалась своей принцессой, а Тэруко, слишком гордая,

чтобы показывать как не хватает ей поддержки, просто вела себя холодно и все больше отдалялась от вчерашней наперсницы.

Сейчас взгляд девушки напомнил Хитоми, когда она смотрела на Тэруко, затаив дыхание, и слушала рассказы о былых сражениях.

Рядом с девушкой появилась та самая женщина средних лет, что тщетно умоляла негодяев оставить ее дочь в покое. Она тоже поклонилась — совсем низко, до земли. Тэруко стало неловко.

— Нет слов, чтобы передать, как мы благодарны вам, молодой господин, — запела женщина. — Я и моя Чоу будем счастливы видеть вас и вас, ваше высочество, в нашем скромном кёбане сегодня вечером. Приходите, мы устроим праздник в вашу честь.

Глаза Джина заинтересованно блеснули:

— Ты хозяйка Дома Весны?

— Да ваше высочество, — женщина снова поклонилась. — “Цветок пиона” — лучший кёбан по эту сторону гор. Даже господин наместник провинции любит отдыхать у нас душой и телом. Прошу, приходите. Ничто не сравнится со счастьем видеть вас и ваших людей у нас в гостях.

Девушка еще раз взглянула на Тэруко — восхищенно сияющими глазами.

— Вы ведь придете, молодой господин?

— Эээ... принцесса замялась. Она не знала, что такое кёбан. Может, театр?

Брови девушки огорченно сдвинулись. Она умоляюще посмотрела на Тэруко.

— Пожалуйста, молодой господин! Я так хотела бы вас снова видеть.

— Приду, — буркнула принцесса, чтобы прекратить это.

Это удовлетворило спасенных женщин. Они еще раз поклонились и исчезли из переулка с поразительной быстротой.

Джин тронул Тэруко за плечо.

— Рю, где твоя лошадь?

— Была где-то здесь, — принцесса огляделась и огорченно заключила. — Сбежала.

— Ладно, — он взял коня под уздцы. — Далеко не убежит, солдаты найдут ее и приведут. Я тоже не прочь прогуляться. Здесь недалеко.

— Куда мы.

Принц добродушно улыбнулся.

— Во дворец наместника. Разбирать его бумаги и заниматься прочими позорными для настоящих мужчин вещами.

Тэруко фыркнула. Несколько недель рядом с Джином очень сильно изменили ее представление о том, чем на самом деле должен заниматься настоящий мужчина и каким он должен быть. Образ безжалостного, немногословного, храброго до идиотизма и всегда готового обнажить оружие самурая поблек, растаял. Тэруко растили в преклонении перед силой, доблестью и долгом, но наблюдения за Джином научили ее, что ум, выдержка и умение просчитывать последствия своих поступков не менее важны.

А то и более. Сколько их вокруг — смельчаков с мечом наперевес, готовых ломать, гнуть и принуждать. А Джин один.

— Что такое кёбан, господин? — спросила она, шагая рядом с ним по безлюдной улице.

— Дом Весны. Что-то вроде ваших чайных домиков в Оясиме, — рассеянно отозвался погруженный в свои мысли принц.

— ЧТО?!

Она остановилась, задыхаясь от возмущения. Чайный домик?! Места, где продажные женщины за деньги развлекают и ублажают мужчин.

— Ну да, — он тоже остановился, глядя на Тэруко с насмешливой улыбкой. — Кстати, матушка Ханьгу не лукавила. “Цветок пиона” действительно один из самых известных и дорогих кёбанов по эту сторону хребта. Но тебе, как спасителю ее дочери, удовольствие скорее всего будет бесплатным. Пользуйся.

Молчание принцессы было полно негодования. Даже слов не находилось, чтобы высказать всю глубину ее возмущения и обиды.

Это что же: вот эта милая, совсем юная девушка, которая смотрела на Тэруко с таким восхищением и так умоляла прийти — на самом деле продажная женщина, которая ублажает мужчин за деньги?!

Ну да: даже солдаты называли Чоу “шлюшкой”. Тэруко рисковала жизнью и честью, чтобы защитить шлюху!

И чего девчонка тогда верещала, спрашивается? Как будто в первый раз!

Оправившись от потрясения, она вывалила на Джина все эти соображения.

— Насилие всегда мерзко, Рю, — довольно резко отозвался принц. — Оно унижает и оставляет раны в душе. Не отказывай кисэн в праве на человеческое достоинство. А твоя Чоу вообще пока прислужница и невинная девочка.

— Она не моя... — начала Тэруко с жаром. И осеклась. От последних слов Джина стало как-то легче. — Вы сказали “пока”?

Он кивнул.

— Через несколько месяцев, на ее совершеннолетие, мать устроит аукцион, на котором самый богатый мужчина сможет купить право первой ночи. После этого девушка станет полноправной кисэн.

— Как это мерзко!

Но ее негодование только насмешило принца.

— Можно подумать, это ты воспитывался в монастыре, а не я.

— Я не пойду туда сегодня! — сердито сказала Тэруко.

— Ты обещал, — напомнил Джин. — Они собираются устроить праздник в твою честь.

— Я не хочу.

— Ты ведь девственник?

— Да... То есть нет!

Принц расхохотался.

— Да ладно тебе, Рю. Никто не заставит тебя спать с женщиной, против воли. Многие вообще посещают кёбан ради прелестного общества и изысканной беседы. Сходи, тебе будет полезно. Может, перестанешь смотреть такими голодными глазами на всех полуголых мужчин поблизости.

Тэруко покраснела, потом побледнела. Попробовала сглотнуть, но во рту было сухо, как в огненной пустыне.

Джин стоял рядом, сложив руки на груди, и смотрел на нее со снисходительной улыбкой.

— Я не...

— Не надо оправдываться, дружок. Твои предпочтения — твое дело. Но хоть разок попробовать с женщиной будет не лишним, — голос Джина стал искушающим. — Вдруг понравится?

ГЛАВА 11

Дома Весны в Самхане не прятались стыдливо в отдельных кварталах, как чайные домики Оясимы. Кёбан “Цветок пиона” располагался в двух шагах от городского рынка. Его расписанные киноварью и украшенные искусной резьбой ворота выходили на площадь. Над воротами покачивались и призывно позвякивали колокольцы.

Тэруко замешкалась на пороге. Из дома доносилось печальное пение дудочки, тянуло тонким ароматом благовоний.

Прочие мужчины (а посетить вместе с принцем кёбан вызвалось пять военачальников и Юн) не стали ждать, пока она соберется с духом и налегли на приоткрытые ворота.

— Ну что, Рю? Идешь?

Под насмешливым взглядом Джина пришлось шагнуть через порог. Девушка подумала, что принц уже второй раз приводит ее в бордель и нервно захихикала.

Другие мужья, охраняя нравственность супруги, не подпустили бы ее к подобному заведению на полет стрелы.

Спасенная Чоу встретила их у входа с низким поклоном.

— Как я рада, что вы пришли, ваше высочество.

Умытая, накрашенная и тщательно причесанная, одетая в простое, но ладное платье, она была невероятно хорошенькой. Принцесса ревниво поглядывала то на расточающего комплименты Джина, то на краснеющую и опускающую глаза девицу и злилась.

Тэруко ведь не хуже этой девчонки! Даже красивее! И платья, оставшиеся в Оясимае, у нее наряднее и лучше! И дворцовый этикет, что свой, что самханский она знает назубок.

Так почему Джин никогда на нее так не смотрел?!

Она даже пожалела, что спасла эту гадкую девчонку, но в этот момент девушка повернулась к Тэруко, и принцессе стало неловко за злые мысли. Столько восхищения сияло на лице будущей кисэн.

Если подумать: девочку ждет совсем нерадостная судьба. Ее невинность продадут тому, кто больше заплатит, да и после ей придется зарабатывать на жизнь, ублажая мужчин. И сколько бы Джин ни повторял, что секс (“торговля весной”, как поэтично называли его самханцы) — лишь малая часть обязанностей кисэн, которые прекрасно танцевали, пели, играли на музыкальных инструментах и развлекали мужчин изысканной беседой, все же ласки входили в перечень услуг. И все в душе принцессы протестовало при мысли о подобной работе.

Да, Тэруко готова была посочувствовать юной Чоу. Как только эта маленькая дрянь уберет свои лапы от ее мужа!

Из глубины дома торжественно выплыла хозяйка Дома Весны и заворковала, приветствуя дорогих гостей.

Мужчин с почетом проводили в общий зал, где уже ожидал десяток юных девушек и пяток женщин постарше. Все, как одна, хороши собой и ухожены. Чоу упорхнула, чтобы вернуться с бутылкой сливового вина. Струя бледно-желтой пахнувшей фруктами жидкости, разбилась о дно пиалы, обожгла небо и потекла беседа.

В вине было дело или же искусство вести и поддерживать разговор, которым владели кисэн, и вправду было выше всяких похвал, но поначалу настороженная и злая принцесса постепенно оттаивала, расслаблялась. Девушки из “Цветка пиона” действительно знали свое ремесло, вовлекая гостей как бы между делом в интересную беседу. Они несомненно были

умны и образованы, но не кичились этим. Уступали мужчинам, а не пытались их переиграть. Давали проявить себя, не теряя чувства собственного достоинства.

Впервые с тех пор, как злая ведьма превратила ее в юношу, Тэруко наслаждалась навязанной колдуньей ролью. О, как льстили принцессе восхищенные взгляды и вопросы, заданные нежными голосами. Провоцировали, побуждали распускать хвост, ударяясь в безудержное хвастовство. Как приятно было ощущать свою значимость и ценность...

Если кисэн и притворялись, то делали это куда искусней придворных лизоблюдов. Чуткая к лести и лживым улыбкам Тэруко не чувствовала фальши. Пиала в ее руках снова и снова словно сама собой наполнялась вином. Принцесса отхлебывала ее и незаметно, но неотвратимо пьянела.

— Вы такой смелый, молодой господин. Такой отважный...

Кисэн интересовало все. Взгляды Тэруко на поэзию и политику. Ее детские воспоминания и планы на будущее (тут принцесса чуть не лягнула “вернуть свое тело”, но вовремя прикусила язычок). Любит ли молодой господин танцы? Как ему самханские кушанья? А правда ли, что на Благословенных островах на каждом шагу встречаются зловредные призраки и духи?

Пусть женщины никогда не привлекали Тэруко, магия чужого внимания, неподдельного интереса и восхищения в сочетании со сладким вином сделала свое дело. Голос принцессы звучал все громче, развязнее и хвастливее. Суждения становились резче, Тэруко несло. По телу разлилось приятное тепло, от запаха благовоний (а может и не только от него) кружилась голова и комната чуть покачивалась перед глазами. Куда не обернись, везде были накрашенные губы, сложенные в улыбки и сияющие восторгом черные глаза.

Чересчур громкий женский смех из другого угла заставил ее обернуться, и это было, как резкое пробуждение оттого, что на голову вылили ведро холодной воды. При виде Джина — тоже пьяного, довольного и расслабленного, восседающего на подушках с пиалой в руках и в окружении трех девиц, Тэруко почувствовала совершенно оглушительную, ослепительную ревность и ярость.

Она вскочила — довольно ловко, как казалось ей самой, вот только пол под ногами странно наклонился. Принцесса закачалась и еле устояла, чтобы не рухнуть на четвереньки. Матерясь под нос, она пробралась по залу, наступая на разбросанные тут и там вышитые подушки и встала над Джином. Тот как раз заканчивал рассказывать историю — девицы и сидевший рядом, почти в обнимку с красоткой-кисэн, генерал рассмеялись.

— Как вы можете?! — тяжело ворочая языком спросила Тэруко.

Ей было просто до слез, невыносимо обидно видеть его таким. Довольным, в окружении продажных девок.

— Рю? — принц поднял взгляд на Тэруко. — Дружок, ты пьян.

— А как же Тэруко?! — должно быть из-за вина это прозвучало слишком пафосно и оттого глуповато, но принцесса отмахнулась от этой мысли.

Ее муж не должен флиртовать с проститутками и лапать их у нее на глазах!

— Молодой господин, — какая-то женщина тронула ее за рукав. — Вам нужно отдохнуть. Хотите, я провожу вас в комнату наверху?

— Правильно, — добавил принц. — Иди, Рю. Завтра поговорим, когда будешь трезвее.

— Нет... — она попыталась спорить, но навалилась усталость и слабость. Этот день со штурмом, безлюдными улицами взятого города, сражением с насильниками, разбором бумаг во дворце наместника и вечерними посиделками в кёбане получился слишком длинным.

Разве не пора ему закончиться?

Сразу две женщины подхватили его под руки, повели куда-то вглубь этого пропахшего благовониями и сливовым вином дома.

Ловушка... Все ловушка. Кёбан — как цветок росянки. Раскрыл ворота, приманивает мужчин. А женщины-змеи обманывают, обволакивают, готовясь пожрать.

Это не Дом Весны, а змеиное логово. Надо сказать Джину...

***

Джин проводил покачивающегося мальчишку взглядом и поманил пальцем к себе хозяйку.

— Матушка Ханьгу, мне кажется, Рю заслуживает награды.

Женщина бросила на него быстрый взгляд из-под полуопущенных ресниц.

— Конечно, ваше высочество.

Ухоженные пальцы сжались на опущенной в ладонь золотой монете.

— Мальчик никогда не был с женщиной, — с намеком добавил Джин. — Я хочу, чтобы у него остались самые приятные воспоминания.

— Разумеется, ваше высочество. Я бы не осмелилась предложить спасителю дочери меньшее.

Матушка поднялась с поклоном, и Джин облегченно выдохнул.

Ему нравился Рю. По-юношески горячий, бескомпромиссный, но искренний в симпатиях и антипатиях. Принц не имел ничего против того, чтобы быть господином и учителем для него. Мальчишкам нужен пример для подражания, а Джин не худший из возможных наставников.

Но отношение самого Рю беспокоило. Влюбленные взгляды, которые мальчишка постоянно бросал в сторону своего господина, когда думал, что тот не видит — Джин готов был поклясться, что в них проскальзывало отнюдь не только восхищение ученика учителем, но и плотское вожделение.

А это уже никуда не годилось.

При дворе аль Самхан подобные увлечения не были чем-то из ряда вон выходящим, пусть покойный император и не одобрял мужеложества. Тот же Мин, например, с равным интересом уделял внимание как фавориткам, так и фаворитам.

Но Джина не привлекали ни мужчины, ни мальчишки. При всей своей широте взглядов, принц вообще с трудом понимал, как можно желать кого-то своего пола, и втайне считал такие предпочтения придурью, которая появляется от скуки или отсутствия женщин поблизости.

Пусть искусная в ласках красавица-кисэн покажет малышу, что значит быть мужчиной. Глядишь, Рю перестанет пялиться на Джина с таким видом, словно хочет съесть.

***

С трудом переставляя ноги принцесса дошла до комнаты, упала на застеленную алым шелком кровать. Потолок чуть кружился перед глазами. Она пьяна. Позорно напилась, как какой-нибудь опустившийся забулдыга.

Джин где-то там... с этими красотками. А у нее нет даже сил подняться.

Перед губами возникла пахнущая женьшенем, медом и мятой пиала, и ласковый женский голос сказал:

— Выпейте, молодой господин.

— Не буду, — заупрямилась принцесса.

Чем эти змеи еще хотят напоить ее?

— Выпейте, вам станет легче.

Край чаши настойчиво ткнулся в губы, несколько капель выплеснулось. Тэруко облизнулась. Сладко.

— Дай сюда, — она села отобрала чашу и выпила. Если яд, так тому и быть. Она отравится и умрет, а Джин горько пожалеет, что не ценил ее, но будет поздно.

Жидкость в чаше была прохладной и сладкой, несла успокоение.

— Вот так, — ласково сказала кисэн. — теперь нужно немного подождать.

Принцесса с трудом сфокусировала взгляд на ней. Кажется, это была одна из тех девиц, что развлекали ее в общем зале. На вид чуть старше двадцати, ухоженная и изумительно красивая. Но главное — в ней ощущалась уверенность женщины, которая знает, что она привлекательна и умеет этим пользоваться. В каждом жесте кисэн, в каждом слове и изящном движении сквозило достоинство, как ни странно звучит это слово, применительно к продажной женщине.

— Хотите, я зажгу курильницу, молодой господин?

Принцесса пожала плечами. Ей было все равно.

Кисэн ушла, потом вернулась и склонилась над медной чашей, засыпая в нее малиновые угли из небольшого ведерка. Тэруко лежала на кровати и следила за ее перемещениями.

Напиток и впрямь помогал. Принцесса ощущала, как опьянение медленно отступает. Взгляд сам собой скользнул за спину жрицы любви, замер на картине. Принцесса почувствовала, как холодок пробежал по коже.

Вышитая шелком по шелку картина изображала женщину в алом платье. Сердце заколотилось с утроенной силой. Вышивальщица была искусна, она сумела мастерски передать и еле уловимый изгиб тонких губ, в которых прячется усмешка, и холодный прищур миндалевидных глаз.

На раскрытой ладони женщины сидела бабочка с бирюзовыми и алыми крыльями, а из волос выглядывала летучая мышь. За ее спиной вставал силуэт священной Магошань.

— Кто это?! — хрипло спросила принцесса, не открывая взгляда от картины, словно боялась, что стоит ей отвернуться, как горная ведьма снова исчезнет.

— Где, господин? — отозвалась кисэн, укладывая в курильницу благовония. Сладковатый дымок пополз по комнате, защекотал ноздри. Запах показался Тэруко знакомым, но она была слишком увлечена своим открытием.

— Там, на картине.

— А. Это — Госпожа Конопляного поля, Бессмертная Маго-Хельми, — в голосе кисэн зазвучало почтение и даже благоговение. — Покровительница всех женщин.

БОГИНЯ?!

Слова кисэн оглушили, словно удар дубинкой по голове. Тэруко сидела на постели, разглядывала картину и хватала воздух ртом, силясь отдышаться.

Богиня... Проклявшая ее колдунья оказалась богиней.

Почему она не догадалась раньше после рассказа Джина? Это же все объясняет!

Как умопомрачение нашло. Слишком привыкла считать незнакомку злой ведьмой? Или сама богиня захотела остаться неузнанной, вот и запутала, увела мысли в сторону?

Она вспомнила гигантский лик, высеченный внутри горного храма.

“Маго-Хельми дает человеку не то, о чем он просит, а то, что ему в действительности надо”, - зазвучал в ушах голос Джина.

Тэруко попросила у нее одежду...

Но она же не знала! Не знала, у кого просит и чем может обернуться такая просьба!

Нечестно... Так нечестно! Захотелось вскочить, затопать ногами, как маленький ребенок.

Снова пощекотал ноздри пряный сладковатый запах из курильницы. Дымные струйки поднимались над ней и растекались по комнате, подобно щупальцам спрута. Тэруко глотнула пропитанный дымом воздух, и почувствовала, как ярость уходит. Ускользает, как вода меж пальцев.

А вместе с яростью уходила сила. Желание вскочить, немедленно сделать хоть что-то, исправить несправедливость. Тэруко снова откинулась на подушки. С ней происходило что-то странное. Это было похоже и непохоже на опьянение от сливового вина.

— Я помогу вам раздеться, господин, — лицо кисэн нависало, маячило сверху.

— Н-н-не надо, — с трудом ворочая языком выговорила Тэруко, но женщина ее словно не слышала.

Ловкие длинные пальцы пробежались по застегкам одежды, отвели в сторону полы жилета и рубахи.

— Нет! — она попыталась сопротивляться, но сил не было. Руки кисэн скользнули по безволосой мальчишеской груди, погладили. Коготки чуть царапнули кожу, болезненно и приятно, спустились к завязкам штанов. Прохладные пальчики охватили плоть, принялись поглаживать и ласкать.

Этого не должно было быть! Тэруко умела любоваться женской красотой, но никогда раньше женщины не привлекали ее в этом смысле. И она не хочет!

Не хочет?

Сознание расплывалось. Так ли плохо то, что они сейчас делают? Действительно ли Тэруко не хочет этого?

Прикосновения кисэн были приятны. От них становилось жарко и сладко, по телу разливалось стыдное томление. Их не хотелось прерывать.

Так ли это ужасно — надкусить запретное лакомство?

А как же Джин?

Она вспомнила, как Джин смеялся и флиртовал с кисэн на ее глазах, и почувствовала гнев. Если ему можно, то почему Тэруко нельзя?

Сознание ускользало, тонуло в сладком дыме из курильницы, женщина рядом утратила плоть, выщвела, превратилась в бледный плоский силуэт — тень на стене. Она и томительно-приятные ласки существовали словно сами по себе, отдельно друг от друга. От ласк было хорошо, а кисэн не мешала. Тэруко закрыла глаза...

Сперва пальцы, потом губы. Такие настойчивые, умелые. Приятно было двигать бедрами, погружаясь в горячее и влажное, ощущать прикосновения быстрого язычка там, внизу. Тэруко чуть выгнулась и застонала, слыша как со стороны хриплый мальчишеский голос.

Сладкий дым пах травой и жарким летним полднем, перед глазами вставало бесконечное конопляное поле и пронзительно-синее небо опрокинутой чашей над ним. Пели сверчки, по полю шла женщина в алом платье, расшитом бабочками и нетопырями, и силуэт Магошань, начерченный контуром на холсте неба, виднелся за покачивающимися метелками трав на горизонте...

— Из тебя получился хороший мальчик, — насмешливо сказала женщина. И все

исчезло.

Тэруко плотнула воздух и села. Контраст между залитым солнцем полем и полумраком кёбана был слишком резким. Перед глазами маячил, мерно двигаясь то вверх, то вниз, затылок кисэн.

— Не надо, — твердо сказала принцесса, отпихивая женщину в сторону и подтягивая штаны. — Я не хочу.

— Господин? — красивое лицо сложилось в удивленную и немного обиженную гримаску.

— Я не люблю женщин.

“И мужчин не люблю, — мысленно добавила Тэруко. — Я люблю Джина”.

От понимания, мелькнувшего в глазах кисэн, стало неприятно, но и демоны бы с ней. Пусть сплетничает о том, что молодой господин мужеложец. Придумывать убедительную ложь сейчас не было сил.

Тэруко застегнула одежду и встала.

— Куда вы, господин? Ночь на дворе.

— В храм, — ответила принцесса.

Будь благословен кёбан и вышивальщица, сотворившая картину! Теперь Тэруко точно знает, что нужно делать!

ГЛАВА 12

Святылище Маго-Хельми имелось и в городе, но Тэруко показалось важным посетить то самое, в горах. Охрана на городских воротах долго не желала их открывать, пришлось наврать про срочное поручение принца. К счастью, ночь была безоблачной и дорогу к предгорьям освещал узкий серп луны, но когда тропа свернула под сень сосен пришлось спешиться, зажечь фонарь и вести лошадь в поводу.

Если днем ущелье выглядело скорее таинственным, чем мрачным и манило прохладой, то ночью в нем было жутковато. Тэруко ежилась, до боли стискивала ручку фонаря и шла вперед.

Глупо возвращаться, когда до цели осталась пара шагов.

Храм зиял на теле горы черной кляксой. Провал, дыра, ведущая в такие глубины, что и представить жутко. Принцесса привязала и успокоила, как могла, нервно всхрапывающую лошадь, поднялась по ступеням.

Странно, но внутри оказалось светлее, чем снаружи. Молочно-белые лучи луны ложились сквозь отверстия в потолке, снова рисуя цветок на полу. Сейчас его очертания походили на раскрытый лотос. Черный купол крыши казался ночными небесами, светлячки мерцали на нем, точно звезды. Все также таинственно и лукаво улыбался женский лик, и вода в чаше перед ним чуть заметно отливала в синеву, добавляя происходящему ощущения нереальности, сказки.

Тэруко разулась, прошла сквозь залитое лунным светом святылище, опустилась на колени у изваяния богини и обнажила нож. На мгновение стало страшно. Она пришла просить, а просить — это снова вручать свою судьбу безжалостным рукам Хозяйки Жизни-и-Смерти. Что на этот раз решит сотворить с ней Маго-Хельми? Так ли плоха жизнь мальчишки Рю, чтобы отринуть ее и шагнуть в неизвестность?

Она вспомнила ласки кисэн, скривилась и решительно резанула кожу чуть выше запястья.

— Пожалуйста... Я все поняла. Прошу...

Капли крови казались черными в лунном свете. Они падали в чашу, растекались по водной глади, уходили в глубь дымными струйками и исчезали. Божество улыбалось и молчало.

***

Из зева пещеры тянуло волглым холодом, но на лужайке перед ней было тепло, даже жарко. Летали бабочки, перепархивая меж неброских белых цветов в окружении зубчатых листьев. В аромат полуденных трав тонкой ноткой вплетался запах сырого камня.

На базальтовом выступе у входа в пещеру сидела женщина в алом. Такая же царственная и снисходительная, какой запомнилась по прошлому разу.

Богиня рассматривала Тэруко, склонив голову набок, с насмешливым любопытством.

— Ты звала меня, девочка?

— Да, — она не помнила, как здесь оказалась. Сколько времени прошло? Уже день? Джин будет волноваться...

Или не будет. Не заметит. Что ему за дело до какого-то оруженосца, когда с ним осталось столько красоток-кисэн?

Она помотала головой и взглянула в глаза богине:

— Пожалуйста, снимите заклятье!

— Почему я должна это делать? — насмешливо спросила женщина.

— Я все поняла, — голос Тэруко дрогнул. — Я очень сожалею... Правда-правда! Клянусь, что никогда в жизни больше не возьму чужого! Простите меня! Пожалуйста!

Красиво изогнутые брови чуть приподнялись.

— Ты считаешь, что я наказала тебя? За кражу?

Тэруко смешалась. Именно так она и считала. Не зря же цуру считают посланниками богов, должно быть богиня обиделась за свою служительницу.

— Милое дитя, я не наказываю. Мои дары — это испытания. Они позволяют человеку понять, чего на самом деле жаждет его сердце.

— Я уже поняла. Мне не нужно это! — с яростью отозвалась принцесса и провела руками вдоль мальчишеского тела. — Заберите!

— Ну как же не нужно? — красиво изогнутые губы сложились в улыбку. — Ты бунтовала против ограничений и правил, навязанных женщинам. Ты мечтала попасть на войну и сражаться со своим принцем спина к спине. Я исполнила твое желание. Но нельзя иметь все и сразу. За мечты нужно платить.

Она издевается?! Принцесса тяжело дышала, сжимая кулаки, с ненавистью вглядывалась в лицо небожительницы и кусала губы. Ей хотелось закричать, схватить женщину за плечи и трясти, требуя вернуть все как было.

— Мне это не нужно, — упрямо повторила она.

Богиня покачала головой.

— Не лги себе. Загляни в свое сердце: разве ты не хотела принятия на равных среди мужчин, почета и уважения?

Тэруко заглянула. И да... в чем-то Хозяйка Жизни-и-Смерти была права.

Если отставить в сторону некоторые неудобства, мужская роль давалась ей не так уж и сложно. Принцессе нравилась атмосфера товарищества в войске, нравилось, что ее принимают, как свою. Не как существо второго сорта. То, что будучи женщиной приходилось отвоевывать, выгрызать с боем, теперь словно принадлежало ей по умолчанию.

Но этого было недостаточно.

— А еще мне нужен Джин! — после паузы сказала Тэруко. — Я люблю его.

— Любишь, — кивнула богиня. — Как дитя любит желанную, но недоступную игрушку.

— Не так! — яростно возразила принцесса.

Женщина посмотрела на нее снисходительно.

— Приворотное зелье, убийство, кража. Ты — эгоистичный ребенок, для которого нет ничего важнее своих желаний.

Тэруко опустила голову. Снова ожег стыд от напоминания о совершенных ею ошибках.

— Я не хотела, — выдавила она. — Клянусь, что это не повторится. Пожалуйста! Я действительно люблю Джина.

— Любовь — это не плотское желание и не жажда обладания. В настоящей любви счастье другого человека важнее собственного. Ты утверждаешь, что так любишь своего принца?

— Да! — без колебаний отозвалась принцесса.

— И просишь у меня женское тело?

— Да... — она сглотнула, вспомнив чем закончилась просьба в прошлый раз. — Прошу.

Богиня взмахнула длинными ресницами.

— Хорошо, дитя. Я дам тебе лазейку для снятия заклятья и помогу увидеть цену твоего чувства.

Выпали гребни из прически, ветер расплескал по воздуху волны черных волос, рванул алые рукава. Взметнулись полы одежды, разлетелись, распались стайкой разноцветных бабочек. Шелест хитиновых крыльев заполонил пространство над лугом, им вторил шорох кожистых крыльев из пещеры.

И подобный летящему разом со всех сторон, тысячекратно повторенному шепоту до Тэруко донесся голос богини:

— Твой настоящий облик вернется, когда сталь пронзит сердце Джина Хо ланг-И аль Самхан.

***

Тэруко подняла голову. Она лежала на полу у изваяния богини. Сквозь световые отверстия в крыше храма пробивались солнечные лучи, а где-то снаружи птицы славили пришествие нового дня.

Вчера она, не дождавшись ответа богини, заснула прямо у чаши. И ответ пришел во сне.

Снова зазвучали в ушах жестокие слова, сказанные женщиной в алом: “Твой настоящий облик вернется, когда сталь пронзит сердце Джина”.

Не ослышалась ли принцесса? Неужели Маго-Хельми хочет, чтобы Тэруко убила того, кого любит? К кому стремилась всей душой, ради кого пошла на преступления?!

Чудовищный, невозможный выбор! Не выбор, а насмешка. Мечтать о Джине, пока она находится в этом мерзком теле, все равно, что мечтать о луне на небесах! Вопреки слухам, старший принц аль Самхан не любит мальчиков. Да и самой Тэруко становится противно при мысли о мужчине, ласкающем другого мужчину. Было в этом что-то гадкое, неправильное.

Но зачем ей становиться женщиной в мире, где не будет Джина?!

— Зачем?! — беспомощно спросила Тэруко у изваяния.

Высеченный в скале лик улыбался. Безмятежно, но с тайной ехидцей.

— Я не сделаю этого! Слышишь, ты?! Не сделаю!

“Тогда ты останешься мужчиной. Навсегда”

Что это — еле слышный шепот, или собственные недостойные мысли?

— Я люблю его!

“А себя ты любишь? И кого больше?”

— Зачем тебе это нужно?

“Не мне, дитя. Это нужно тебе.”

Тэруко сидела, уставившись перед собой невидящими глазами, а мысли, похожие на навязчивый вкрадчивый шепот, все текли и текли. Гадкие, словно бы чужие.

“Хочешь снова стать женщиной, Цветок Оясимы? Нет ничего проще. Выбери момент и ударь самханца кинжалом. Он доверяет тебе, он не ждет подвоха. Что проку от любви, если он никогда тебя не обнимет, не поцелует, не назовет своей? Один удар — сталь пронзит его сердце и все будет кончено. Быть может, принц даже выживет, если сразу же кликнуть помощь...”

— Но это предательство! Он никогда меня не простит! Я сама никогда себя не прощу!

“Все на свете имеет цену.”

Она вскочила, ощущая даже не страх — ужас перед собственной порочностью. Как она могла задуматься о подобном?

За стенами храма беспокойно заржала лошадь. Надо возвращаться к Джину.

Возвращаться, чтобы быть рядом? Не любимой женщиной, а навязчивым мальчишкой, с которым принц возится по душевной доброте. Или возвращаться для того, чтобы выждать, когда принц повернется спиной и нанести предательский удар?

— Нет! — воскликнула Тэруко.

Если она смогла задуматься о подобном, ей нельзя к Джину.

Но куда идти? Она одна посреди чужой страны, раздираемой войной. Дома никто не ждет мальчишку Рю. Нигде не ждут. Никто.

Она всхлипнула, но тут же утерла слезы. Нечего раскисать! Она молода, здорова, умеет читать, писать и даже владеет магическим даром, пусть даже очень слабым и неразвитым. Неужели всем этим талантам не найдется где-нибудь применения? Конечно найдется!

А пока нужно уехать как можно дальше от армии и от Джина.

ГЛАВА 13

Дороги в Самхане были хороши. Наезженные, широкие и ровные, а кое-где даже мощеные камнем. Одно удовольствие ехать.

Справа простирались деревни в окружении ровных квадратов рисовых полей. Слева вставали скалистые пики. Горы в этих местах считались трудно проходимыми из-за постоянных обвалов. Где-то внизу под хребтом дремал дракон. Порой он ворочался во сне и тогда со склонов сходили лавины и камнепады.

Недобрые дикие места.

Весь Самхан — темница для огненных драконов. Сколько их прячется под землей, трясет скалы и порой пытается выбраться через жерла вулканов. Если бы не наследный дар императорской семьи, твари давно бы вырвались, залили кипящей лавой рисовые поля...

Но потомки огненного бога умели смирять пламя.

Застава вынырнула резко, из-за поворота. Потемневшие от времени деревянные ворота и две ветхие башни по краям.

Тэруко резко осадил лошадь. Норовистая кобыла недовольно всхрапнула и загарцевала.

В дверях одной из башен появился заспанный стражник. Позевывая, он дождался, пока Тэруко не успокоит недовольную лошадь, а потом окликнул:

— Эй, малец! Куда едешь?

“Не твое дело”, - хотела ответить принцесса. Но сдержалась.

— На побережье, — она подъехала ближе. — Вы откроете ворота?

Стражник сплюнул.

— Давай.

— Чего давать?

Солдат посмотрел на нее, как на дуру. Точнее, на дурака.

— Путевую грамоту давай.

Тэруко нахмурилась. Это что еще за новости?

Нет, она слышала, что в Самхане все помешаны на бумагах, а чиновников чуть ли не больше, чем крестьян. Но путевая грамота, чтобы попасть из одной провинции в другую? Вы это серьезно?!

— У меня нет, — неуверенно призналась она, раздумывая, что надо было свернуть десятью минутами раньше на одну из горных тропок и миновать заставу. Это телеге с товарами не проехать иначе, чем по дороге, а всаднику ворота нипочем.

Свернуть бы сейчас — вон она тропка, чуть в стороне. Да не на глазах у стражника же!

Лицо воина потеряло сонливость. Взгляд сделался подозрительным и цепким.

— Нет, говоришь? А сам ты откуда.

— Шаньчжу, — не колеблясь соврала принцесса.

Но упоминание мятежного города только усилило подозрения стражника.

— А говор не наш. А ну покажи именную метрику!

Какую метрику? Тэруко так изумилась, что задала этот вопрос вслух.

— Ага! — вскричал стражник, потирая руки. — Так я и знал. Лазутчик! У, оясимская тварь!

И сунув в рот болтавшийся на шее свисток, оглушительно засвистел.

Ждать пока ее схватят, подвезят и начнут пытаться раскаленным железом Тэруко не стала. Резко прищорила лошадь и норовистая кобыла сорвалась с места в карьер. В спину летели крики, пронеслась пара стрел над головой. Принцесса понукала лошадь и уходила все дальше в горы.

***

Выглянув из окна дома наместника и полюбовавшись на солнце, стоявшее уже над вершиной священной Магошань, Джин с досадой понял, что проспал.

Не стоило вчера засиживаться в кёбане до трех ночи. Хорошо еще, что хватило ума не поддаться настойчивым уговорам хозяйки, и не остаться с одной из красоток кисэн до утра.

Или наоборот: стоило бы остаться. Сколько у него уже не было женщины? Он же не старик в конце-концов. Да, Джин женат, но он не любит и почти не знает эту девочку с вишневыми глазами, которую ему навязал отец. Даже понятия не имеет, увидит ли ее еще когда-нибудь.

На войне всякое может случиться.

Мысли от Тэруко сами собой перешли к ее брату, и принц усмехнулся. Вот уж кто оторвался вчера и за себя, и за него. Надо будет спросить понравился ли Рю его подарочек?

Ладно, время не ждет. Пора закончить с бумагами, назначать кого-нибудь вместо сбежавшего наместника и готовить войска к переходу через ущелье.

Он уже собирался закрыть окно, когда вместе с порывом ветра в него ворвалась белая птица. С криком упала на плечо принцу и обернулась бумажным журавликом.

Джин нахмурился, а прочитав начертанное на крыльях имя отправителя помрачнел.

Миако Риндзин. Божественная императрица Благословенных островов Оясимы. Женщина, которую он любил, и которая его отвергла.

Они странно расстались. Джин почти не вспоминал о ней за прошедшие три месяца, а когда вспоминал уже не чувствовал гнева. Наверное, это и называется “отпустить”. Чем дальше, тем больше все что было между ними в горах Рю-Госо казалось сном, миражом. Кто были те двое, ласкавшие друг друга в горячем источнике? Будущая гейша по имени Мия и самханский лазутчик Джин Хо. Где они теперь?

Но письмо от императрицы Миако всколыхнуло воспоминания. Джин развернул его и углубился в чтение.

В послании, написанном велеречивым придворным стилем говорилось, что двоюродная сестра божественной правительницы и супруга Джина — Тэруко Ясуката уже три недели, как пропала, и сколько подчиненные императрицы не искали ее, не смогли обнаружить даже следов девушки. Есть вероятность, что принцессу похитили — на это косвенно намекал обнаруженный труп “наперсницы”, но никаких посланий от похитителей так и не пришло. Возможно, также, что принцесса сбежала к Джину — она уже дважды порывалась отправиться в Самхан и в последний раз ее удалось перехватить в самый последний момент, когда Тэруко уже садилась на корабль.

“Мне неловко волновать вас, ваше высочество, и я искренне надеюсь, что наши тревоги безосновательны, — гласила приписка, сделанная в конце другим почерком и написанная куда более искренне и лично. — Но Тэруко просто бредила войной. Что если она действительно каким-то образом сумела переплыть море? Прошу: отдайте соответствующее распоряжение вашим людям, и, если обнаружите ее, напишите мне. Она моя единственная родственница, и я очень волнуюсь.”

Дальше шли заверения, что божественная императрица всецело на стороне законной власти и старшего принца аль Самхан, а также обещание помолиться за успех кампании Джина.

Принц отложил письмо в сторону и тихо выругался. Только Тэруко ему здесь не хватало!

Ладно, кто сказал, что его жена вообще направилась именно в Самхан? Да и, если вдуматься, сколько шансов, что одинокая не знающая страны девушка сможет преодолеть пять провинций, отделяющих Шаньчжу от побережья?

И все равно надо расспросить Рю о его сестре. Судя по всему, Тэруко сбежала месяцем позже, чем ее младший брат, но юному хитрецу наверняка что-то известно.

Что-то вертелось в голове. Какая-то смутная идея, догадка. Блуждала рядом, но не давалась. Что-то связанное с Рю...

Джин дернул шнур колокольчика. На звон явился заспанный Юн.

— Вы что-то хотели, ваше высочество?

— Позови Рю.

— А его нет, — “обрадовал” оруженосец. — Остался в кёбане.

Последние слова мальчишка произнес с завистливым придыханием.

— Отправляйся туда и приведи его. Сколько можно кувыркаться в постели? Хотя нет, стой! Собирайся, мы едем вместе!

Безотчетная тревога, поселившаяся в душе после прочтения письма, крепла с каждой минутой, а Джин привык доверять своей интуиции.

Разбуженные кисэн долго не понимали о чем речь, пока в общий зал не спустилась девица, которой “матушка” Ханьгу вчера поручила развлечь дорогого гостя. Ее рассказ многократно усилил тревогу принца.

Рю Ясуката отказался от дармовых ласк. Со словами “Я не люблю женщин” оделся и ушел. Больше его в кёбане не видели.

Не появлялся он и ни в одном из занятых солдатами домов. Не приходил в казармы или дворец наместника. Стража, стоявшая на городских воротах, вспомнила, как посреди ночи мальчишка подъехал на лошади, требуя открыть ворота.

Они и открыли. Все знали, что оясимский парнишка — оруженосец принца. И он держался так уверенно, кричал, что должен отправиться по распоряжению его высочества со срочной депешей.

Тревога уже не покалывала, а выла в голос. Ощущение, что он что-то упустил, становилось нестерпимым. Джин сухо распорядился искать оруженосца, и вернулся во дворец. Там он еще раз перечитал письмо, сел и уставился перед собой невидящими глазами.

Факты — вещь упрямая. В монастыре Джина учили смотреть на вещи, как они есть, без навязанных обществом и традициями оценок. Делать выводы на основании увиденного он научился сам.

Если отбросить все невозможное, останется единственный верный ответ. Каким бы невероятным он ни оказался.

Факт, что принцесса Тэруко пропала три недели назад. Факт, что она стремилась на войну. Факт, что три недели назад в окружении Джина появился юноша, поразительно похожий на его жену, с глазами такого же необычного оттенка, и с такой же удивительной и невероятно редкой способностью к исцелению. И это при том, что наследный цвет магии семейства Ясуката окрашивает радужку в красный, а наследная сила убивает, а не лечит.

Факт и то, что прекрасно знакомый с родовыми древами высшей знати Оясимы Джин никогда не слышал о Рю. Факт, что стиль фехтования мальчишки до боли напоминал тот, что демонстрировала принцесса по время их уроков. Интонации, мимика, реакции — все в оруженосце буквально кричало о его родстве с Тэруко.

И этот юноша не любит женщин.

Теперь достаточно убрать один неудобный, не вписывающийся в стройную картину факт, заменить мальчика на девочку, чтобы получить... Что?

— Тэруко, — прошептал Джин, глядя перед собой расширенными зрачками. — Твою ж мать!

Он снова вызвал Юна и велел в срочном порядке всем солдатам заняться поисками. Потом написал и отправил два десятка посланий наместникам лояльных провинций и начальникам гарнизонов с требованием найти и арестовать мальчишку, подходящего под описание. В послании отдельно оговаривалось, что мальчику ни в коем случае нельзя причинять вреда.

— Я сам ее выдеру, — с яростью пообещал принц, подписывая последнее письмо.

Джин никогда не любил решать конфликты силой и уже тем более не был сторонником порки. Но сейчас у него невыносимо чесались руки. Хотелось спустить кое с кого штаны и всыпать десяток розг по тощему мальчишескому заду.

Потом, конечно, успокоить и расспросить. Выяснить, как получилось, что его

прелестная молодая жена превратилась в угловатого юнца и почему молчала вместо того, чтобы довериться ему. Но сперва выпороть. Заслужила.

День тянулся медленно, вестовые с докладом прибывали каждый час, но новости были неутешительны. Ни малейших следов оруженосца. Джин психовал, наворачивал круги по комнате, тщетно пытаясь успокоиться и отвлечься на другие важные дела. Последний раз он так нервничал, когда переживал отцовский приступ, гадая выживет ли император.

Она же совсем одна, дурочка! А он за нее отвечает.

С какого перепугу ей вообще втемяшилось в голову бежать?

Он перебирал свои слова и действия в предыдущие дни. Вроде ничем не оттолкнул, не обидел. Кто поймет этих женщин. Особенно, когда им семнадцать. Или ее так оскорбило, что он купил для нее кисэн? Но Тэруко же должна понимать, что он видел в ней только глупого мальчишку.

Или нет? Не должна...

Вот оно! Вечер в кёбане! Музыка, флирт с девицами нетяжелого поведения. Посиделки, которые даже не закончились ничем особенным — Джин ощущал себя слишком вымотанным после штурма. Но она видела его в окружении кисэн и этого хватило. “А как же Тэруко?” — вспомнился дрожащий мальчишеский голос и полные жгучей обиды глаза. В тот миг Рю показался ему невероятно похожим на сестру.

Из-за этого она сбежала? Принц даже зарычал от злости. Снова безумно захотелось выдрать ее. Или его? Да какая, к демонам, разница. Город, армия ждут решений Джина, а он вынужден бросить все ресурсы на поиски оруженосца.

Уже на закате пришло известие с заставы между провинциями. Мальчишку похожего на Рю видели сегодня днем. Он отказался предъявить путевую грамоту, при попытке ареста сбежал в горы. Отряд преследовал его почти четыре часа, пока дорога не подошла вплотную к области, где осенью то и дело случались каменные осыпи. Там десятник скомандовал повернуть назад.

Услышав название местности, где его строптивая жена оторвалась от погони, Джин схватился за голову. Великаньи Зубы — самая паскудная часть горного хребта. Лавины, камнепады, неведомые и жуткие твари. По слухам, пещеры и тоннели в толще гор спускались до самого Нижнего мира, и мелкая голодная нежить при случае была непрочь выбраться на поверхность, чтобы полакомиться человечинкой.

Опасно. Очень. А эта дурочка там одна.

Умеющий верно мыслить государственный муж дождался бы утра, чтобы снарядить отряд. Тхан точно поступил бы именно так.

“Вот поэтому я никогда не буду таким хорошим императором, как Тхан”, - подумал Джин, отдавая последние распоряжения перед тем, как вскочить в седло.

***

— Любопытно, — Мин аль Самхан закончил чтение и откинулся на подушки, обмахиваясь веером. — Очень-очень любопытно.

— Что тебе любопытно, дитя мое? — отозвалась вдовствующая императрица-консорт, склонившаяся над шелковым полотном, натянутым на раму. С полотна на нее косилась наполовину вышитая огненная птица.

— Я всегда знал, что наш святоша Джин любит мальчиков, — принц привычным жестом прикрыл рот веером, пряча лукавую улыбку. — Не зря же он семь лет провел в мужском монастыре. Ах, какой притворщик! Так долго водил за нос всех, включая отца.

— Это разумно, учитывая, что твой отец не любил мужеложцев, милый, — ответила императрица. — А Джин всегда старался подлизаться к нему, вытеснить вас и меня из сердца его величества, — она тяжело вздохнула.

— Но вот трех месяцев не прошло после его смерти, как Джин завел себе любовника, — продолжал Мин. — Даже двоих, но один из них, похоже, особенно дорог брату. “Очаровательный оясимский мальчик по имени Рю Ясуката”, — с чувством зачитал он строку из письма.

— Ясуката? — Сунан так заинтересовалась, что даже оторвалась от вышивания. — Разве это не фамилия его жены, милый?

— Именно! Ах, я почти ему завидую. Быть любимым сразу братом и сестрой, оба такие молоденькие и хорошенькие, — Мин громко и фальшиво вздохнул. — Хотя насчет любви брата есть некоторые сомнения. Мой человек пишет, что мальчик сбежал от Джина. И принц пребывает в таком беспокойстве и горе, что даже остановил поход, бросив все силы на поиски любовника.

Глаза императрицы округлились.

— Лю-бо-пыт-но, — медленно произнесла она.

— О да, — охотно подтвердил Мин. — Еще как! А знаете, что самое любопытное, матушка? Когда пришли сведения о мальчике, принц оставил армию на генералов и отправился за ним лично в погоню к Великаньим Зубам. Ах эти ссоры влюбленных!

— Великаньи Зубы, — задумчиво сказала Сунан. — Это не там каждый год пропадают без вести десятки путников?

— Именно!

На лице женщины заиграла понимающая улыбка.

— Очень неосторожно, — промурлыкала она. — Отправиться в одиночку в такое опасное место. Ведь если что-то случится, некому будет даже позвать на помощь. И прибрежные провинции вместе с войском останутся без предводителя.

— Это будет страшная утрата, — подхватил принц. — Которая сразу положит конец войне и упрямству Тхана.

Она одобрительно кивнула.

— Но твой брат поверит в смерть Джина только если увидит доказательства.

— Конечно, матушка! У нас будут все возможные доказательства. Я сейчас же велю верным людям по ту сторону хребта отправить отряд к Великаньим Зубам.

ГЛАВА 14

Тварь выскочила на тропинку неожиданно. Тэруко даже не успела толком разглядеть ее. Мелькнули перед глазами костлявые лапы, черная сморщенная кожа, глаза навывкате и раззявленная пасть, полная мелких острых зубов, как у акулы.

А потом Муха заржала, встала на дыбы и Тэруко почувствовала, как летит.

Она успела сгруппироваться, перекатиться, глуша силу удара и вскочить, сжимая в руке обнаженный меч. Ржание сменилось жалобным, почти человеческим криком, в лицо плеснула кровь. Тэруко взвизгнула, попятилась, и почувствовала, как нога оскальзывается на острых камнях.

Еще мгновение принцесса балансировала на краю пропасти, а потом сорвалась в нее.

Но не упала.

Руки вцепились в нависшее над обрывом дерево, и Тэруко повисла, болтаясь над

бездной. Где-то далеко внизу бурлила горная река, вода с грохотом разбивалась о камни. Меч блеснул на прощание на солнце и ушел под воду.

Первые несколько мгновений, обезумевшая от ужаса принцесса, судорожно сжимала в руках ветку и бестолково сучила ногами, пытаясь нащупать опору в стене. Холодный пот стекал по шее, неприятно щекотал спину.

Потом нога сама собой попала в выемку на почти отвесной скале. Тэруко оперлась на нее, выдохнула, не спеша нащупала второй ногой еще одну трещину.

Паника медленно отступала. Деревце, за которое держалась Тэруко, было достаточно крепким, опора под ногами не крошилась. А мужское тело, что ни говори, все же куда сильнее женского. Принцесса прикинула и поняла, что вполне способна подтянуться и выбраться, если что. Зря она что ли отжималась и подтягивалась каждый день?

Вот только стоит ли спешить с возвращением? Звуки жутковатой трапезы, доносившиеся с тропы, намекали, что нет.

А что если эта тварь, дожав лошадь, захочет добавки? Тэруко даже ничего сделать не сможет, пока руки заняты. Болтается тут, как... кхम्म, как вот это самое, да.

Она покосилась на пустые ножны. Есть еще кинжал, но идти с ним против таких зубов — самоубийство. Лучше подождать.

Как долго ждать-то? Руки, между прочим, все равно устают и затекают. Если долго висеть, сил чтобы выбраться уже не останется.

Ответом на ее мысли над головой снова послышалось возмущенное ржание. Принцесса так удивилась, что чуть не выпустила ветку из рук.

Еще лошадь? Откуда?

Смачная мужская ругань дала подсказку — всадник. Скорее всего, тот самый, которого Тэруко видела полчаса назад на тропе.

Она решила не ждать. Вдвоем больше шансов прикончить проклятую тварь. Тэруко оттолкнулась от стены ногами, подтянулась и перевалилась через край обрыва.

В нос ей ударил запах крови и паленой плоти. На тропе лежал растерзанный труп лошади, при виде которого принцесса ощутила обиду. Муха была той еще скотиной, но это была ее, Тэруко, скотина. Подарок Джина, между прочим!

Чуть ниже по тропе корчилась и догорала тварь. Стоявший над ней мужчина обернулся.

— Ну, здравствуй, дорогая женушка, — сказал Джин Хо ланг-И аль Самхан голосом, не предвещающим ничего хорошего.

***

Бывает так, что очень боишься чего-то. Накручиваешь себя, изводишь, представляешь, как оно будет. Делаешь все, лишь бы избежать.

А когда это “что-то” все же случается, оказывается, что оно не такое уж страшное. И уже хочется постучать себя по голове и спросить: “Чего боялась?”

Джин просто слушал. Просто был рядом. А Тэруко говорила и чувствовала, как медленно разжимаются державшие ее душу тиски.

Иногда нужно, чтобы тебя выслушали. Без осуждения и насмешек, презрения или жалости.

— А потом меня нашли солдаты. И вот... — она развела руками, как бы говоря: “Дальше ты и сам знаешь”.

— Ясно, — Джин задумчиво сплел пальцы. — Значит, Маго-Хельми? Кто бы мои подумать...

— Я не знала тогда, что это она. Потом поняла.

— Ясно, — повторил он и сощурился, рассматривая Тэруко. — Знаешь, в чем твоя главная ошибка?

— Знаю, — буркнула принцесса, отводя взгляд. — Я больше не буду брать чужого.

Ну вот: только порадовалась, что не будет поучений, как они начались.

— Я не об этом! — Джин нетерпеливо мотнул головой. — Ситуации бывают разные. Я тоже не люблю воровства, но зарекаться не стал бы. Нет, твоя главная ошибка в том, что ты мне не доверяешь.

— Что?

— Если бы доверяла, рассказала бы обо всем с самого начала. И тебе не пришлось бы проходить через это в одиночку.

— И ты бы мне поверил? — горько спросила Тэруко.

Принц задумался.

— Не знаю. Сразу, наверное, нет. Но ты могла бы убедить меня. Напомнить о таком, что знаем только мы.

Он произнес это без намека, но принцесса все равно вспыхнула. О да! Было, еще как было такое, о чем знали только она и Джин.

“Я женюсь на вас, потому что должен. Но будь я проклят, если прикоснусь к вам. Мне хватило этого вечера”, — это его слова, сказанные тем вечером. И он еще удивляется, что Тэруко ему не доверяет?!

— Ты бы отправил меня обратно.

Джин рассмеялся и покачал головой.

— Обратно? Чтобы ты там еще что-нибудь натворила? Нет уж, мне будет спокойнее, если ты будешь под присмотром.

— Ты сам сказал, что не любишь меня!

— Ты моя жена, и я за тебя отвечаю.

Вроде и сама напросилась, но от того, что принц не стал оспаривать ее слова, стало горько. Тэруко зло рассмеялась и показала ему чистую ладонь.

— А вот и нет. Богиня развела нас! Да и как Рю Ясуката может быть чьей-то женой?

Джин в ответ пожал плечами и показал свою ладонь, на которой темнел контур иероглифа.

— За Рю Ясукату ничего не скажу. А Джин аль Самхан женат. Послушай, Тэруко, — он взял ее за плечи, заставляя взглянуть себе в глаза. — Узнав кто ты, я бросил все и отправился к Великаньим Зубам, искать тебя. Тебе не кажется, что это что-то говорит о моих намерениях?

— Зачем я тебе... — звонкий мальчишеский голос дрогнул. — Такая... Проклятая!

— Я почти всю жизнь прожил проклятым. И ничего. Проклятье можно снять.

Принцесса мотнула головой.

— Мое — нельзя.

— Можно, — убежденно отозвался Джин. — Условие для снятия есть всегда. Надо просто расспросить Маго-Хельми о нем.

Она вскочила. В душе нарастала буря, протест. Захотелось что-то сделать. Устроить скандал, разбить, разорвать в клочья его невозмутимость.

— О да! Условие есть, я уже узнавала, — давясь горьким смехом сказала принцесса. — Хочешь, скажу?

— Конечно.

— Чтобы снять проклятье, я должна тебя убить! — выпалила она. И без сил рухнула на камни, как марионетка, у которой разом обрезали все ниточки.

Говорите, любую проблему можно решить, любезный супруг?! А что вы на это скажите?

Ничего хорошего он не скажет. Скорее всего, оставит ее здесь. И уж точно никогда не повернется спиной.

Вы хотели доверия, любезный супруг? Получите.

Она запоздало подумала, что все же свалила свой груз на его плечи. Отдала Джину право решать, как действовать дальше. Теперь не придется бежать от него, он сам отошлет ее. Зачем ему вечная угроза рядом? Тэруко не желает этого, но она — его враг. Его смерть — ее свобода.

Молчание затягивалось, и принцесса снова начала нервничать. Ожидание давило, оно было невыносимым.

— Вот поэтому мне надо уехать, — резко сказала она и встала.

— Подожди, — он тоже встал и цепко ухватил ее за плечо. — Ты из-за этого сбежала?

Тэруко кивнула, глотая слезы. Не будет она реветь у него на глазах! Наплакалась уже. И вообще надо привыкать, что она — мужчина, а мужчины не плачут.

Джин вынул из ножен кинжал и протянул ей, рукоятью вперед. Принцесса отшатнулась.

— Что это?

— Возьми, — спокойно сказал он. — И бей.

Она сглотнула, и сделала еще шаг назад.

— Ты в своем уме?

— Настолько, насколько это вообще возможно, — принц усмехнулся, подошел ближе и вложил кинжал в ее ладонь, заставив сомкнуть пальцы на рукояти. — Ну же, ваше высочество. Я не буду уклоняться.

Просто взять вонзить. Позволить стали войти в тело. Тэруко уже убивала оружием.

Но это было в горячке боя, когда нет времени раздумывать. Когда или он, или ты, и нет сожалений. Все происходит будто само собой. А ударить вот так — обдуманно. Ударить того, кого она хотела бы целовать, о ком думала и мечтала все последние месяцы.

Она помотала головой и разжала пальцы. Сталь звякнула о камень.

— Нет!

Джин кивнул.

— Вот видишь, — сказал он, подбирая кинжал, чтобы вернуть его в ножны. — Тэруко, я знаю тебя не так давно, но успел понять кое-что. Не думай о себе хуже, чем ты есть на самом деле. Ты не из тех, кто станет бить в спину.

— Ты так уверен? — с болезненной гримасой спросила Тэруко.

Джин просто сам порядочный, вот и в других видит только хорошее.

— Уверен. Ты предпочла сбежать, лишь бы не подвергать меня опасности. Ты бы никогда не убила. Ни меня, ни другого человека, будь он на моем месте, — в его голосе проскользнула ехидца. — Так что хватит дурить и грызть себя, дорогая супруга.

— Я убила Сузуку!

— Это была случайность. Ошибка, а не преступление.

— Я убила цуру!

— Ты не убила. Просто украла. Твоя цуру еще жива, и скорее всего, получила наряд обратно из рук богини.

— Но она могла умереть!

— Ты бы сделала это, если бы знала, что цуру немедленно погибнет?

Принцесса задумалась. А потом медленно покачала головой.

— Я подлила тебе приворотное зелье, — сказала она. Тихо-тихо, но Джин услышал.

— Да, это было подло. И глупо. Но вроде никто не умер. А я предпочитаю думать, что ты не понимала, что творишь.

Она пожала плечами. Понимала ли она тогда? Наверное, нет. Ей не казалось, что в зелье есть что-то плохое. Просто Джин его выпьет и случится чудо: он ее полюбит.

Как еще добиться любви от мужчины? Ухаживать за ним? Таскаться хвостиком, страдая от неразделенного чувства?

— То есть, — после паузы спросила принцесса. — Ты меня не осуждаешь?

— Зачем? Ты сама с этим прекрасно справляешься. Сбежала от ответственности, но от себя не убежишь, — он вздохнул. — Слышишь, вода шумит? Пойдем, спустимся к реке, мне не нравится ходить измазанным в крови нечисти.

— Что потом?

— Поедим, — он кивнул на труп Мухи и обнажил кинжал. — Не люблю серьезные разговоры на пустой желудок.

При слове “поедим” в животе у Тэрко тоскливо забурчало, и рот наполнился слюной. Вторые сутки во рту даже зернышка риса не было.

Голодными глазами принцесса следила за тем, как Джин вырезает солидный кусок мяса из туши.

— А потом? — продолжала допытываться Тэруко, укладывая мясо в пустую переметную суму.

— А потом будем искать моего коня.

***

У реки Джин снял жилет и рубаху и с наслаждением умылся, смывая вонючую зеленую кровь. Тэруко подумала и тоже спустилась, чтобы поплескаться в лицо. Вода была такой холодной, что аж пальцы заломило. Как принцесса ни старалась смотреть в сторону, взгляд упорно возвращался к Джину. Просто возмутительно хорош без одежды! Сколько раз видела, все равно глаз не отвести! Эта мускулистая спина, сильные руки с четко прорисованными мышцами. Целый день бы любовалась!

“Хватит пускать слюни!”, - одернула себя Тэруко. И чтобы отвлечься спросила:

— Как ты меня нашел?

— На каждой армейской лошади тавро. Не замечала?

— Замечала.

— Это не только клеймо, это еще и маяк. Правда на большие расстояния не работает. Нам повезло, что я сумел засечь сигнал в горах и успел вовремя.

— Да уж, — она содрогнулась, вспомнив чудовище, которое уложил Джин. — А что это была за тварь?

— Мелкая нечисть из нижнего мира.

— Из нижнего? Почему здесь? — принцесса недоуменно нахмурилась. О мире горнем (обители богов) и мире нижнем (родине демонов и гнусной нечисти) ей доводилось слышать только от священников в храме. И она обычно всегда пропускала эти слова мимо ушей.

Какая разница, что происходит там, где Тэруко нет и не будет?

— Это Великаньи Зубы. Здешние пещеры глубоки. Иные ведут за грань привычного

мира. Порой оттуда лезет всякое. В окрестных деревнях даже существует промысел охотников на нечисть. Дело рискованное, но денежное. Кости тварей пользуются большим спросом у травников, из них варят множество зелий. А также из зубов, когтей, рогов и прочих причандалов, включая лингам, — он задумчиво посмотрел на бурлящую воду у ног. — Искупаться что ли?

— Что?! — вот как у него это получается — каждый раз заставить ее покраснеть?

— Да вот думаю окунуться, — он обернулся, наткнулся на ее возмущенный взгляд и ухмыльнулся. — Или ты про лингам? Это, — Джин опустил руку ниже пояса выразительным жестом показывая, что именно означает это слово. — Не поверишь, но у нечисти тоже имеется. Высушенный и растолченный в порошок пользуется популярностью, как средство для восстановления мужской силы.

— Я знаю, что такое лингам!

— Точно. Тебе теперь не понаслышке знакома эта штука, — он рассматривал ее — недовольную, пунцовую, хватающую воздух ртом — а в зеленых глазах плясали лукавые искры. — Кстати, почему ты отвергла кисэн? Неужели не интересно попробовать?

— Нет! — яростно отрезала Тэруко.

— Зря. Новый опыт — это всегда познавательно. Я бы вот хотел узнать, что чувствуют женщины.

Да он насмехается над ней!

— Иди к Маго-Хельми и скажи ей об этом!

— Боюсь, богиня ответит, что мне это не нужно, — принц с притворной грустью вздохнул. — Да и девица из меня получится слишком рослая, — тут Джин хитро улыбнулся. — Зато из тебя мальчик — прехорошенький. Такие нравятся не только женщинам.

— Еще одна шутка на эту тему, и я уроню тебя в реку, — пообещала она.

Он расхохотался:

— Слышу речь не девочки, но мужа. Тэруко, тебе точно следовало родиться с лингамом.

Терпение принцессы лопнуло. Задыхаясь от возмущения, она налетела на Джина с кулаками. Он играючи перехватил ее запястья.

— А вот дерешься ты, как девчонка. Зря я тебя учил что ли?

Тэруко зашипела ему в лицо, метко пнула по голени. И сама изумилась, когда попала.

Нога Джина скользнула по мокрому камню, а поскольку он продолжал удерживать ее за руки, в реку они свалились вместе.

От ледяной воды перехватило дух. Принцесса совершенно по-девчачьи завизжала, вывернувшись из захвата и выскочила на берег. Джин, продолжая широко ухмыляться, медленно встал.

— Ну, вот и искупался, — подвел он итог. Потом перевел смеющийся взгляд на нахохлившуюся Тэруко, которая тщетно пыталась отжать одежду и бросала на него злые взгляды. — Ну что, полегчало? Покончили с самоуничтожением?

Тэруко вслушалась в себя, озадаченно моргнула.

— Наверное, да, — неуверенно призналась она.

Странно, но эта бестолковая возня у реки действительно прогнала мрачные мысли, ощущение беспросветности и безысходности, которое словно накрыло ее темным облаком после пробуждения в храме.

— Так-то лучше, — он выбрался на берег и нисколько не стесняясь Тэруко разделся и

разложил штаны для просушки.

Она покраснела и отвела взгляд. Вот ведь бесстыжий!

Несмотря на припекавшее солнце в мокрой одежде принцессу начало знобить. Она съежилась, пытаясь унять дрожь.

— Лучше разденься и высушись, — посоветовал Джин. — Мне бы не хотелось таскаться по горам с большим оруженосцем.

Принцесса возмущенно зашипела, потом все-таки сняла жилет и рубашу, по-прежнему стараясь не глядеть лишний раз в его сторону.

— Ты смущаешься, как девица.

— Я и есть девица.

— Ну, — со смешком сказал принц, — это с какой стороны посмотреть. Честное слово, дражайшая супруга, вы можете раздеваться совершенно без страха. Клянусь не заглядываться на ваши шуплые телеса.

Неизвестно этого ли добивался Джин, но Тэруко так разозлилась, что ей стало все равно. Уже не обращая внимание на град подначек, она сняла штаны и положила их на камень рядом с рубашкой.

— Почему ты все время смеешься надо мной?

— Потому что ты смешная, — его голос прозвучал неожиданно тепло.

— Смешная? — оскорбленно спросила принцесса.

— И милая. Я смотрю на тебя и вижу то глупого мальчишку, то запутавшуюся девчонку.

Тэруко тоже посмотрела на себя, и ей захотелось заплакать.

— Ненавижу, — горько прошептала она. — Оно мерзкое.

По-хорошему это не было правдой. Подаренное Маго-Хельми тело вовсе не было мерзким. Здоровое, пока еще по-мальчишески костлявое и жилистое, но при этом мускулистое. Наверное, Тэруко даже назвала бы его красивым, если бы оно принадлежало какому-нибудь юноше.

— Прекрати! — резко сказал Джин. — Чтобы я больше такого не слышал!

— Почему? — Тэруко недоуменно повернулась к нему. — Джин, я не хочу! Не хочу быть в нем, не хочу быть мальчиком. Это как тюрьма, из которой невозможно сбежать.

Он посмотрел на нее неожиданно серьезно.

— Понимаю. Но ты должна научиться жить с этим.

— Тебе легко говорить, — фыркнула Тэруко. — Ты никогда не был на моем месте!

— Я был на своем, — возразил Джин. — Много лет. Ровесники во всю осваивали магию, а я не мог. Знаешь, детям не важны чины. Для сыновей придворных я был не принцем, а просто бесталанным мальчишкой, который неспособен защититься от заклинаний. То есть — я мог, но тогда просыпался демон. А демон не знает, что такое дружеская потасовка. Он приходит, чтобы убивать. До того, как я научился избегать драки и решать любые конфликты миром, меня не раз унижали и обижали. И в лицо дразнили трусом. Знаешь, как это обидно для девятилетнего мальчишки? Особенно, когда достаточно отпустить собственную злость, чтобы навсегда заставить тех, кто выживет, бледнеть при одном звуке твоего имени?

Тэруко ойкнула и изумленно уставилась на Джина.

— Ты никогда не рассказывал об этом.

— Правильно, — он пожал плечами. — Зачем рассказывать? Это просто было. Не самые приятные воспоминания, но я далек от того, чтобы жалеть себя. Или ненавидеть за то,

что не умел тогда защищаться. Все что было — сделало меня таким, какой я есть. И я не уверен, что хотел бы сейчас иной судьбы.

Принцессе стало стыдно.

— Прости... Я не хочу жалеть себя.

Он усмехнулся:

— Хочешь. Но это — ловушка, как и ненависть к себе. Поверь мне, я крупный специалист по тому, как жить с проклятьем, — он пристально посмотрел на нее и произнес медленно и четко. — Тэруко, послушай! В жизни достаточно не только горя, но и радости. Если ты научишься замечать и ценить ее, будешь счастливой. Неважно, что происходит вокруг, важно что внутри. Понимаешь?

— Понимаю... наверное, — зачарованно откликнулась она, втайне мечтая удержать и продлить эти мгновения откровенности, духовной близости.

Впервые, за все время их знакомства, всегда отстраненный и чуть насмешливый Джин приоткрылся перед ней, показывая пример особого мужества. Ничуть не похожего на воинскую доблесть.

Чтобы принять судьбу такой, какая она есть, и остаться счастливым нужно быть очень сильным.

Она словно оглянулась на всю свою жизнь: череду взлетов и падений, достижений и ошибок. Как важны всегда ей были собственные успехи, мнение окружающих, их одобрение и принятие. Не всех, только избранных, самых-самых. Тех, кого Тэруко мысленно признала достойными судить ее.

Джин не зависел ни от кого. Его счастье, его ощущение собственной ценности были внутри. Это завораживало. Тэруко до боли захотелось стать такой же свободной и сильной.

— А если у меня не получится снять проклятье?

— Получится!

— Ты не можешь знать! Что, если я останусь такой навсегда? Что тогда?

— Ты все еще мне не доверяешь, — Джин укоризненно покачал головой. — Подожди немного, хорошо. Сейчас я очень нужен Тхану и своей стране, да и тебе безопаснее оставаться мальчиком в армии. Но когда война закончится, обещаю, что сделаю все, чтобы снять проклятье. Я тебя не брошу.

Откуда-то изнутри поднялась теплая волна, стало удивительно хорошо и легко. Нужно было что-то ответить, но в горле стоял ком, принцесса боялась, что если начнет говорить, просто расплачется, а распускать сопли перед Джином не хотелось. Наверное, именно эти слова ей сейчас больше всего были нужны. Эти слова и чувство поддержки. Понимание, что хоть кому-то в мире есть до нее дело.

Он отвернулся, разрывая зрительный контакт, пощупал разложенную на камне одежду:

— Влажная, но уже можно надевать. Лирическая часть окончена, Рю, дуй собирать сучья. Я настолько голоден, что готов сожрать эту конину сырой.

При одной мысли о жареном мясе Тэруко чуть не захлебнулась слюной.

— А огниво у тебя есть? — поинтересовалась она, натягивая не до конца просохшую одежду.

Принц подмигнул:

— Я весь — одно большое огниво, дорогая женушка.

ГЛАВА 15

Было здорово сидеть рядом с костром, поджаривая нарезанные тончайшими — не толще листа бумаги — ломтиками мясо. Есть его жадно, без соли и специй, отвечать на беззлые подначки Джина и впервые за весь этот месяц не ощущать тоскливой обреченности.

Вроде ничего и не изменилось, но Джин словно заразил ее своей верой лучшее. Весь его вид, каждый спокойный жест и уверенная фраза убеждали Тэруко, что трагедии нет. Надо только чуть-чуть подождать и все наладится. Решится как-то. Так или иначе.

Джин озабоченно глянул на солнце, которое давно пересекло точку зенита и медленно опускалось за горы.

— Пора заканчивать с обедом. И так придется заночевать в горах. Стемнеет через пару часов, а нам еще нужно найти мою лошадь. Мне бы не хотелось оставлять здесь Оникса, я привык к нему.

— А что с ним случилось?

Принц нахмурился:

— Запаниковал, когда почуял нечисть, и удрал. Хорошо, что я вел его в поводу, — он щелкнул пальцами. — Идея. Хочешь, сама настроишь поисковое заклинание?

— Я не умею.

— Я тебя научу.

— Я не владею магией.

— Чушь! — спорить с Джином было сложно. — Я видел, как ты создала лекарство для целой армии.

— Только это и могу.

— Не только, — спокойно, но настойчиво сказал он. — Уверен, что ты все можешь. Тебя просто никогда не учили нормально.

Тэруко была уверена в обратном, но спорить не стала. Особенно, когда Джин встал сзади нее, положив ладони на ее руки. И начал терпеливо объяснять, как и что нужно делать, чтобы настроиться на метку на тавро.

Сперва принцесса просто млела, наслаждаясь его прикосновениями и близостью, а потом вдруг почувствовала, как в пальцах затрепетало, трепыхнулось что-то невидимое, но осязаемое. Упругое. Она ойкнула, стиснула это нечто сильнее, чтобы не выпрыгнуло и подняла на мужчину вопросительный взгляд:

— Джин?!

Он успокаивающе улыбнулся.

— А говоришь: не владеешь. Давай. Придай ему цвет и отпускай.

Тэруко опустила взгляд и мысленно окрасила невидимое нечто, а когда в руках полыхнуло нежарким голубым огнем, вскрикнула от неожиданности и разжала пальцы.

— Джин, он уходит, — жалобно сказала она, провожая стремительно удаляющийся огонек.

Тот хмыкнул:

— Так останови.

— Я не знаю как.

— Это твой зонд, малыш.

Она мысленно потянулась к ускользающему огоньку и, о чудо, тот сперва замедлился, а потом вовсе остановился. Только мигать начал чаще, словно приказ стоять на месте ему был не по нраву. У Тэруко загорелись глаза.

— Джин, ты видел?!

— Видел. Ты молодец. Теперь медленно отпускаяй.

Следуя за магическим проводником, они спускались по тропе. Шарик все норовил оторваться, улететь дальше. Как бумажный змей в ветреный день рвался с привязи. Приходилось прилагать усилия, чтобы не отпускать его слишком далеко.

С каждым шагом цвет огонька становился все гуще, насыщеннее, он все настойчивее рвался с привязи. В какой-то момент Тэруко все же не уследила и упустила его. Шарик камнем, выпущенным из пращи, пролетел по тропе вниз и исчез за поворотом.

— Ну вот, — она горестно вздохнула и повернулась к Джину. Тот ободряюще улыбнулся.

— Не страшно. Судя по его цвету, Оникс совсем близко.

Тропка вильнула огибая скалу и вывела на относительно ровную площадку.

Да, серый в яблоках мерин был здесь. А еще здесь был отряд из двух десятков хорошо вооруженных воинов, встретивший их залпом в лицо.

Тэруко даже не успела толком понять, что к чему, когда Джин навалился на нее, уводя с линии огня. Над головой коротко и зло свистнули стрелы.

— Не лезь, — скороговоркой велел принц. И растекся по воздуху смазанной тенью. Такой быстрый, что глазу трудно уследить. Снова бестолково ударили стрелы, пронзая воздух там, где Джин был мгновением раньше, а затем он возник среди всадников. Смертоносный и неотвратимый, как сам посланник владыки ада.

Тэруко прижалась к скале, стискивая рукоять кинжала. Она понимала, что в развернувшемся сражении будет для Джина бесполезным балластом.

Но как бы ей хотелось помочь ему в этом бою!

Она подняла взгляд к небу, словно упрашивая богов дать ей возможность вмешаться, проявить себя. И обмерла.

Из кустов над ее головой выглядывал воин с луком в руках. Выглядывал и целился принцу в спину.

Джину умел уклоняться от стрел и ловить их руками. Но только если видел противника и знал откуда ожидать выстрела. И не тогда, когда отбивался сразу от десятерых, атаковавших со всех сторон.

Не было мыслей, ничего, кроме страха. Не было времени на раздумья — стрела уже срывалась с тетивы. Тонкая, легкая, несущая смерть на стальном наконечнике.

“А ведь если сталь пронзит его сердце, все закончится”, - словно подсказал в голове чужой вкрадчивый голос. — “Не нужно убивать, достаточно не вмешиваться”.

Что за чушь?!

— Джин, сзади! — крикнула Тэруко, бросаясь наперерез.

Ловить стрелы она не умела. А вот отбивать мечом иногда получалось.

Иногда.

Словно кто-то резко толкнул, ударил ее в грудь, сбивая с ног, а затем с левой стороны заболело. Так сильно, что Тэруко даже заскулила от боли. Она опустила взгляд, и увидела торчащее древко. Оперение еще чуть дрожало.

Вот и все. Как глупо...

***

Пещера и поле в полуденной дымке. Терпкий запах конопли и крапивы, сотни разноцветных бабочек, кружащих над разнотравьем.

— Ты действительно любишь своего мальчика, дитя, — женщина в алом платье

милостиво улыбнулась Тэруко. — Могу тебя понять, есть за что. Он хорош. Почти идеален, если бы не был таким скрытным. Требуется доверия, но не спешит дарить его в ответ.

— И что теперь? — спросила принцесса. — Все закончится?

На душе было горько. Любой путь оканчивается смертью, но разве не рано ей идти на круг перерождений? Она не дожила, не догорела, недолюбила. Все внутри рвалось обратно.

Богиня покачала головой.

— Рано. Мои дары — выбор, который я ставлю перед человеком, дитя. Сделав выбор, ты остаешься наедине с его последствиями. Ты могла не вмешиваться. Просто позволить стреле лететь туда, куда послал ее лучник. Твоя совесть была бы чиста, и ты получила бы обратно свое тело. Почему ты не сделала этого?

— Я хочу, чтобы Джин жил.

— Разве не мужчина должен ценой жизни защищать то, что дорого ему? Выбрав остановить стрелу, ты выбрала мужской путь.

Тэруко пожала плечами:

— Мне кажется, каждый человек имеет право защищать тех, кого любит, — тихо, но твердо сказала принцесса. И бестрепетно посмотрела в лицо богине. — Нет никакого особенного мужского и женского пути. Есть просто путь чести и путь подлости.

Странно, но богиню не разгневали эти слова. Она рассматривала Тэруко с гордостью, как художник смотрит на свое творение, которым доволен.

— Я всегда исполняю свои обещания, дитя. Я обещала, что проклятье спадет, когда сталь пронзит сердце твоего мужа. Это был бы твой выбор, и тебе пришлось бы жить с его последствиями. Но ты выбрала иначе.

В ее руках снова, как и в прошлый раз появилась стопка одежды. Сердце Тэруко дрогнуло и забилося чаще.

— Такой выбор тоже достоин награды. Возьми.

Трясущимися руками она забрала протянутое платье. Зеленое, словно молодая трава, расшитое по рукавам золотым и белым.

— Подойди ко мне, дитя.

Она шагнула, с опаской глядя на женщину. Та наклонилась и поцеловала ее в лоб, в жесте благословения.

— Надень и больше не играй с богами, — обронила Маго-Хельми прежде, чем разлететься сотней бабочек.

***

Он слишком поздно обернулся на крик. Тогда, когда мальчишеская фигурка с нелепо торчащей из груди стрелой уже оседала на землю. Взгляд выхватил лучника, засевшего среди камней, Джин метнул в него нож. И вернулся к тем восьмерым, что еще стояли на ногах.

Через пару минут их осталось трое. Все равно слишком много. Неумолимый метроном внутри звучал все громче, перетекала вода в клепсидре, отсчитывая последние мгновения жизни смешной, глупой девчонки, к которой он успел по-настоящему привязаться. За которую ощущал себя ответственным, которой искренне хотел помочь.

Парировать удар, уклониться, от другого, попутно перехватив противника свободной рукой и дернув на себя. Навстречу мечу третьего. Еще два взмаха мечом и все кончено.

Джин упал на колени рядом с лежащим на камнях мальчишкой. Стрела прошла навывлет. Вымазанное в крови стальное острие торчало из спины, чуть выше сердца.

Бронебойная. Повезло.

Иногда, очень редко, высокорожденные выживают при таких ранах. Когда рядом медики и кто-то из родных, готовый поделиться силой.

Несколько минут ушло на то, чтобы поймать Оникса и добраться до содержимого переметной сумы.

Руки действовали по привычке, словно сами собой. Раскладывали бинты, иглы, мазь. Готовились к операции. Медикаментов мало — может не хватить. Обыскать бы убитых, но нет времени.

В мыслях Джин снова и снова проигрывал то, что сейчас придется сделать, пытаюсь нащупать лучший вариант для Тэруко. И не находил.

Рана узкая и чистая — хорошо. Наконечник вышел — отлично, не придется вырезать. Но слишком близко к сердцу. Так близко, что страшно. Если задета артерия — это конец. Джин не лекарь, да и какой бы лекарь взялся зашивать подобную рану? Пациент просто истечет кровью.

— Держись, — сквозь зубы приказал он, вспарывая на мальчишеском теле рубаху и обламывая дровко.

Приложил бинты, готовясь остановить кровь и, холодея от страха, дернул за острие.

Кровь хлынула потоком, как прорвавшая плотину вода. Бинты мгновенно намокли.

— Тэруко, твою ж мать!

Он ругался и стискивал скользкие от крови пальцы, пытаюсь остановить кровь и понимая, что уже все.

Не успеет. Конец. Тэруко спасет только чудо.

В памяти всплыли строки древней, услышанной в детстве от кормилицы молитвы.

— Госпожа Жизни-и-Смерти, к тебе обращаюсь...

Джин не любил просить богов. Но выбора не было.

***

— Зачем ты хочешь спасти ее, Самханский Тигр?

Женщина была красива. Настолько красива и величественна, что хотелось опуститься в благоговейном молчании на колени. Что Джин и сделал.

— Она — моя жена.

— Ты не любишь ее. Ты мечтал избавиться от этого брака.

— Не такой ценой!

Женщина усмехнулась.

— Очень ответственный мальчик — Джин Хо ланг-И аль Самхан. Любишь заботиться о тех, кто слабее, но не душишь своей заботой. Помогает бескрылым научиться летать и отпускаешь.

— Почему бы и нет, — Джин открыто посмотрел на нее. — Не думаю, что этого нужно стыдиться.

— Не нужно. Встань.

Он поднялся.

Над головой синело прозрачное полуденное небо. Вдаль уходило поле колышущихся трав, над которым порхали бабочки, а прямо у ног начинался узкий лаз, ведущий в темную толщу гор.

— Ты хорош, — произнесла женщина, обходя его по дуге и осматривая цепким взглядом. Как товар на прилавке. — Силен, умен, в ладу со своей совестью, знаешь чего хочешь... Почти без недостатков.

— Не бывает людей без недостатков.

— Не бывает, — согласилась она. — Ты — скрытен и недоверчив, Самханский Тигр. Даже к тем, кого любишь. Слишком боишься потерять голову, утратить власть над своими чувствами. Демона давно нет, а страх все еще с тобой.

Джин нахмурился.

— Мне и так неплохо. Вы спасете ее?

— Ты же знаешь: я даю людям не то, о чем они просят, а то что им нужно.

— Мне нужно, чтобы Тэруко жила.

— Пожалуй, — богиня кивнула. — А еще тебе нужна свобода, Джин. И я дам ее тебе.

Одна ее рука была горяча так, что почти обжигала. Вторая была холодна, как лед. Длинные ухоженные пальцы проšliсь по его правой ладони, стирая иероглиф “муж”.

— Это будет оплатой за ее жизнь.

— Хорошо, — с невыразимым облегчением согласился Джин.

Всего лишь?! Пока на Тэруко проклятье, знак супружества все равно, что насмешка. А если получится его снять и Джин снова захочет связать свою судьбу с оясимской принцессой, брак всегда можно будет заключить повторно.

— Можно, — его мысли не являлись для богини тайной. — Но мой главный дар тебе, Самханский Тигр, будет иным.

Она растаяла, растеклась дымкой в мареве дня. И шепотом в плывущем от зное небе прозвучало:

“В тот миг, когда вы решите заключить брак и возложите руки на алтарь, Тэруко Ясуката узнает о тебе то, что ты больше всего хотел бы скрыть от нее.”

***

Он пришел в себя, все еще стоя на коленях перед полуобнаженным телом, но кровь больше не хлестала меж пальцами, не выплескивалась на землю липкими солеными струйками. Джин убрал бинты и увидел, как рана на груди затягивается, исчезает на глазах.

— Так-то лучше, — прошептал он, и почувствовал, как от облегчения трясутся руки.

Мальчишка громко, с всхлипом вдохнул, выгнулся. И начал меняться.

Это выглядело жутковато. Тело плавилось, как кусок воска на огне. Уменьшались мышцы, истончались плечи, кисти, обретая женское изящество. Появилась талия — соблазнительно тонкая, на фоне округлившихся бедер. На усохшей грудной клетке, там где только что была рана от стрелы, сформировались два заманчиво торчащих холмика с острыми сосками.

Тэруко еще раз громко всхлипнула. И открыла глаза.

ГЛАВА 16

Стоило надеть подаренное платье, как уже знакомая боль охватила все тело. Несколько минут принцесса корчилась в агонии, а когда все закончилось, и она рискнула открыть глаза, то увидела близко-близко над собой лицо Джина. Тот смотрел на нее с таким изумлением, что в первое мгновение Тэруко даже испугалась.

Она опустила взгляд на свое тело, ойкнула и попыталась прикрыться и отползти одновременно. В голове творился полнейший сумбур, даже для радости не было места. Слишком как-то неожиданно и сразу все случилось.

— Тэруко, ты... — неуверенно начал Джин. И остановился, словно сам не знал, что сказать дальше.

— Не смотри на меня! — она сердито прикрыла грудь рукой и заозиралась в поисках одежды. Ее жилет и рубаха валялись рядом растерзанными окровавленными тряпками.

Принц все еще смотрел на нее, а потом неожиданно ухмыльнулся.

— Почему не смотреть? Мне вот очень нравится, как ты сейчас выглядишь. Гораздо больше, чем полчаса назад.

— Зачем ты меня раздел?!

— Ты немножко умирала. А я пытался это исправить, — он развел руками. — Кажется, получилось, хотя не уверен, что это можно назвать моей заслугой, — он вдруг тяжело выдохнул, как человек, сбросивший неподъемную ношу. И стиснул Тэруко в объятиях. — Еще раз выкинешь что-то подобное, я сам тебя убью!

В первое мгновение принцесса напряглась, но тут же обмякла. Уткнулась Джину в плечо, ощущая себя маленькой и хрупкой рядом с ним. И, наконец, заплакала.

То ли от радости, то ли просто, потому что накопилось.

А он обнимал ее, гладил по спине, по волосам и шепотом ругался, снова и снова обещая, если не убить, то как следует выпороть. На будущее, чтобы запомнила.

“Выпори, — мысленно сказала ему Тэруко. — Только не отпускай”

Он не отпустил, даже когда слезы кончились. И было так хорошо сидеть в его объятиях, устроив голову на плече. Жесткая ткань жилета чуть царапала нежную кожу.

— Ну как, — Джин ослабил объятия, посмотрел в ее лицо. — Лучше?

— Лучше, — кивнула Тэруко, шмыгая носом.

За истерику было стыдно. Немного. Чуть-чуть.

— Тэруко, я серьезно. Хочу, чтобы ты поклялась никогда не лезть в мой бой. Я способен сам защитить себя. И тебя тоже.

— Но...

— Никаких но. Я хочу услышать клятву, — потребовал он. — Прямо сейчас.

— Или что? — сердито ответила она, сунув глаза. — Выпорешь меня?

Несмотря на все угрозы, в способность Джина ударить ее Тэруко не верила ни на миг.

— Или ее высочество прямо отсюда отправится на побережье, где я посажу ее на корабль до дома. Я отказываюсь отвечать за твою жизнь, если ты ведешь себя, как самоубийца. Серьезно, Тэруко, — он, наконец, взорвался. — О чем ты, мать твою, думала?! Мне казалось, я ясно выразился в прошлый раз! Ты представляешь, каково мне было, пока ты тут истекла кровью?!

— Он бы тебя убил...

— И ты не нашла ничего лучше, чем прикрыть меня своим телом, — саркастично закончил принц. — Чтобы красиво и пафосно умереть вместо меня, прямо как в одной из твоих любимых героических песен. Тьфу!

— Я не собиралась умирать.

— Оно и видно.

— Я хотела ее отбить! И вообще: благодаря этому богиня вернула мне мое тело!

— А, вот оно что.

Джин окончательно разжал объятия, смерил ее внимательным взглядом снизу вверх. Тэруко вспыхнула, вдруг осознав, что сидит полуобнаженной перед мужчиной, и снова потянулась прикрыться.

— Отвернись!

— Не волнуйся, — зло ответил принц. — Женщины в засохшей крови меня не

привлекают. Кстати, не хочешь узнать почему ты все еще жива?

— Почему?

Взгляд сам собой зацепился за располосованную одежду, испачканные бинты, превратившиеся в бурый слипшийся ком, пятна крови на земле и камнях. Крови было столько, что Тэруко замутило.

— Потому что я просил Маго-Хельми подарить тебе жизнь, — ответил Джин, сунув ей под нос правую руку. — И богиня согласилась, но взяла свою плату, моя дорогая БЫВШАЯ женоушка.

Принцесса взглянула на свою левую ладонь. Та тоже была чиста. Богиня вернула ей ее тело, но забрала знак супружества. Теперь уже навсегда.

— Я все еще жду клятву, — напомнил Джин.

Тэруко взглянула на сумрачное лицо принца и поняла, что он не отступится от своих слов.

— Клянусь не вмешиваться в твой бой без дозволения, — выдавила она.

От понимания, что они больше не муж и жена, было больно. Джин, конечно, не бросит ее здесь в горах. Он не такой. Но вряд ли предложит снова связать судьбы. Он же ее не любит, сам говорил...

— Хорошо.

Джин встал, прошелся среди мертвых тел, разглядывая поверженных противников.

— Вот этот вроде самый щуплый.

Тэруко следила, как он раздевает труп, а на душе было тревожно. Что ждет ее? Что будет с ними?

Есть ли у них будущее?

***

Кроме одежды у покойников были лошади. И припасы в переметных сумках. Вяленое мясо, рисовые лепешки, бинты, теплые куртки и одеяла. Даже карта местности

— Да, они знали, куда идут, — задумчиво произнес Джин, изучая добычу.

— Кто они? — спросила принцесса, туже затягивая перевязь. Излишне свободная рубаха так и норовила распахнуться и показать то, что следовало скрывать.

— Скорее всего, люди Сунан. Не думаю, что мой отъезд остался без внимания.

Принцессе стало стыдно. Если подумать, то Джин действительно сделал для нее то, на что пошел бы не каждый любящий муж. Оставил армию и только что взятый город, отправился в горы на поиски. Нашел, спас, утешил, защитил, рискуя жизнью. А она опять с ним ругается. Ну что за вредный у нее характер?!

Джин поднял лицо к стремительно темнеющему небу.

— Скоро ночь. Нужно убраться подальше. Запах мертвечины привлекает нечисть.

Они согнали лошадей и повели вниз по тропе, высматривая место для ночлега. Уже когда почти стемнело, дорога вывела на широкую ровную площадку с тремя скалами, торчащими в небо словно покатые спины неведомых чудовищ.

— Здесь, — велел Джин и начал обустривать место для ночлега.

Лошадей сбили в кучу. Кони нервничали, косились и пряли ушами, словно чуя беду. Джин обошел лагерь по кругу, устанавливая защитный контур.

— От нападения не спасет, — сказал принц, вытирая пот со лба и опускаясь рядом с Тэруко, — но если кто-то пересечет, мы услышим.

— Ты устал?

Вид у него был измученный. Да и неудивительно. Если подумать, сколько всего случилось за один короткий день. Даже полдня.

— Устал. Магия выматывает с непривычки, — он криво улыбнулся. — Когда война закончится, первым делом найду для себя нормального учителя.

“А что будет со мной?” — хотела спросить Тэруко. Но не спросила. Побоялась.

Джин ничего не говорил о том, что хочет в будущем видеть ее рядом. И он не любит ее. Женится потому, что такова была воля отца. Теперь его отец мертв и вряд ли Самханский Тигр добровольно снова шагнет в клетку.

А что делать ей? Зачем оставаться в чужом недобром Самхане, когда ее ничто больше не связывает с этой жаркой землей? Лучше вернуться домой. Заняться делами поместья, наладить, наконец, отношения с сестрой. Она криво ухмыльнулась, представив, как будет объяснять родным и вассалам куда исчез знак супружества.

Ладно, может оно и к лучшему? Теперь Тэруко свободна, и никто не заставит ее выйти замуж повторно против воли.

Но особой радости эта мысль отчего-то не принесла.

***

Мин аль Самхан со злостью посмотрел на бумажного журавлика, который никак не желал превращаться в настоящую птицу.

— Похоже, стоило послать большой отряд, — пробормотал он. — Как мне все это надоело!

Следившая за его действиями женщина неодобрительно поджала губы.

— Ты уверен, что Джин убил их всех, милый?

— Уверен, — мрачно отозвался принц. — Все воины отряда мертвы: ни одна из птиц не взлетела.

Он повернулся и умоляюще уставился на императрицу.

— Матушка, может хватит выплясывать вокруг Тхана? Он никогда не подпишет. В стране нет императора, провинции бунтуют, люди недовольны и ползут слухи.

Она укоризненно покачала головой:

— О чем ты говоришь, милый? Тхан же твой брат и мой сын.

— Он вас презирает! — взорвался младший принц. Он вскочил и забегал по комнате, стискивая веер в побелевших пальцах.

— Милый, что с тобой?

— Никогда! Никогда он не будет вам послушен. Никогда не отречется, уступая вам власть. А если вы его отпустите, то отправитесь в тюрьму! И вы знаете это не хуже меня.

— Милый, ты слишком волнуешься.

— Конечно! Вы же хотите царствовать?! А для этого в стране должен быть порядок. Людям нужен законный император! Я не прошу убивать брата, но хотя бы надавите на него! А вы ему разве что кисэн не присылаете!

— Ты опять забываешься, милый. Что за тон?

Принц горько рассмеялся.

— Конечно, я же не Тхан. Только ему позволено говорить с вами вызывающе!

Она нахмурилась.

— Милый, что за сравнение? Тхан — тоже мой сын, и я люблю его, несмотря на все огорчения, которые он мне доставляет. Но ты хороший, послушный мальчик, который уважает и радуется своей матушке. Не разочаровывай меня, не становись похожим на брата.

Несколько мгновений Мин вглядывался в ее лицо, а потом обреченно махнул рукой.

***

С выражением напускной скуки Тхан следил за тем, как с потолка спускается решетка. Что-то Сунан зачатила. Ведь только вчера приходила...

Ничего! Остался всего один слой кладки. Не больше пяти дней работы. А дальше — тайный ход. Стены Пурпурного дворца раскроются перед носителем крови аль Самхан, лошадь он добудет уже в городе у одного из верных людей. Если все они арестованы, обменяет на драгоценную заколку. Конечно, Сунан пустит погоню по следу, но Тхан не сомневался, что сумеет уйти.

Главное, добраться до одного из сохранивших верность наместников. И хорошо бы узнать, что случилось с Джином.

Скрипнула дверь. При виде стоящего за решеткой молодого мужчины — ухоженного и наряженного, словно дорогая кукла, Тхан подобрался и сощурился. Что-то новенькое...

— Как чувствуешь себя, дорогой братец? — сладким точно патока голосом поинтересовался посетитель.

— Превосходно, — мрачно откликнулся принц. — А тебе матушка разве разрешила играть со мной?

— Ах, я забыл у нее спросить, — Мин с улыбкой развел руками.

— Не боишься, что она будет гневаться?

— Боюсь, — Мин резко прекратил улыбаться и положил руки на решетку. — Почему так, Тхан? Почему она всегда спускает тебе любую наглость и все равно любит? А стоит мне проявить малейшее неповиновение, как я превращаюсь в “плохого сына”?

Тхан рассмеялся. Надо же какие проблемы до сих пор волнуют младшенького!

— Потому что на меня это не действует. Она может сколько угодно кричать, что я ей не сын, и жаловаться на головную боль, я все равно сделаю по-своему.

— Вот оно как, — пробормотал с болью младший принц. — Значит, пока я из кожи лезу, пытаюсь заслужить любовь...

— Она тебя ни во что не ставит, — насмешливо закончил за него брат. — Женщины уважают силу. А ты, — тут он смерил вычурную одежду, пудру на лице, веер на запястье выразительным взглядом, — уж слишком девочка. Разве что платья за ней не донашиваешь.

— Но я делаю все, чтобы она была довольна! Она говорит, что ценит это.

— Конечно. Я вот ценю это кресло. Оно такое удобное, — Тхан похлопал по подлокотнику и злорадно улыбнулся.

Он никогда особо не любил младшего брата — труса и плаксу. К тому же манера Сунан постоянно сравнивать сыновей и ставить в пример младшенького здорово раздражала. Если мать хотела добиться этим послушания, она здорово просчиталась. Вместо того, чтобы стать зависимым от нее, Тхан научился не обращать внимания на ее осуждение, жалобы и советы.

Смешно, но кажется именно поэтому Сунан ценила и уважала его больше Мина.

— Ясно, — младший принц закусил губу и задумался.

— Что-то еще? — спросил Тхан, скрывая нетерпение. Зеркало и гвоздь ждали своего часа. — Или ты просто пришел постоять и поглазеть на меня?

— Нет, пожалуй, все, — глаза Мина странно сверкнули. — Спасибо, дорогой братец.

Он поклонился и исчез так же внезапно, как и появился.

— Ну и что это было? — спросил Тхан у пустой комнаты.

Ответа, понятное дело, не последовало. Наследный принц пожал плечами и снова

достал гвоздь.

***

Ночь прошла спокойно. Наутро, наспех позавтракав, они продолжили путь вниз. Оставалось не так много, по словам Джина уже к вечеру они должны были достичь предгорий, а если повезет, добраться до заставы. Той самой, на которой Тэруко хотели арестовать.

Это началось неожиданно, когда они, спешившись перед особо крутым участком тропы, вели лошадей вниз. Кони первыми почуяли опасность. Они дернулись, заржали и понесли.

Доставшийся Тэруко вместо Мухи мерин толкнул ее грудью, вырывая из рук поводья. Принцесса упала и больно ударилась плечом. В опасной близости от головы мелькнули копыта. Она откатилась, вжалась в стену, провожая взглядом обезумевших от страха лошадей.

— Тэруко! — она успела обрадоваться, что с ним ничего не случилось, а потом поняла, что впервые за их знакомство видит Джина настолько испуганным. — Бегом наверх!

— Что?!

— Вот-вот начнется обвал! В пещеру, быстро!

В воздухе сгустилось жутковатое напряжение. Как перед грозой, но сильнее, явственнее. Пахло бедой. Рука Джина клещами впилась в ее запястье, заставляя подняться. Тэруко глотнула воздух и побежала вверх по узкой тропе, как не бегала никогда в жизни.

Казалось ей, или каменная плоть гор действительно дрожала мелкой дрожью под ногами. Где-то над головой слышался шорох, сначала тихий, еле слышный, потом все более различимый, похожий на шум ливня. Мелкие камушки больно били по плечам, песчинки путались в волосах.

Пещера... Черный зев перед началом крутого участка тропы, они проходили мимо нее каких-то десять минут назад. Тэруко запомнила, потому что всегда побаивалась подземелий и шахт. В узких каменных лазах могло таиться что угодно.

Или кто угодно.

Джин дернул ее за руку, как бы требуя “Быстрее!”, но она не могла быстрее. Воздух выгорал в легких, колело в боку и страшно было оступиться на крутой тропе, сорваться вниз...

Они успели. Вбежали в пещеру за мгновение до того, как стало совсем темно и трудно дышать от повисшей в воздухе каменной взвеси и пыли. Тэруко остановилась, согнулась и закашлялась.

Джин рядом что-то прокричал, но разобрать его слова было невозможно из-за оглушающего грохота. Тогда он просто снова дернул ее за руку, увлекая за собой глубже в пещеру.

Стоило отойти на пару десятков шагов, как воздух очистился. Грохот здесь был тише, но стены все равно слегка дрожали, внушая неуверенность и желание поскорее покинуть каменную ловушку. Темнота только усиливала ощущение беспомощности.

Еще через три десятка шагов им встретился ручеек. Тэруко плеснула в лицо водой, а потом напилась, смывая противный привкус каменной пыли. Вода была теплой, почти горячей и чуть пахивала тухлыми яйцами.

— Успели, — Джин рассмеялся так, словно сам не верил в возможность спасения. — С ума сойти, успели. Когда доберемся до города, пожертвую на новый храм для Маго-Хельми.

Его голос отражался от стен и потолка, возвращался жутковатым эхом, словно в пещере

прятался злой насмешник, повторявший за принцем каждую фразу.

— Думаешь, она нам помогла? — шепотом спросила Тэруко.

— Не знаю. Наверное нет, — Джин тоже понизил голос. — Но мне хочется кого-нибудь поблагодарить. Жизнь — великий дар.

Он замолчал и все вокруг снова наполнила вязкая тьма. Журчала вода, со стороны туннеля доносился шум оползня. Тихий и почти уютный, как стук капель по крыше.

Как-то беспокойно в темноте! Тэруко протянула перед собой руку, чтобы коснуться Джина, и похолодела, нащупав только камень. Что, если Джин совсем исчез, и она теперь совсем одна в этой темной дыре?

— Джин! — в панике почти что выкрикнула принцесса.

“Джин-жин-жин”, - с хохотом подхватило эхо. Где-то над головой затрепетали кожистые крылья.

— Здесь я, здесь. Чего ты орешь? — раздался над ухом его насмешливый голос. Тэруко прерывисто выдохнула, отпуская свой страх. И вцепилась в мужчину, обняла за плечи, страшась выпустить хоть на миг — вдруг исчезнет?

Он понимающе хмыкнул:

— Боишься темноты?

— Боюсь пещер. Долго еще?

— Пару минут, если повезет. Потом можно будет сходить к входу, посмотреть. Вот только... — он не закончил.

— Что?

— Не важно. Не будем паниковать раньше времени.

“Не будем”, - согласилась мысленно Тэруко. Ей и так хватало причин для паники.

— Ты такая смешная, — задумчиво сказал Джин. — Как маленький дикий котенок. Чуть что — выпускаешь когти, пытаешься казаться сильной и грозной.

— Пытаюсь? — Тэруко почувствовала себя оскорбленной и даже хотела отстраниться, но Джин не дал.

— Пытаешься. Получается так себе. Не надо ничего мне доказывать, Тэруко. Если страшно, трудно, плохо — так и скажи. Для женщины нет позора в том, чтобы быть слабой.

— За слабых все решают сильные. Я не буду чужой игрушкой!

Джин погладил ее по спине и прижал к себе.

— Тогда ты не в том и не там проявляешь силу, малыш. Всегда колючки во все стороны, шерсть дыбом. Всегда готова к нападению. Это как гулять с обнаженным мечом по улице города. Раздражает, привлекает задир и уродов, а мирных людей наоборот отпугивает.

— И что же делать? — сердито спросила принцесса. — Выкинуть меч, пусть любой урод нападает?

— Зачем выкидывать? Спрячь его в ножны. Нужно будет — достанешь.

Странно, но темнота пещеры стала вдруг уютной и нестрашной. Наверное, потому что Джин обнимал ее, защищал от пустоты, в которой прятались чудовища из детских страхов. Тэруко расслабилась и обмякла в мужских руках. Он погладил ее по спине.

— Так-то лучше, — по голосу было понятно, что принц улыбается. — Пока я рядом, можешь на меня рассчитывать.

— Я знаю.

Она достаточно провела рядом с ним, чтобы заметить как Джин заботился о тех, кого принял под свою опеку. И ощущать его поддержку было приятно. Очень. Но оставаться

просто девицей, которую самханский принц принял под свое покровительство, Тэруко не желала. Ей казалось, она способна на большее. Способна быть партнером, а не камнем на шее.

Да и не вечно Джин будет рядом. Даже если он не отправит ее домой сразу, то сделает это после войны.

Но как хорошо сейчас, пока он обнимает ее в темноте пещеры и обещает защитить. Тэруко прильнула к нему теснее, и тут же смутилась — что он подумает о ней? Стыдно вот так вешаться на мужчину. Но Джин, кажется, не против. Сам обнимает, втискивая в свое тело, и горячее дыхание опалает шею, хочется почувствовать его руки под одеждой и губы на коже...

Казалось, ничего не переменилось, но объятия из дружеских, поддерживающих, стали другими. Почти интимными, полными желания и требующими продолжения. Внизу живота сладко заныло, по телу разлилось тепло и томная слабость. От тяжелого дыхания мужчины над ухом по коже бежали мурашки. Благословенна будь тьма пещеры, в которой не разглядеть пылающих щек, в которой не видно вообще ничего, есть только звуки, запахи, тепло чужих рук и близость тел.

Джин тяжело выдохнул, отпустил ее и отступил так поспешно, что это напоминало бегство.

— Кажется, камнепад прекратился, — от хриплого звука его голоса по телу снова пробежала волна возбуждения. — Надо сходить проверить.

— Не оставляй меня!

Стало страшно. Темнота запутала, смешала все направления. Если Джин сейчас уйдет, Тэруко не сможет найти дорогу к выходу.

— Не оставлю, — он помедлил, но взял ее за руку. — Идем.

ГЛАВА 17

Джин чувствовал себя пьяным. Накатившее внезапно желание было так сильно, что чуть было не заставило утратить контроль, и это напугало.

Но нельзя просить о доверии и сразу же предать его.

Он хотел Тэруко и раньше, когда она была его невестой. Принцесса была красива яркой чувственной красотой экзотического цветка. Он помнил вкус ее губ, кожи, запах ее вожделения в тот раз, когда она опоила его.

И да — как он ни старался противостоять этому, но влюбленность красивой и знатной девушки льстила. Ласкала тщеславие, утешала уязвленное, после отказа ее сестры, самолюбие.

Она прижималась к нему в темноте — немного испуганная, возбужденная. Девственная, как не до конца распустившийся бутон. И доступная. Весь опыт принца, все его знание о женщинах говорили: если он сейчас пойдет в атаку, Тэруко не станет сопротивляться.

Но она больше не была его женой. Три месяца брака, которых как будто не было. Они поженились летом, сейчас осень перевалила за середину, а ничего не изменилось. Она все так же невинна, он все так же хочет ее.

Злость на нелепую попытку приворота давно прошла. За месяц, который они провели рядом, Джин успел привязаться к оясимской принцессе. В роли наивного мальчишки или ершистой девушки она нравилась ему. Смешная: то милая, то колючая, как ежик. Искренняя, упрямая, боевая девчонка. Она заслуживала большего, чем стать случайным средством для

утоления чужой похоти.

Плохо, что он почти не контролирует себя. Как вернется в Шаньчжу, нужно будет наведаться в кёбан, провести жаркую ночь с красоткой-кисэн.

В вытянутой руке тревожно вспыхивал и гас маленький огонек, отбрасывая желтые и красные тени на покрытые влагой стены. Джин порадовался, что успел освоить “светлячка”. Заклинание требовало концентрации, не давало отвлекаться. Например, думать о тонких пальчиках, вцепившихся во вторую ладонь...

Они прошли больше половины пути до входа, но светлее не стало, и Джин мрачно поздравил себя с тем, что худшие прогнозы, похоже оправдываются. Еще с десятков шагов и впереди встала стена из плотно наваленных камней и булыжников. Такая основательная и толстая, словно была здесь с начала времен.

— Ой, — девичьи пальцы стиснули его руку крепче. — Мы не туда свернули, да?

— Туда, — тяжело ответил Джин.

Он мысленно прикинул толщину возникшей стены. Шагов пять, не меньше. И неизвестно сколько с той стороны, от пещеры до обрыва было пятнадцать шагов. Даже если площадку завалило наполовину, все равно...

— Не пробить, — озвучил он вердикт. Слова упали в темноту, как камни в пропасть. — Здесь выхода больше нет.

— Что же делать? — голос Тэруко дрогнул.

Джин обнял бы ее, но во второй руке по-прежнему плясало пламя. Голос принцессы упал до шепота.

— Мы умрем?

— Когда-нибудь — обязательно умрем, — странно, но ее страх помог взять себя в руки.

Джин успокаивающе сжал ее ладонь и обернулся.

— Будем искать другой выход. Эти пещеры глубоки и извилисты. Вполне может оказаться, что какой-нибудь из соседних туннелей ведет на поверхность.

Он заглянул в ее расширенные от страха глаза и улыбнулся, всем видом показывая уверенность, которой не ощущал. С удивившей его самого нежностью провел пальцем вдоль девичьей щеки.

— Ты чумазая, Тэру-чан. Вся в пыли.

Принцесса ответила на его улыбку.

— Ты тоже. Давай вернемся к ручью. Только... — она смутилась, как всегда, когда приходилось признаваться в своих слабостях. — Не гаси огонь, ладно?

— Не буду.

***

В пещере понятия дня и ночи теряют смысл. Здесь всегда темно и тихо. Только звук разбивающихся о камень капель или журчание воды, да порой странные шорохи издали.

Заслышав шорох, Тэруко вздрагивала и еле сдерживалась, чтобы не прижаться к Джину. В темноте оживали все детские страхи. Казалось, совсем рядом, укрытое тенью за ними наблюдает неведомое чудище. Выжидает, примеряется, как бы половчее откусить руку или ногу.

Хотя, скорее всего, шелестели летучие мыши. Эти бестии облюбовали несколько пещер недалеко от входа, в том числе ту, самую первую, с ручейком. Стоило Джину войти в нее с огоньком в руке, как проклятые твари, возмущенно вереща и попискивая, налетели на пламя. Самханец выругался, утратил концентрацию и “светлячок” в его руке немедленно погас.

Тэруко не завизжала только потому, что от страха пропал голос. Она стояла в черной страшной пещере, а мимо, касаясь лица крыльями, пронеслись неведомые крылатые зверюги, вооруженные острыми когтями и зубами.

Страшная была не темнота сама по себе, но полная беспомощность. Ожидание опасности сразу со всех сторон, чувство, что не сможешь себя защитить.

— Не бойся, — сказал Джин. — Полетают, угомонятся. Покусай меня демоны, ну у тебя хватка, — пожаловался он, и девушка только тогда поняла, что вцепилась в его руку так, что пальцам больно.

Они умылись в темноте, Джин наполнил водой флягу, болтавшуюся на поясе.

— У меня есть рисовые лепешки и мясо, — вспомнила Тэруко. Большую часть припасов они с Джином сложили в переметную суму, но принцесса припрятала немного провианта в заплечный мешок. Опыт двух предыдущих побегов говорил, что случится может что угодно, а иметь при себе запас еды на пару дней никогда не лишне.

— Ты умница, — одобрил принц. — Если что, я могу поймать летучую мышь. Правда, мяса в них на один укус.

— Десять мышек, десять укусов. С голоду не умрем, — улыбнулась Тэруко.

Боги, спасибо за то, что Джин здесь! В одиночку она бы сошла с ума.

Несмотря на толщу камня вокруг, девушка не чувствовала холода. Все у самханцев не как у людей, даже в пещерах тепло! Джин мимоходом обмолвился, что всему виной горячие грунтовые воды. Подземные реки и ручьи пронизывали горы, словно сеть кровеносных сосудов, поднимались от раскаленных недр к поверхности и несли тепло.

Летучие мыши встретились еще и в двух соседних пещерах, а дальше пошли пустынные, ошеломляющие величественной красотой туннели и залы. Дрожащий свет отражался в полупрозрачных сосульках сталактитов, растекался по поверхности сталагмитов, похожих на то на ледяные острые иглы, то на приготовившихся к атаке кобр, а то и вовсе на вздыбленные фаллосы.

В зале с “фаллосами” Джин мимоходом пошутил насчет их забавной формы. Тэруко вспыхнула и возмутилась, что очень развеселило принца. Еще три зала потом, он продолжал подтрунивать над ней, упражняясь в остроумии, пока она не пообещала покусать его вместо демонов, если он не замолчит.

— Невероятно соблазнительное предложение, — сказал самханец, глядя на нее смеющимися глазами. — Ты понимаешь, что практически не оставляешь мне выбора?

— Я серьезно.

— Я тоже.

Тэруко фыркнула, а потом встала на цыпочки и укусила его. За шею.

Сильно укусила. Почти до крови. Ну а что? Он же сам хотел.

— Это было больно, — задумчиво отметил принц, поглаживая след от укуса. — А теперь моя очередь.

Ой, кажется не стоило этого делать! Тэруко попятилась, готовая, заставить его как следует побегать, но Джин только ухмыльнулся и сжал ладонь, в которой горел огонек.

Тьма навалилась со всех сторон, принесла с собой шорохи, непонятные звуки. Превратила сказочно красивую пещеру в обиталище неведомых монстров. Тэруко жалобно вскрикнула, дернулась бежать куда-то и угодила в объятия чудовища.

— Попалась? — промурлыкало чудовище голосом Джина, прижимая ее спиной к сталагмиту. А потом Тэруко ощутила, как на мочке уха смыкаются зубы.

Это почему-то было не больно, только по телу снова, как несколько часов назад, пробежала волна сладкой дрожи, захотелось обмякнуть, отдаться. Джин шумно выдохнул, его язык скользнул вокруг ушной раковины, зубы снова сомкнулись на мочке — не сильно, легонько. Пусть кусает еще, это так приятно!

Но он не столько кусал, сколько целовал. Сначала шею, обжигая дыханием кожу. Потом нашел ее губы. Тэруко млела и таяла. Джин давно отпустил ее запястья, но она и не пыталась вырваться. Сама обнимала его, сходя с ума от нежных и настойчивых прикосновений, отвечала на поцелуи. Готовая зайти так далеко, как только ему захочется...

Он оторвался от нее тяжело дыша.

— Безумие какое-то, — прозвучал в темноте хриплый голос. А потом снова вспыхнул “светлячок”.

В первое мгновение Тэруко зажмурилась то ли от света, то ли от стыда.

В происходящем было что-то неправильное. Мужчина рядом не был ее мужем или женихом, не обещал ей ничего. Она — оясимская принцесса, она не должна позволять...

Но темнота пещеры не только оживляла страхи, но и отменяла все правила. Что толку от приличий, если они никогда не выберутся отсюда? Не лучше ли стать счастливой в последние отмеренные ей судьбой дни?

Самханец не отводил от нее потемневших глаз. В его взгляде Тэруко прочла голодное вожделение, но оно не напугало, а польстило.

— Ты очень красивая, — тихо сказал он.

Красивая? Тэруко на миг представила себя, как выглядит со стороны. В мешковатой мужской одежде не по размеру, с припухшими от поцелуев губами, в растрепанных волосах пыль и каменная крошка.

Красивая? Да он издевается! Или нет?

Джин отвернулся от нее — резко, словно это стоило ему усилий. И зашагал к черневшему в конце зала узкому зеву туннеля. Тэруко поплелась за ним. Она чувствовала себя ошеломленной и растерянной. Красивая? Раньше Джин никогда не говорил ей этого. Он правда считает ее красивой? И ведь он сам ее поцеловал на этот раз, она ему ничего не подливала.

Как во сне она тащилась за самханцем, почти не обращая внимания на торжественное величие нерукотворных залов. Даже страх перед пещерами как-то поблек, почти не ощущался. Поцелуи Джина горели на коже, сладко кружилась голова и хотелось спросить его, что все это значит, но было страшно. Вдруг принц ответит: “Ничего.”

Он шел быстрым шагом, не оборачиваясь, как будто ему вообще не было дела идет ли Тэруко за ним. Лишь останавливался у очередной развилки, чтобы начертить на стене иероглифы.

— Зачем ты это делаешь, — спросила его Тэруко, когда немного пришла в себя.

— Чтобы знать, куда мы уже сворачивали. Иначе можно заблудиться и ходить по кругу.

Голос Джина звучал буднично. Ни малейшего намека на то, что для него что-то значили те поцелуи.

Пещера обманывала, вводила вглубь. То расходилась широченным залом с множеством полупрозрачных колонн, похожих на стволы деревьев, то сдавливала в каменных объятиях, смыкала стены, оставляя узкий лаз, через который нужно было протискиваться, обдирая одежду. Развилки, туннели, ручейки и лужицы темной воды, похожие на куски стекла. Пару раз в сплетении туннелей они натыкались на собственные метки. Тогда-то принцесса и

оценила предусмотрительность своего спутника.

Сколько длились эти блуждания сквозь толщу гор? Тэруко не рискнула бы сказать. Здесь не было времени. Ей казалось, они уже несколько суток бредут по каменному лабиринту. Все сильнее хотелось отдохнуть, а еще больше — есть, но она стискивала зубы и молчала, не желая выглядеть в глазах Джина слабой.

У очередной развилки Джин замедлил шаг. Из правого туннеля доносился однообразный шум.

— Слышишь?

Тэруко не испугалась. Она ощущала себя слишком усталой, чтобы бояться.

— Что это?

— Похоже на воду. Но все равно лучше держись за мной.

Он оставил пометку на стене и шагнул в туннель. С каждым шагом шум становился все громче, теперь Тэруко тоже различала в нем бурный голос горной реки, многократно подхваченный пещерным эхом.

Туннель резко расширился, превратившись в огромную залу, свод которой терялся во тьме. Тэруко сделала еще шаг, ойкнула и остановилась. Прямо у ее ног начиналось подводное озеро.

Шум исходил от водопада, почти на границе света и тьмы.

— Озеро, — задумчиво сказал Джин. Наклонился, зачерпнул воды, напился. — Пресное, — он поднял взгляд на принцессу. — Рю, у тебя случайно нет снасти?

— Есть веревка.

— Покажи.

Он осмотрел тонкий, но прочный шелковый шнурок и одобрительно кивнул.

— Годится.

Крючок Джин изготовил на месте за пару минут, взяв пряжку с сумки, а приманкой послужила щепотка вяленого мяса.

— Давай я, — предложила Тэруко. — Пока ты держишь свет.

— А ты умеешь?

Она умела. Отец научил.

Затаив дыхание, девушка забросила импровизированную снасть в воду. Она не особо верила в успех подобной рыбалки, но действительность превзошла все ожидания. Первая поклевка случилась уже через пару минут. Тэруко подсекла добычу, и на камне у ее ног забилась бледная безглазая рыба длиной чуть больше ладони.

— Есть! — азартно воскликнула принцесса, высвобождая крючок, чтобы насадить на него новую порцию приманки.

К концу получасовой рыбалки, когда у них было полтора десятка подобных рыбешек, и клев почти прекратился, Джин скомандовал “Хватит”.

Потом они запекали свою добычу на большом плоском камне. Джин прикладывал к нему ладони снизу, заставляя раскалиться.

— Ты — полезная в хозяйстве вещь. Можешь заменить огниво, факел и жаровню, — съязвила принцесса.

Он посмотрел на нее задумчиво.

— Ты даже не представляешь, насколько я полезен в иных отношениях, — вроде бы невинные слова. Но Джин произнес их так многозначительно, что ей стало жарко. — И сколько всего умею.

Несмотря на смущение, Тэруко дерзко улыбнулась.

— Так просвети меня.

— Будешь хорошей девочкой, не только расскажу, но и покажу, — от то ли угрозы, то ли обещания в его голосе по коже забегали мурашки.

Несмотря на странный вид, пещерная рыба оказалась невероятно вкусной. Они сами не заметили, как уплели все.

Самханец поднялся, и осоловевшая от сытной еды Тэруко застонала в голос. Мысль о том, чтобы подняться и снова куда-то идти внушала ужас.

— Может отдохнем? — умоляюще протянула она, глядя на Джина снизу вверх.

Он кивнул.

— Заночуем в соседней пещере. Я просто собираюсь искупаться. Посидишь без света?

Принцесса сглотнула и кивнула.

— Только не уплывай далеко!

Вдруг с ним что-то случится? Из темной воды высунется неведомая хищная тварь и утянет Джина на дно.

— Не бойся, я быстро.

Переплетя пальцы, Тэруко вслушивалась в шорох одежды, потом плеск и ровные звуки гребков. С глуповатой улыбкой снова вспоминала слова принца. И взгляды, которые он иногда бросал на нее. Ей кажется, или Джин действительно стал по-другому относиться к ней?

Совсем рядом плеснуло снова, громче. Джин вернулся. Быстро, как и обещал.

— Тебе тоже стоит окунуться. Вода теплая. Похоже, на дне бьет горячий ключ.

При этих словах аж все тело зачесалось, так захотелось смыть с себя пот и пыль. Она ведь даже не вымылась по-нормальному после того ранения. Просто смочила тряпицу в горном ручье и обтерлась.

— Ты посветишь?

— Ага, — в его руке снова зажегся огонек, освещая белозубую улыбку. Джин натянул штаны, а вот рубаху надевать не стал. Капли воды блестели на его красивом мускулистом теле.

— И не подглядывай!

***

Есть просьбы, выполнить которые, наверное, можно. Но не хочется.

Джин подглядывал. Даже не подглядывал, а нагло пялился, на то, как она раздевается, повернувшись лицом к воде. Упал на камни жилет, скользнула вниз нелепая мужская рубаха, обнажив точеные плечи, красивую спину с соблазнительной ложбинкой позвоночника. Провести бы вдоль нее языком...

Он хотел Тэруко. Это накатывало неудержимо, столько только задуматься о ней, как о женщине. Джин начал мысленно и вслух называть принцессу “мальш Рю”, благо девушка не возражала. Помогало, но ненадолго. Воспринимать ее, как нечто бесполое, тем более как мальчика не получалось — хоть тресни. Сменив облик, Тэруко стала невозможно, невероятно соблазнительной, все ее мальчишеские замашки словно подчеркивали женственность принцессы, и он хотел ее настолько, что это превращалось уже в одержимость. Особенно, когда она начинала дерзить. В вишневых глаза загорался огонек, Тэруко становилась такой живой, настоящей, яркой. Нестерпимо хотелось поймать ее, прижать к стенке и как следует наказать. Самым приятным для них двоих способом. Когда

она мрачнела или печалилась, Джина тянуло дразнить ее, подтрунивать, смешить, вызывая то стыдливый румянец, то очаровательные ямочки на щеках. А когда боялась — обнять, успокоить, утешить. И снова зацеловать.

Больше, чем похоть. Меньше, чем любовь.

Да, у него давно не было женщины. Но развеет ли секс с кисэн это наваждение? Джин не знал.

Жениться на Тэруко снова? Такие решения не принимают, опираясь на вожделение. Он изголодался по женскому телу и сам это знает. А еще есть условие, поставленное богиней. Тайна, которую принцесса узнает, если он захочет назвать ее своей снова. Знать бы еще какая тайна...

Тэруко разделась полностью, открыв его взгляду очаровательную округлую попку — так и хочется ухватить, стиснуть. В дрожащем свете огонька матовая кожа девушки казалась совсем белой, и, проклятье, это невероятно возбуждало! Она поежилась, зябко повела плечами, хотя в пещере было тепло, присела у края озера и почти неслышно скользнула в озеро. До Джина долетел восторженный вздох.

— Вода — изумительная!

— А я что говорил? — отозвался он, борясь с искушением присоединиться к ней. Она становилась такая испуганная и покорная, стоило ему погасить огонек. И да — это тоже возбуждало.

“Я — похотливая скотина”, - самокритично заключил Джин. А потом поклялся себе, что не допустит больше искушения. Постарается не притрагиваться к принцессе лишней раз. Наверное, стоило бы и вести себя с ней сухо, отстраненно. Но девочка будет переживать, искать причину, винить во всем себя.

Не стоит. Ей и так нелегко.

“Просто держись от нее подальше. Это не так уж сложно”, - убеждал он себя, пока Тэруко плескалась в подземном озере.

Борьба с собой завершилась временной победой. Когда Тэруко выходила, Джин не обернулся.

ГЛАВА 18

Спать они устроились в небольшом гроте по соседству. Здесь низкий потолок глушил вездесущее эхо. Джин нагрел широкий плоский камень, призванный сегодня стать постелью. Тэруко опустила на жесткую и горячую, словно пропеченную солнцем, глыбу. Если закрыть глаза, можно попытаться убедить себя, что она не в пещере. Что лежит на скале, наслаждаясь вечерней прохладой, и впитывает тепло остывающей скалы...

Убедить не удавалось, вот никак. Мешали запахи сырости и шум водопада, пещерные шорохи. Пока нужно было куда-то идти, что-то делать, пока горел свет и рядом был Джин, страх прятался, а сейчас выполз из закоулков души и принялся нашептывать всякие ужасы.

Она пыталась договориться с ним, не замечать, но страх был убедительнее и главнее. Он уже не шептал, а кричал, что надо распахнуть, раскрыть глаза, иначе ОНИ подкрадутся во тьме, а Тэруко даже не заметит.

Принцесса открыла глаза, ничего не изменилось. Только стало страшнее. Она замерла, пытаясь услышать дыхание Джина, но звуков не было. А вдруг самханец ушел? Просто взял и исчез, растворился в этой жадной опасной тьме. И Тэруко осталась одна, совсем одна без его улыбок, света, поддержки и тепла сильных рук.

Она снова убеждая себя, что паника — глупа и бессмысленна, но страх не верил словам.

— Джи-и-ин, — еле слышно позвала принцесса.

Ей было стыдно, очень стыдно будить его.

— Чего тебе? — тут же откликнулся принц. Словно и не спал.

— Обними меня. Пожалуйста.

В ответ повисло напряженное молчание.

— Джин!

— Лучше не надо, — как-то очень холодно ответил он.

Тэруко отвернулась и съежилась, подтянув ноги к груди. Услышать такое было невыносимо обидно. Хоть реви во весь голос, как маленький ребенок.

Он же сам говорил, чтобы она не боялась быть с ним слабой! Сам просил о доверии! И вот — стоило заикнуться...

Так она и лежала, стискивая в душе невыплаканную обиду. Несмотря на усталость, страх никак не давал уснуть. Да еще и от остывшего камня потянуло холодом. Принцесса обняла себя за плечи и застучала зубами, пытаясь согреться. Рядом вполголоса выругался Джин.

— Хочешь насмешить богов, расскажи им о своих планах, — очень мрачно сказал принц, а потом подполз и обнял ее сзади.

Сразу стало тепло. С Джином почему-то всегда было тепло. И не страшно.

— Ты это к чему?

— Ни к чему. Спи, малыш Рю, — горячее дыхание пощекотало ухо, и снова нахлынула вожделеющая слабость. Так приятно. Вот бы он укусил ее снова за ухо, как тогда...

Джин лежал, прижимая к себе девушку, и понимал, что заснуть будет непросто. Не то что заснуть, даже успокоиться, отвлечься от ее близости. Можно, конечно, чуть отстраниться, просто взять ее за руку, но тогда Тэруко замерзнет.

Влажные волосы легли ему на щеку. От одежды пахло кровью, землей, потом, а от Тэруко озерной водой и ею самой. Никаких духов. Просто запах чистой женской кожи, но отчего-то он сводит с ума сильнее любых изысканных притираний.

Так же, как сводит с ума она сама.

Он почти бездумно прижался губами к коже под ухом. Там, где часто билась жилка. Девушка вздрогнула и часто задышала.

“Я не должен...”

Джин уткнулся носом ей в плечо, почувствовал, как по телу девушки прошла дрожь отклика и чуть не застонал.

Да тут и святой не удержится!

Это было похоже на тот раз, когда Тэруко его опоила. Только сейчас Джин трезво мыслил и мог контролировать себя. Мог, но не хотел. Он еще раз поцеловал ее шею, лизнул. Вкусная! Кожа у нее нежная-нежная, тонкая и гладкая — всю бы облизал. Грудь небольшая, но красивой формы с острыми, чуть вздернутыми сосками. Талия волнующе тонкая, а бедра округлые, женственные.

Он обнимал девушку, тщетно пытаясь успокоить собственное разгулявшееся воображение, а перед глазами вставали картины — одна другой ярче. На фантазию Джин никогда не жаловался.

...Вот он медленно раздевает ее — покрасневшую, смущенную, покорную, любуется на ее наготу. Ласкает до тех пор, пока принцесса, позабыв гордость и девичью стыдливость,

сама не спрашивает взять ее. Вот она на спине — глаза прикрыты, губа закусена и бедра широко раздвинуты, открывая доступ к самому сокровенному. Вот на коленях — смотрит снизу вверх, а в вишневых глазах пляшут дерзкие искорки. Или на четвереньках, соблазнительно прогнувшись. Спрятала пылающее лицо в подушках, оттопыренная попка так и манит. Вломиться в нее — жаркую, тесную, мокрую, входить резко, вырывая сладостные стоны...

От возбуждения заломило в паху. Джин стиснул зубы и сам едва не застонал. Раньше он всегда чувствовал присутствие демона рядом и не позволял себе настолько терять душевное равновесие из-за женщины.

Она ведь все еще невинна. Не принадлежала никому. Он не придавал девственности большого значения — сам далеко не монах. Но мысль о том, что девушки, замершей в его объятиях, не касался ни один мужчина кроме него, невероятно заводила.

“Я — похотливая свинья. Проклятье! Останови меня, принцесса! Дай хотя бы намек, что не хочешь!”

Тэруко еле слышно вздохнула, ощутив, как на мочке уха смыкаются зубы. Холод и страх ушли, вытесненные жарким вожделением. Тело обмякло, стало безвольным, только внизу живота приятно ныло. Это плохо, неправильно, но ей все равно. Пусть Джин только не останавливается...

Принцесса чуть изогнулась, подстраиваясь под его тело, прижимаясь плотнее, откинула голову, открывая доступ к нежной шейке, и Джин воспользовался безмолвным приглашением. Ладонь скользнула под рубаху, Тэруко тихонько вскрикнула, ощутив мужскую руку на груди. Больше от неожиданности.

Джин замер.

— Ты не хочешь? — его хриплый голос показался ей очень громким в тишине пещеры.

— Я... — хоть темнота и так была беспросветной, Тэруко зажмурилась. Произнести короткое “Хочу”, подтвердив свое бесстыдство? Дать ему разрешение действовать дальше?

И навсегда показать себя развратной девкой, готовой раздвинуть ноги после первого же намека.

— Я не знаю...

Жалкая ложь! Она хотела. Еще как хотела.

— Ясно, — ладонь с груди исчезла, и Тэруко чуть не заскулила от разочарования.

— Я должен извиниться, принцесса, — очень официальным и скучным голосом произнес Джин. — Мое поведение недопустимо.

Это было как пощечина. Тэруко ощутила ослепительную ярость. На себя, на Джина, на всю эту глупую ситуацию. Но больше всего именно на Джина. Не любит он ее, и ладно. Но зачем издевается?

Она вырвалась из объятий и села.

— Куда ты?

Куда-нибудь.

— Пойду поплаваю.

Сбежать, уйти... Снова нырнуть в воды озера, чтобы смыть чужие прикосновения.

— Нет! — Джин поймал ее на выходе из грота.

— Пусти! — прошипела принцесса. — Ты мне не муж. И вообще никто.

— Тэруко, пожалуйста, не делай глупости.

— Я просто хочу искупаться!

Он снова обнял ее, не обращая внимание на возмущенные крики и сопротивление.

— Оставь меня, — рычала Тэруко, извиваясь и молотя по его плечам и спине кулачками.

— Прости, — выдохнул Джин ей на ухо. — Я не должен был начинать.

Он не должен был останавливаться, раз уж начал! Гад! Гад и сволочь! Да, Тэруко влюблена, но разве она вешалась на него? Разве давала повод?! Так зачем он играет с ней? Зачем унижает?!

Принцесса попробовала поднырнуть и вырваться из объятий, да разве от Джина избавишься так просто? Он поймал ее за запястья, прижал к стене. И все продолжал, продолжал бормотать извиняющуюся чушь.

У Джина было ощущение, что он говорит в пустоту. И вообще делает что-то не то. Он обнимал гибкое сильное тело, аккуратно удерживал тонкие запястья девушки, стараясь не оставить синяков на нежной коже, а Тэруко зло сопела и продолжала вырываться. Просто дикая кошка.

И хуже всего, что Джин чувствовал себя дураком. Дважды дураком даже. Повторял какие-то жалкие извинения, сам не веря в них. И все еще хотел, дико хотел эту упрямую, вредную, готовую выцарапать ему глаза девчонку.

Прав он или неправ, но гулять одну по пещерам он ее не отпустит.

— Пожалуйста, дай мне объяснить...

— Иди ты! — Тэруко извернулась и вцепилась зубами в его запястье. Джин зашипел. Больно. До крови прокусила, стерва.

Дождавшись, пока хватка зубов немного ослабнет, он навалился на нее, вывернул руки, заставляя поднять их над головой. Прижался бедрами, чтобы не дать ей повторить грязный трюк с ударом коленом в пах. Девушка нервно дышала, извивалась, все еще пытаясь ускользнуть. Безумно соблазнительная, желанная в своем сопротивлении и ярости...

Тэруко хотелось рыдать от бессилия и злости. Все повторялось. Почти так же, как в тот раз, когда она опоила Джина. Снова стальные пальцы стискивали ее запястья, снова чувство беспомощности. Только в прошлый раз принц насильно дарил ей ласки, а теперь — извинения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как будто ей легче от того, что ему жаль!

Она же ничего не просила! Джин мог просто не целовать ее. Не смотреть таким взглядом, не говорить, что она красивая! Или хотя бы не задавать тот дурацкий вопрос! Взять на себя решение, соблазнить ее, оставив иллюзию гордости.

Она замерла, набираясь сил для очередного рывка. И вдруг бедрами ощутила его возбуждение.

Мужчина осекся на полуслове, прервав поток бесполезных объяснений и извинений. Со свистом втянул воздух и уткнулся лбом в стену пещеры над плечом Тэруко. Он не делал попыток отстраниться. Все так же удерживал, вжимаясь в девушку. И молчал. Слышно было лишь его тяжелое дыхание.

Тэруко почувствовала, как ярость драки переплавляется во что-то иное. Тело налилось тягучей томностью, чувство беспомощности стало сладким, в нем появился неуловимый привкус власти над мужчиной, знакомый любой желанной женщине.

Распаленные схваткой, возбужденные, они оба словно балансировали на краю, в полушаге от неведомого. Не имея сил ни отступить, ни перейти черту.

Джин тяжело выдохнул.

— Скажи, что не хочешь! И я отпущу... Может быть.

“Но я хочу!”

Осознание, что она настолько желанна для мужчины, что он едва сдерживается, опьянило. Тэруко ухмыльнулась. И шалея от собственного бесстыдства, чуть потерлась о самханца бедрами.

— Чокнутая, — каким-то незнакомым очень низким и хриплым голосом сказал Джин прежде, чем впиться в ее губы.

Все отступило: злость, обида, страх. Осталось горячее безумие поцелуев, обжигающая сладость прикосновений.

— Ты.

...Хрипый шепот, руки развязывают пояс, чтобы нырнуть под рубаху, дотронуться до нее там, где не касался ни один мужчина, кроме него...

— Упрямая.

...Губы скользят по нежной коже, обжигая поцелуями. Ладонь — жесткая, в мозолях от оружия — ложится на грудь. Пальцы теребят, пощипывают сосок. Так приятно, что невозможно не выгнуться ей навстречу, выпрашивая еще этой развратной ласки...

— Глупая.

...На смену рукам приходят губы. И остается только зарыться пальцами в рыжие волосы, всхлипывая и вскрикивая от ласковых укусов...

— Моя!

...Мужские руки распускают завязки штанов, оставляя ее обнаженной, дрожащей от возбуждения. Подхватывают, прижимают к телу, несут куда-то. Будь благословенна тьма пещеры, в которой не видно лиц. При свете дня Тэруко стореда бы со стыда...

— Хочу тебя, — голос в темноте.

Прохладный шероховатый камень под спиной, который почти сразу нагревается, становится почти обжигающе горячим. Мужчина рядом — самый сильный, заботливый, умный. Самый лучший в мире! Его поцелуи — то нежные и легкие, едва ощутимые, как прикосновения крыльев бабочки, то жаркие и страстные. Узел на поясе, который наконец получилось развязать — Тэруко тоже хочет ласкать и целовать Джина! Тело словно охвачено огнем. Огнем, в котором сгорает представление о приличиях, гордости, правилах. К демонам будущее — есть ли оно вообще? Здесь и сейчас в кромешной тьме пещеры есть только звуки, запахи, нежные губы, сильные руки и желание, разделенное на двоих.

Тяжелая ладонь внизу живота. Там, где жарко пульсирует и ноет от возбуждения. И умелые пальцы скользнувшие ниже вдоль покрытых влагой лепестков...

— Я боюсь, — шепнула Тэруко. — Не надо... — она замолчала, сама не зная о чем просить дальше.

Она не чувствовала себя готовой к сексу. Слишком внезапно все случилось.

Мужчина шумно выдохнул.

— Хорошо, — поцелуй глубокий и долгий. — Ничего не будет, пока сама не захочешь.

А потом снова поцелуи, прикосновения — все более развратные и приятные. Пальцы, глядящие ее там, внизу, доводя до исступления. Свод пещеры, отразивший стоны, мгновения невыразимого восхитительного наслаждения. Горячий твердый стержень в ее руке и просьба срывающимся шепотом “Поласкай его”.

Она ласкала. Сперва руками, а потом, осмелев и вспомнив кисэн, лизнула. Джин

вздогнул.

— Не останавливайся, — глухо попросил он. — Пожалуйста.

— Я не очень знаю, что делать, — смущаясь, призналась принцесса. Ее учили многому, но не обращению с этой важной частью мужского тела. А сама она, пока была юношей, так и не удосужилась толком попробовать каково это. Не было места, возможности, да и просто насильно врученное мужское тело, вызывало потаенную ненависть. Его не хотелось ласкать.

Зря. Сейчас хоть не чувствовала бы себя настолько неумехой.

— Все хорошо, — Джин легонько погладил ее по спине, положил ладонь поверх ее руки, чуть сжал. — Просто чуть сильнее.

Она сделала, как он велел и услышала в награду стон. Ему нравится? Тэруко ощутила возбуждение и гордость. Снова сомкнула губы, скользнув языком вдоль горячего ствола... Неумело, но старательно.

Дарить наслаждение оказалось не менее приятно, чем получать. Ловить изменившийся ритм дыхания, угадывать его желания, следовать за указаниями, сказанными хриплым прерывающимся голосом.

Это не длилось долго. Тэруко даже не успела толком войти во вкус, когда Джин подался бедрами вперед и рот наполнила вязкая жидкость. Она так растерялась, что не придумала ничего лучше, чем проглотить это.

— Спасибо, — он притянул ее к себе, поцеловал.

Она прильнула к нему в поисках тепла, положила голову на плечо. На несколько мгновений в пещере воцарилась тишина. Слышен был только шум воды от озера.

***

Джин медленно, провел пальцами вдоль ее позвоночника. Опустил руку на ягодицу, сжал.

— Ты чокнутая, — нежно повторил принц. — Маленькая, упрямая дурочка, которая всегда все делает по-своему, — он зарылся лицом в ее волосы. — Но как с тобой хорошо...

В ответ на эти слова Тэруко вздрогнула, словно выплывая из безумного сна. Одержимость и вожделение отступили, оставили ее. Зато вернулся стыд.

Боги, ужас какой! Она действительно делала это? С мужчиной, который не является ее мужем, который ее не любит и ничего ей не обещал?!

Остывший камень неприятно охлаждал кожу, вытягивал тепло, несмотря на горячие объятия. Непонятно почему захотелось заплакать, а еще больше искупаться. Тэруко попробовала освободиться, но самханец не пустил.

— Ты куда? — спросил он, продолжая целовать ее шею, плечи.

— К озеру.

— Опять? Что тебя туда так тянет? Успеешь еще, — Джин попробовал снова поцеловать ее в губы, но она отвернула лицо. — Эй, что случилось?

— Ничего.

Ну почему нельзя просто отпустить ее к озеру? Тэруко просто хочет поплакать. В одиночестве, а то ведь с Джина станется пристать с вопросами, что случилось и почему она ревет. И не будешь же объяснять, что ей сейчас так обидно, что жить не хочется. Что она чувствует себя использованной, не нужной.

Но упрекнуть некого. Она сама желала этого. Так хотела, что из штанов была готова выскочить.

Что хотела, то и получила. Как говорила Маго-Хельми, у любого выбора есть

последствия. Вот и Тэруко сейчас предстоит разобраться с последствиями своей похоти.

Ничего, разберется. Она сильная, справится. Только поплачет сначала тихонько в соседней пещере.

— Ты холодная, как ледышка, — Джин ругнулся и сел. — Так, я тебя сейчас отпущу на минуту. Не вздумай убежать, все равно поймаю, приволоку сюда и отшлепаю по попе. Поняла?

— Угу, — буркнула принцесса.

Ей показалось, что несмотря на шутливый тон с Джина станется выполнить угрозу, поэтому когда он действительно отпустил ее, Тэруко не двинулась с места. Камень под ними нагрелся, а потом в ладони Джина вспыхнул “светлячок”.

— Ой... — Тэруко зажмурилась. Пламя больно резануло отвыкшие от света глаза.

И еще стало стыдно. В сто раз сильнее, чем было до этого. Она зачем-то потянулась прикрыться, заозиралась в поисках своей одежды.

— Тэруко, ты меня стесняешься? — в голосе самханца послышалось насмешливое изумление.

— Я... Нет. То есть да.

Нервы принцессы все-таки не выдержали. Она снова закрыла лицо руками, съежилась и заплакала, ощущая себя бесконечно одинокой, никому не нужной, запутавшейся и порочной.

Джин снова выругался. Свет в его руке погас, он обхватил девушку, прижимая к себе.

— Эй, что случилось, малыш? Тебе было больно? Плохо?

— Нет.

— Я что-то сделал не так? Проклятье, да не молчи ты!

— Все было хорошо, — она протяжно всхлипнула.

— Не ври, — его голос звучал очень мрачно. — Слышу я, как “хорошо” все было. Ну хватит! Просто скажи, в чем дело! А то я себя начинаю чувствовать каким-то монстром, который извращенно надругался над невинной девой.

— Пожалуйста... мне нужно помыться.

— После меня? — зло спросил Джин. — Я тебя испачкал?

Она вздрогнула и даже прекратила плакать.

— Нет.

Самханец несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, словно пытается успокоиться.

— Хорошо, пошли мыться, — он поднялся и потянул ее за руку.

— С тобой?

— Одну я тебя не отпущу. Это может быть опасным.

Девушка не нашлась, что возразить на эти справедливые слова. Она слушала, как он одевается в темноте на ощупь, потом снова зажегся “светлячок”, освещая пещеру. Тэруко встала, поежилась и невольно прильнула к мужчине в поисках тепла. Он помедлил, а потом обнял ее свободной рукой за плечи.

И все равно казалось, что Джин отстранился от нее, закрылся. Обиделся? Если не обиделся, почему молчит? Почему больше не пытается поцеловать? Как теперь ему в глаза смотреть? Что делать, если он снова захочет чего-то такого и будет приставать? А если не захочет?

Ну почему она такая дура?! Насколько понятнее все было до того, как случилась эта нелепая близость, которую даже близостью назвать-то сложно!

Озеро встретило их шумом водопада. Тэруко поежилась, глядя на воду. Пусть и теплая,

лезть в нее совершенно не тянет. Но признаваться в подобном как-то неловко.

Принцесса скользнула в воду почти без звука и поплыла, словно стремясь уйти как можно дальше от берега, освещенного одиноким дрожащим огоньком. Уплыть от мужчины и связанных с ним проблем.

Тэруко плыла и плыла. Давно остался за спиной водопад. Впереди расстилалась безвидная чернильная тьма. Ни проблеска, даже границу между воздухом и водой можно лишь нащупать.

На мгновение принцессу охватила паника. Ей показалось, что она затерялась в этой темноте и пустоте, и не сможет найти дороги к берегу.

— Тэруко! — долетел встревоженный голос из-за спины. — С тобой все в порядке?!

Она обернулась и увидела оранжевый огонек. Яркий, хорошо различимый в окружающей тьме, он указывал путь подобно маяку. В груди стало тепло, словно этот далекий огонек согрел ее.

Джин зажег маяк для нее. Чтобы она смогла вернуться.

Зачем она так ведет себя с ним? Джин же не отталкивал ее. Не говорил, что считает никчемной потаскухой. Да, принц не любит ее. Да, потом, когда придет время плыть домой, будет больно. Но плакать об этом уже сейчас — обкрадывать саму себя на минуты счастья. А ведь можно ласкать его, целовать, наслаждаться ответными ласками...

Может они вообще не найдут выхода. Так и останутся здесь, в пещере. И чего, спрашивается, Тэруко страдает?

Дура она все-таки! Вот правильно Джин сказал — маленькая дурочка.

— Тэруко!

— Я иду, — крикнула девушка, и торопливо поплыла к берегу.

В этот раз она взяла чуть правее, чтобы проплыть рядом с водопадом — хотелось посмотреть на него вблизи. Хотя что различишь в такой темнотище?

Это было ошибкой. Стоило поравняться с водной стеной, как Тэруко почувствовала, что ее сносит подводным течением. Девушка заработала руками, пытаясь выгрести, но поток утягивал ее все дальше. Огонек на берегу тревожно мигнул и снова начал отдаляться.

— Джи-и-ин! — в панике закричала девушка.

С берега долетел ответный крик, а потом Тэруко потеряла огонек из виду. Бурлящий поток подхватил ее и понес в темноту.

ГЛАВА 19

Скорость все нарастала. Стремительный поток воды крутил и тащил Тэруко куда-то в непроглядной тьме. Она уже оставила бесплодные попытки выгрести, теперь все силы уходили на то, чтобы не наглотаться воды. Течение вынесло девушку в извилистый туннель. Несколько раз принцесса налетала на стены, но тщетно она пыталась уцепиться за какой-нибудь выступ, пальцы скользили по вылизанному водой камню.

Шум воды впереди усилился, перешел в рев. Тэруко, осознав сквозь застилавшую разум панику, что предвещает этот звук, снова принялась выгребать против течения, пока совсем не выбилась из сил.

А потом волна захлестнула ее, накрыла с головой и понесла по стремительно уменьшающемуся кругу. Были короткие мгновения на краю всасывающей воду воронки и невозможный ужас свободного падения в темноте и пустоте.

Удар о воду оглушил. Измученная напрасной борьбой со стихией девушка камнем

пошла ко дну и опомнилась, лишь ощутив под ногами округлые валуны. Оттолкнувшись от них, Тэруко заработала руками и ногами и вынырнула, жадно хватая воздух ртом.

Резанувшее по глазам солнце снова заставило зажмуриться.

Солнце! Выбралась!

А как же Джин?

Все эти мысли пронеслись в голове, пока Тэруко барахталась вслепую, закрыв ослепшие после долгого пребывания в темноте глаза. Течение продолжало нести ее куда-то — не такое стремительное, как в подземном туннеле, но все равно мощное.

Надо бы выбираться на берег. По слухам в самханских реках водятся крокодилы.

Стоило вспомнить о них, как что-то дернуло ее за руку. Девушка завизжала и заколотила руками, подняв тучу брызг. Нападавший прорычал что-то, но звук потонул в шуме реки. Тэруко снова попыталась отпихнуть его, и с головой ушла под воду. Пальцы скользнули по коже — гладкой, лишенной чешуи. Вполне человеческой на ощупь. Наткнулись на мокрую ткань.

Она так удивилась, что даже прекратила сопротивляться. Позволила утянуть себя в сторону и очень скоро почувствовала под ногами дно.

Свет снова ожег глаза, но Тэруко упрямо вглядывалась сквозь выступившие слезы. Впереди виднелся пологий берег и скалы. Она перевела взгляд на мужчину, которой все еще удерживал ее под мышками и, ругаясь, тянул к берегу.

— Джин?!

— Дождешься, я тебя все-таки выпорю однажды, — устало отозвался он.

— Пусти, я сама пойду!

Он отпустил.

Почти падая от усталости, Тэруко добрела до берега и рухнула на горячую от солнца скалу. Все! Больше она не встанет! Так будет здесь лежать. И помрет здесь. Даже рукой шевельнуть сил нет.

Некстати пришла мысль о собственной нагоде, но усталость была такой безмерной, что даже стыд отступил.

Рядом плюхнулся Джин. Его одежда промокла насквозь, струйки воды стекали с нее, бежали вниз по камню.

И все-таки хорошо быть живым. Лежать на теплом камне, ощущать жаркие поцелуи солнца на коже. Никакой тьмы и шорохов. И Джин рядом...

Кстати, как он здесь оказался?

— Прыгнул за тобой, как еще? — мрачно отозвался принц. — Когда увидел, что тебя сносит течением за водопад.

— Ты прыгнул за мной? — она растерялась. — Но там же могло быть что угодно! Острые камни. Обрыв. Подземное море. Чудовища...

Он хмыкнул:

— На наше счастье, у меня не было времени, чтобы подумать об этом как следует.

Тэруко нашла его ладонь, сжала.

— Спасибо.

— За что?

— Что не бросил.

Джин тяжело вздохнул.

— Ты мне не доверяешь, — грустно констатировал он и сел, заслоня Тэруко от солнца.

Повернулся, разглядывая ее со странной улыбкой.

— Я доверяю! — взгляд у Джина был насмешливый, теплый и при этом очень мужской. От него по коже забегали щекотные мурашки, и принцесса почувствовала себя еще более голой, чем до этого. — Не смотри, — она прикрылась руками, чувствуя себя крайне глупо. Как-то странно просить не смотреть, если уж позволяла трогать, гладить, целовать.

— Почему?

— Я стесняюсь.

Джин улыбнулся.

— Тогда зажмурься, — посоветовал он, склоняясь над Тэруко, чтобы положить ладонь ей на глаза. — Потому что я не отвернусь. Мне нравится на тебя смотреть.

Теплые губы коснулись ее губ, и стыд отступил. Принцесса выгнулась мужчине навстречу, обвила руками за шею, прильнула, зарылась пальцами в волосы.

Джин восхитительно целовался. Неторопливо, уверенно, но не слишком напористо. Нежно прикусывал сначала нижнюю, а потом верхнюю губу. Не подчинял, а дразнился, вовлекая в возбуждающую игру, и девушка отвечала ему с восторженным трепетом.

Сколько раз они могли умереть за последние три дня?! Сколько раз постояли на краю?! Как прекрасно жить, дышать, лежать на прогретых солнцем камнях и целоваться после жутких мгновений во тьме туннеля, после падения в неизвестность! И как глупо это — цепляться за приличия. Гори все огнем, она любит этого мужчину!

Если Джин хочет сделать ее своей любовницей, Тэруко не станет сопротивляться. И пусть потом будет больно...

— Не будешь больше рыдать и отворачиваться? — прошептал он, прерывая поцелуй.

— Не буду. Прости меня, пожалуйста. Ты тогда обиделся?

Он покачал головой и улыбнулся:

— Я растерялся.

— Ты?!

— Я. Знаешь, очень странное чувство, когда девушка плачет после твоих ласк. У меня это впервые.

Тэруко покраснела.

— Прости, — повторила она. — Это... не из-за тебя.

— Я так и понял. Женщины любят надумывать, — он ущипнул ее, вызвав протестующий визг. — Давай договоримся, Тэру-чан. В следующий раз, когда тебе придет в голову очередная больная фантазия — любая, не важно какая, ты расскажешь о ней мне. И рыдать начнешь не раньше, чем мы это обсудим. Согласна?

Принцесса кивнула. Он не готова была обсуждать то, что терзало ее, ни с Джином, ни с кем другим, но спорить тоже не было сил.

— А где моя одежда? — невпопад спросила она.

Джин хитро ухмыльнулся:

— Зачем вам одежда, ваше высочество? — промурлыкал он. — В таком виде вы мне нравитесь куда больше.

Она чуть покраснела и пихнула его в бок кулаком.

— Я серьезно!

— Осталась в пещере. Как и еда. И, — тут он тяжело вздохнул, — мой меч. Я, конечно, и так кое-что могу, но все равно без оружия чувствую себя голым, — тут он очень выразительно покосился на Тэруко.

Девушка не оценила юмора.

— В пещере... — глупо переспросила она. — Но... как же...

На этом мысли застопорились. Тэруко опустила взгляд на свое тело — женское тело, о котором тосковала столько времени. На бедре наливался здоровенный кровоподтек — в туннеле о стенку приложило. А в остальном все как было — длинные стройные ноги, женственные бедра, тонкая талия, дерзко торчащая грудь. Приятно посмотреть.

Но она категорически против того, чтобы на это смотрел каждый встречный!

Джин протянул ей свою рубаху.

— Надень.

Подарок был мокрым. И безнадежно большим. Тэруко и в теле мальчика не отличалась особыми габаритами. Воротник-стойка нелепо мотылялся вокруг тонкой шейки, рукава обвисали.

Зато с длиной повезло. Полы облепили бедра, прикрыли ноги почти до колена, охраняя стыдливость принцессы, и Тэруко облегченно выдохнула. На первое время сойдет.

Она приняухалась. От ткани пахло озерной водой, дымом, а еще ее прежним хозяином.

— Сам знаю, что она не очень чистая, — мужчина развел руками. — Извини, другой нет.

— Не надо другой, — тихо откликнулась принцесса. — Мне все нравится.

Его запах действовал на Тэруко, как валерьянка на кошку. Вот и сейчас захотелось потереться щекой об одежду, но девушка сдержалась.

Джин прищурился, поднял лицо к небу.

— Утро. Похоже, мы провели в пещере часов восемнадцать-двадцать.

— Так мало?

Ей казалось, в темных туннелях и гротах прошла минимум неделя.

— Не больше точно, — он огляделся. — Понять бы еще куда нас вынесло.

Принц встал, огляделся, словно пытаясь сориентироваться, а Тэруко застонала. Опять куда-то идти?!

— Надо, — безжалостно отрезал Джин. И дернул ее за руку помогая подняться.

— Я так устала, — со вздохом сказала девушка. И сама удивилась, насколько легко ей, всегда боявшейся показать свою слабость перед мужчиной, далось это признание.

Он приобнял ее за плечи, легонько поцеловал в макушку.

— Знаю, малыш. Я тоже устал. Потерпи немного, надо хотя бы отойти от реки.

Странно, но это помогло не хуже, чем мысленный пинок или насмешки. Тэруко выдохнула и сделала шаг. А потом еще один. Подвернувшийся под ногу камушек больно впился в босую ногу. Она зашипела от боли, стиснула зубы и пошла медленнее, смотря под ноги.

Потом были валуны и скалы — ноздреватые, грубые. Джин выбирал дорогу, подсаживал девушку, подавал ей руку на спуске. Принцесса покорно шла за ним, слишком усталая, чтобы жаловаться или задавать вопросы. Все силы уходили на то, чтобы не упасть.

Скалы закончились внезапно. Впереди, сколько хватало глаз, простирались квадраты рисовых полей, а вправо уходила ровная дорога, и на горизонте над башней заставы развивался желтый флаг с огненным тигром.

***

Несмотря на усталость, после короткого отдыха Джин приказал седлать лошадей.

— Если хочешь — останься, — предложил он в ответ на жалобный взгляд

принцессы. — Переночуешь в гарнизоне, выспышься. Я велю, чтобы завтра тебе выделили отряд до Шаньчжу.

— А ты?

Джин покачал головой:

— Я должен ехать.

Ощущение беды звало, требовало вернуться. Он и так на двое суток оставил армию и только что взятый город. Лишний час промедления мог стать роковым.

Принцесса тяжело вздохнула и потянулась за вторым седлом.

Гнать коней Джин все же не решился, опасаясь за Тэруко. Девушка и так выглядела измученной. Возможно, правильней было бы оставить ее в гарнизоне, но он боялся выпустить Тэруко из-под присмотра. Кто знает, что еще она учудит? С таким-то талантом влипнуть в неприятности.

Против воли взгляд снова и снова возвращался к ее ладной, затянутой в мужской костюм, фигуре, а в памяти всплывали горячие поцелуи, стоны, нежный бархат кожи и запах ее желания. Врут те, кто говорят, что лучший способ победить искушение — поддаться ему. Он по-прежнему хотел Тэруко, едва ли не сильнее, чем до того, как позволил себе перейти черту.

В любом случае пути назад нет. Принцесса Оясимы — не готовая на все служаночка или развратная фрейлина. Ее нельзя потискать мимоходом, а потом сделать вид, что ничего не было. И Джин, до того, как пойти на поводу у похоти, обещал позаботиться о ней. Хочешь не хочешь, он должен жениться.

“А ведь хочу”, - внезапно понял принц.

Мысль о том, чтобы назвать эту девушку своей и только своей, показалась вдруг невероятно привлекательной. Конечно, с политической точки зрения, Тэруко Ясуката — незавидная партия. После реставрации династии Риндзин за ней больше не стоит ни трона Оясимы, ни реальной власти. Но к демонам все соображения выгоды: Джин хочет жениться именно на ней! Чтобы целовать, опекать, заботиться, брать каждую ночь.

А тайна? Да Маго-Хельми с этой тайной! Ему приходилось совершать не самые красивые поступки и принимать сложные решения, но подлостей или ненужной жестокости за собой Джин не помнил. И Тэруко — взрослая девочка, она знает, что путь власти не всегда усыпан розами.

Он взглянул на небо и прикинул, что к Шаньчжу они доберутся еще до заката. Может, сразу поехать в храм? Нет, лучше сперва отмыться и выспаться. И хорошо бы как-то торжественно обставить предложение — женщины любят красивые жесты, а Тэруко досталось слишком мало ухаживаний с его стороны. Если бы не Мия...

Если бы не Мия и не дурное решение жениться на ней вопреки воле отца, Джин не стал бы пренебрегать своей невестой. Разглядел бы ее куда раньше. Ее настоящую: смелую, порывистую, добрую и глубоко в душе отчаянно неуверенную в себе. Слабость, которую принцесса успешно прятала потому, что однажды ей кто-то велел всегда быть сильной.

Ничего, с ним она сможет быть и сильной, и слабой. Такой, какой захочет сама.

***

Они въехали в Шаньчжу, когда солнце уже опускалось за горизонт. Стражники на городских воротах — местные, не из войска принца — узнали принца и засуетились. Тэруко с раздражением наблюдала, как они прыгают и кланяются. Ей хотелось только одного: добраться до постели и закрыть глаза.

Джин, разделявший ее чувства, не стал слушать поток заверений в верноподданических чувствах.

— Потом, все потом, — резко отмахнулся он. — Открывай ворота.

Весть о возвращении принца летела впереди них. Из окрестных домов высыпал народ. Толпился, косился и показывал пальцами. Тэруко ежилась под пристальными взглядами горожан и еле сдерживалась, чтобы не торопить коня.

— Почему они так смотрят? — не выдержала она.

— Сам не пойму, — мрачно отозвался Джин. — Такое чувство, что за эти два дня что-то случилось.

Почетный эскорт из военачальников во главе с генералом Бао встретил их на рыночной площади на полпути к дворцу. Завидев Джина, генерал спешил.

— Ваше величество...

Лицо Джина побелело.

— Тхан? — тихо спросил он.

— Глашатаи принца Мина объявили, что Тхан аль Самхан, обвиненный в убийстве отца и заключенный под стражу, скоропостижно скончался от неизвестной болезни, — зычный голос генерала был хорошо слышен на вечерних улицах. — Принц Мин готовится к коронации. Нам предложено сложить оружие и сдаться или же все мы будем объявлены бунтовщиками без права на помилование. Наше имущество будет изъято на нужды империи, а родные сосланы на каторгу.

Принц выслушал эту речь молча, вцепившись побелевшими пальцами в поводья коня.

— Ваше величество, — генерал упорно продолжал именовать Джина так, подчеркивая свою лояльность. — Время объявить народу о снятии проклятья.

“Или сложить оружие”, — недосказанная фраза повисла над площадью.

— Вижу, — коротко обронил Джин. А потом обернулся.

Город ждал. Люди заполнили переулки, выглядывали из окон. Над толпой витал негромкий отчетливый ропот.

— Слушай меня, народ Самхана, — оказывается, когда нужно Джин умел говорить очень громко. — Я — Джин Хо ланг-И аль Самхан, старший сын покойного императора, объявляю о своих правах на трон по праву крови и силы. Мое происхождение — достойно, а намерения чисты. И да будет свидетелем тому изначальное пламя.

Принц вытянул перед собой правую руку, и широкий огненный столб ударил с раскрытой ладони в небеса. Рдеющий поток пламени отчетливо был виден в сгущающихся сумерках.

На мгновение на площади повисла оглушительная тишина.

— Слава императору Джину, — выкрикнул генерал и ударил мечом в щит.

— Слава! — взорвалось криками воинство за спиной принца.

Гром ударов нарастал в едином слаженном ритме, похожий на звук биения сердца.

Лошадь под Джином дернулась, напуганная то ли громкими криками, то ли близостью пламени. Принц выругался сквозь зубы и вцепился свободной рукой в поводья, всеми силами пытаясь удержать своенравное животное.

Если сейчас взбрыкнувшая скотина скинет седока под ноги горожанам, весь эффект от речи и красивой демонстрации силы пойдет псу под хвост!

Эта мысль промелькнула, когда Тэруко уже прыгнула на землю и подбежала, чтобы перехватить поводья. Конь всхрапнул и попытался ее укусить, но принцесса была настороже.

— Тише, тише, — прошептала она, сунув недовольному жеребцу черствую рисовую лепешку.

Подачка помогла, или лошадь сама по себе привыкла к громким звукам, но конь прекратил приплясывать. Тэруко обернулась на толпу и у нее перехватило дыхание.

Один за другим горожане опускались на колени перед Джином, признавая власть нового императора.

ГЛАВА 20

Дорогу до дворца она запомнила урывками. Вокруг Джина как-то резко объявилось множество всадников, и у каждого было срочное дело. Они оттеснили Тэруко в сторону. Наверное, и вовсе прогнали бы, если бы не Джин, вовремя заметивший ее отсутствие.

На пороге дворца девушка пошатнулась.

— Держись, — шепнул Джин, обнимая ее за плечи. Сам полумертвый от усталости.

Опираясь на мужчину, принцесса добрела до комнаты и рухнула на кровать. С отстраненным любопытством наблюдала, как Джин зажигает фонарь, как собирает какие-то бумаги. Мысли текли вяло, медленно.

— Это твоя комната?

— Теперь моя, — он пробежался взглядом по очередному исписанному листу, смял и заставил вспыхнуть. — Но ты спи. Я уйду, чтобы не мешать.

— А ты не ляжешь?

— Не могу. Нужно отправить демонову кучу писем и разобраться с делами. Сейчас такое начнется... сама видела, что было на площади. Спи, малыш. Я приду к тебе позже, — он нагнулся и легонько чмокнул Тэруко в губы. — И спасибо, что придержала лошадь. Если бы я вылетел из седла, это был бы полный провал.

— Я же твой оруженосец, — пробормотала принцесса. Глаза закрылись, будто сами собой, и Тэруко нырнула в сон, как в теплую воду.

***

— Ты!!! — Вдовствующая императрица-консорт ворвалась в комнату, не постучавшись.

— Да, матушка? — Мин аль Самхан поднял голову от разложенных на столе бумаг и наградил женщину любезной улыбкой.

— Ты сделал это?! — красивый грудной голос Сунан аль Самхан задрожал, а в глазах блеснули слезы. В этот момент она походила не столько на довольную хищницу, сколько на убитую горем немолодую женщину.

Брови младшего принца взмыли вверх в гримасе преувеличенного недоумения.

— О чем вы, матушка?

Горе на лице императрицы мгновенно сменилось яростью.

— Не смей делать вид, что не понимаешь! — прошипела она. — Тхан — твой брат!

— Был моим братом, вы хотите сказать? — насмешливо пропел принц. — К несчастью, он умер.

Из груди женщины вырвалось сдавленное рыдание. Она стремительным шагом пересекла комнату и замахнулась.

— Не стоит, матушка, — мягко пожурил ее принц, перехватывая руку. — Негоже женщине поднимать руку на будущего императора. Это могут счесть покушением.

— Как ты мог?!

— О, — злая улыбка скользнула по губам принца. — Это было нетрудно. Я хорошо

разбираюсь в ядах.

Сунан издала отчаянный крик и попыталась вцепиться когтями в лицо сына, но Мин снова с легкостью поймал ее запястья. Она рычала и пыталась вырваться, но принц удерживал мать. На его безупречно-красивом лице, покрытом белой пудрой, отражалось любопытство и легкое сочувствие. И только взгляд — оценивающий и цепкий — полнился злорадством.

— Пусти! — прорыдала Сунун.

— Как только вы успокоитесь, матушка, я сразу же вас отпущу. Очевидно, что вы несколько расстроены смертью моего брата, — принц ядовито ухмыльнулся. — Скорблю вместе с вами.

Императрица глотнула воздуха. И уставилась на своего младшего сына так, словно видела его впервые.

— Ты ли это? — потерянно спросила она. — Это так не похоже на тебя, Мин...

Походивший на дорогую фарфоровую куклу молодой мужчина зло рассмеялся.

— Матушка, вы действительно полагаете, что знаете, какой я? — вкрадчиво спросил он. — И какой же?

Капризный, изнеженный, трусоватый. Всегда послушный, всегда на ее стороне, поэтому скучный. Подражающий ей во всем. Коварство Мина — отражение ее любви к интригам, его жажда власти — тень ее амбиций.

Ей хотелось девочку. Родить только для себя, чтобы никто не смел отобрать ребенка, как случилось с Тханом. Но боги послали Мина. Первое время императрица квохтала над ним, как наседка над цыпленком. Сама занималась воспитанием, к счастью, нелюбимому мужу хватало первенца и Тхана. Сунан радовалась тому, как поздно и медленно Мин вырослел. Даже преодолев порог, отделяющий ребенка от юноши, младший сын остался похожим на красивую куклу. Радостно перенимал ее любовь к изысканным нарядам, украшениям и мужчинам.

То ли сын, то ли дочка. Она даже не стеснялась обсуждать с ним своих любовников!

— Сядьте, матушка. В вашем возрасте вредно долго стоять, — Мин толкнул ее в кресло с неожиданной силой. — Сядь, я сказал, — повысил он голос, когда она попыталась встать. — И слушай.

Женщина стиснула пальцами подлокотники, не отрывая взгляда от принца. В ее душе легкое пренебрежение начало уступать место страху.

— Я пытался, — заговорил Мин. — Видят боги, я очень долго пытался привлечь ваше внимание, матушка. Старался так, что стал всеобщим посмешищем. Только это бесполезно. У отца всегда был Джин, у вас — Тхан. Будущий правитель. А что остается ненужному младшему брату? Наряды и косметика — его голос опустился ниже, стал походить на шипение змеи. — Вы готовы были любить меня до тех пор, пока я — милая послушная игрушка.

Он навис над ней. Улыбка превратилась в безобразную гримасу, изуродовала красивое лицо. И Сунан внезапно осознала, что ее младший, женственный сын, которого она никогда не воспринимала всерьез, на самом деле — молодой мужчина. Выше ее на две головы и много сильнее, несмотря на праздный образ жизни.

— Но я не игрушка, я — игрок. Если вы всегда любили власть, то возможно мне стоит стать властью, чтобы вы полюбили меня?

— После того, как ты убил моего старшего сына, — глухо спросила императрица. — Ты

— чудовище.

Мин пожал плечами.

— Я бы пощадил его, если бы он подписал отречение, — он развел руками. — Или нет? Понимаете, матушка, император не может позволить себе мягкосердечие, его слишком легко принять за слабость.

— Император?

— Коронация через две недели, как только истечет минимальный срок траура. У меня же брат умер, как-никак, — он фальшиво вздохнул. — Зато есть время, чтобы все подготовить. Вам придется постараться, чтобы организовать торжество на должном уровне, но вы всегда любили сложные задачи, не так ли?

Она подняла на него не верящий взгляд и горько рассмеялась.

— Ты ждешь, что я буду заниматься твоей коронацией?!

— Будете, матушка. Обязательно будете, — принц положил руку ей на плечо и подмигнул. — А то ведь может всплыть, кто на самом деле убил его покойное величество. Будет очень неловко, если окажется, что к этому причастна скорбящая вдова.

— У тебя нет доказательств!

Мин выразительно приподнял бровь:

— Вы действительно так полагаете?

— Ты чудовище, — повторила императрица с тихим отчаянием.

— Я — всего лишь сын своей матери, — он выпустил ее плечо. Отошел к зеркалу, расправил веер, разглядывая свое отражение. — И, кстати. Власть — слишком большая обуза для женщины ваших лет, матушка. Я, как заботливый сын избавлю вас от лишних хлопот и решений.

— Хорошо, — тяжело отозвалась женщина. — Я организую твою коронацию. А потом я хочу уехать.

— Куда?

— В провинцию Фэ. Твой отец подарил мне Белый дворец у озера.

Принц задумался. А потом покачал головой.

— Не могу вам этого позволить. Да и что вы будете делать в провинции? Вы же заболаете там со скуки. В столице приемы, торжества. К тому же женская половина дворца все еще в вашем распоряжении. Фрейлины нуждаются в надзоре. Вы ведь любите распоряжаться фрейлинами и устраивать праздники, не так ли матушка?

***

Проснулась Тэруко, как и засыпала, в одиночестве. Джин или не приходил, или приходил, но уже ушел.

Судя по солнцу, время приближалось к полудню. Принцесса выглянула в окно, полюбовалась на снующих по площади военных. Сразу вспомнился вчерашний вечер. Ровные удары, выкрики “Слава!” и народ, встающий на колени.

Получается, Джин теперь император? Ну, будет императором, когда победит в своей войне.

А Тэруко кем будет для него?

Она так и не набралась смелости задать принцу этот вопрос. В горах было страшно, а потом, когда выбрались к людям, стало некогда.

Девушка закрыла окно и огляделась. Покои поражали роскошью, от которой она совершенно успела отвыкнуть за время своих скитаний. Золоченые статуи, пышная кровать

под балдахином, мебель из драгоценных пород дерева. Должно быть, раньше эта комната принадлежала самому наместнику.

У противоположной стены имелось зеркало. Тэруко шагнула к нему и отшатнулась. Из полированной глубины на нее глядело чучело. Спутанные грязные волосы, невзрачная и мешковатая одежда не по размеру, да еще и лицо чумазое в дорожной пыли. Даже не умылась вчера перед сном.

Неудивительно, что Джин сбежал от нее с утра.

Вымыться оказалось не такой уж простой задачей. Бывший дворец наместника теперь напоминал казарму: в коридорах то и дело встречались офицеры, из каждой комнаты доносились голоса, пахло мужским потом, кожей и почему-то лошадьми. Спали, ели и мылись, как и в полевом лагере, все вместе. Горячая вода была роскошью, немногочисленные слуги и так сбивались с ног, пытаясь удовлетворить нужды господ офицеров.

Но Тэруко еще не настолько сошла с ума, чтобы придаваться водным процедурам в компании десятка мужчин! К счастью, в соседней комнате обнаружилась личная ванная наместника, похожая на небольшой бассейн глубиной по грудь. Девушка поймала служанку и потребовала наполнить его водой. При этом принцесса сумела быть настолько убедительной, что у женщины не возникло и тени сомнения в праве Тэруко распоряжаться.

Она понадеялась, что стосковавшиеся по горячей ванной мужчины все же не рискнут ломиться в личные покои принца, но прогадала. Принцесса успела вымыть голову и с наслаждением отскребала себя мочалкой, когда дверь распахнулась, и в помещение влетел Юн. Голый, если не считать полотенца, обернутого вокруг бедер.

— Привет, Рю, ты уже вернулся?! — зататорил он с порога. — Ты куда пропал?! По поручению его высочества уехал, да? Я так и подумал. Слышал, что вчера было? Его высочество перед всем народом объявил себя императором и разбудил вулкан. Как жаль, что я этого не ви... — он оборвал скороговорку на полуслове и уставился на прикрывшуюся принцессу с недоумением. На простодушном мальчишеском лице отразилась напряженная работа мысли.

— Э-э-э, Рю? — неуверенно спросил оруженосец. — Это ты?

— Выйди, или я буду визжать, — она сумела произнести это так спокойно, что сама себе поразилась.

Услышав высокий женский голос Юн вспыхнул, став похожим по цвету на вареную креветку.

— Извини... те, — выдавил он и ретировался.

Когда за оруженосцем захлопнулась дверь, Тэруко истерически рассмеялась. Ну вот и все. У Юна язык без костей, к вечеру все войско будет в курсе, что оруженосец Рю на самом деле — девчонка.

— Вот ты где? — буквально парой минут спустя в помещение заглянул Джин.

Принцесса снова возмущенно скрестила руки на груди:

— Ты мог бы стучаться?

То, что было между ними в пещере еще не дает ему права врывать в любой момент.

— Прости, — Джин оперся о стену и прикрыл глаза. Вид у него был измученный, под глазами залегли черные круги. — Устал, как мул. Начинаю делать ошибки, забывать простые вещи. Слишком много всего приходится держать в голове.

— Ты так и не спал? — потрясенно спросила девушка.

— Спал два часа. Мало.

В глаза бросился костюм принца. Белый с черной каймой. Траурный наряд.

— Заканчивай и одевайся, — продолжал Джин, опуская на низкий столик сверток с одеждой. — Будет безопаснее, если тебя продолжат считать моим оруженосцем. Постарайся себя не выдать.

Тэруко виновато улыбнулась.

— Юн меня видел.

— Я поговорю с ним. Поторопись, — он помассировал виски и сообщил буднично, словно говорил о погоде. — Через час мы выдвигаемся.

— Куда?

— В ущелье. Ночевка будет с той стороны хребта.

И ушел, оставив ее потрясенной и растерянной.

***

Войско покидало Шаньчжу спешно, но дисциплинированно. Отряд за отрядом вливался в широкий проем ущелья, по трещине в теле хребта текла человеческая река.

Шли налегке, оставив в Шаньчжу катапульты и часть обоза. Важно было преодолеть извилистое ущелье до темноты. Условий для ночевки многотысячной армии в Лонг Юй не было.

Тэруко в мальчишеском наряде и легком кожаном доспехе, с туго забинтованной грудью была почти не отличима от оруженосца Рю. Да, стала чуть ниже, мельче, но кто приглядывается к этим мальчишкам, у которых и усы не растут?

Как и велел Джин, она держалась за ним, порой бросая тревожные взгляды в сторону принца. Ей не нравилось, как он выглядит. Совсем себя не бережет!

Ехавший рядом Юн молчал и поминутно косился на девушку, что очень раздражало. После часа пути девушка не выдержала и сердито повернулась к оруженосцу:

— Ну что?!

— Ничего, — парень вздргнул, отвел взгляд в сторону. И снова уставился на нее. — А ты правда девчонка, Рю, — нерешительно спросил он, понизив голос.

— Да, — коротко ответила Тэруко, решив не вдаваться в подробности.

— Но... я помню, мы ходили на речку. И, — он сглотнул и уставился на ее грудь. Как будто, там было на что смотреть под бинтами и свободной одеждой.

Она вздохнула.

— На мне было проклятье. Его удалось снять.

Глаза Юна вспыхнули.

— Я понял! — завопил он так громко, что на них стали оборачиваться, а Тэруко сердито зашипела. — Прости, — шепотом продолжил оруженосец. — Я понял! Ты Тэруко Ясуката! Жена его высочества!

“Не жена, — мысленно ответила ему Тэруко. — Я вообще не знаю, кто я ему.”

Нужно было заводить об этом разговор там, в пещере. Или у реки. Когда Джин принадлежал только ей одной и смотрел так, словно ничего важнее и интереснее Тэруко нет в целом мире.

А сейчас на нем армия, военачальники, солдаты, целая страна. Ему не до своей бывшей жены. И даже спрашивать неловко. Джин такой измученный. А еще он горюют по брату. Скрывает, но все равно видно.

Нет, Тэруко не станет добавлять любимому проблем. Вопросы подождут.

Чтобы не вдаваться во все эти сложности, она просто кивнула.

— Так что же? — расстроено спросил оруженосец. — Мне нос какая-то девчонка расквасила?

Несмотря на мрачные мысли, Тэруко рассмеялась.

— Не какая-то, — гордо подбоченясь, ответила она. — Я — принцесса Оясимы и дочь самурая. Отец с пяти лет учил меня сражаться.

— Поня-я-ятно, — протянул Юн, все еще разглядывая Тэруко, словно неведомую зверушку. — А что ты в городе не осталась?

— Потому что я — оруженосец Джина.

— Но ты же девчонка! И его жена.

— Ну и что?

Сраженный силой аргумента, оруженосец замолчал, а потом вдруг выдал совершенно невпопад:

— А ты очень красивая. Повезло его высочеству...

ГЛАВА 21

Потянулись дни, заполненные скудным походным бытом. Дорога, топот копыт, короткие стычки и снова дорога в пылевой взвеси.

Старший принц аль Самхан больше не устраивал многодневных осад, он брал города с ходу. Дипломатия и оружие, подкуп, посулы и обман — все шло в дело.

В войске появлялось все больше раненых. Их оставляли на попечение жрецов в очередном городе, перешедшем под знамена принца. Вербовщики работали не покладая рук, на место одного убитого или раненого, становилось трое новых воинов. Армия Джина катилась через Самхан подобно снежному кому, обрастая по пути людьми и обозами.

Армия катилась, а впереди нее летели слухи. Говорили, о древнем пророчестве. О могучем потомке бога, одаренном особой властью. О грядущем пробуждении Огненного пояса — цепочки дремлющих вулканов, опоясывающих внутренние провинции Самхана. Вулканы и вправду пробуждались раз в несколько сотен лет, грозя выжечь все живое на сотни ли вокруг, и только сила крови аль Самхан была способна усмирить буйство стихии.

В каждом городе принц созывал толпу, чтобы повторить трюк с огненным столбом, и в каждом требовал от горожан присяги. Подданные, впечатленные властью над пламенем, охотно опускались на колени.

Слухи казались Тэруко удачным совпадением или милостью богов, пока однажды она не услышала, как Джин инструктирует приведенных к нему бродячих сказителей. Принц и не думал отпираться.

— Это — гражданская война, малыш. Война за души. Кого поддержит народ, тот и прав.

Воевал за души он умело. Перешедшие на сторону принца города и чиновники сохраняли свои богатства и даже преумножали их за счет тех, кто решился все же оказать сопротивление.

Только сейчас принцесса поняла, что первые недели, которые она провела в армии, были больше похожи парад, игру в войну.

За хребтом игры кончились.

Дни были заполнены звуками сигнального рога, скрипом обозных телег и лошадиным ржанием. Вскочить с утра пораньше, помочь воинам сняться. Долгий путь среди однообразных пейзажей: рисовые поля, отроги гор, реки, низенькие глинобитные лачуги.

Сражения, после которых нужно перевязывать раненых и хоронить убитых. И снова в путь, пока садящееся за хребет солнце не окрасит поля алым и не придет время спешно ставить новый лагерь.

Дорога... Глаза бы на нее не смотрели! Опостылевшая, надоевшая до чертиков, но никуда от нее не деться. Однообразные, бесконечные ли. Топот копыт, запах кожи и лошадиного пота. Даже когда Тэруко закрывала глаза, она снова видела ямы и колдобины на утоптанном тракте. И ночами, ей снилась проклятая дорога в клубах пыли.

Победы принца не радовали. С каждым новым городом Джин становился все мрачнее.

— Мин что-то затевает, — поделился он, когда Тэруко пристала с расспросами. — Мы ни разу не встретили серьезного сопротивления, только местные гарнизоны. У него почти сорок тысяч человек. Где они все?!

— Ждут на подступах к столице? — предположила Тэруко. — Но это глупо...

Нет ничего глупее, чем отдать врагу страну со всеми ресурсами и людьми, а потом надеяться победить.

— Вот именно. Мин не военный, но он не идиот. И у его генералов есть голова на плечах.

Но что бы ни двигало узурпатором — глупость или тонкий расчет, старший принц аль Самхан спешил воспользоваться возможностью и методично присваивал город за городом.

Хоть принц и настоял, чтобы Тэруко ночевала в его палатке, они почти не общались. Ему всегда было некогда, он всегда куда-то спешил. Принимал доклады, отправлял письма, отдавал приказы. Джин приползал в палатку, чтобы рухнуть на циновку, проспать несколько часов, обняв Тэруко, и снова умчаться. Ни душевных разговоров, ни ласк. Ничего серьезнее поцелуев.

Его можно было понять. И все же Тэруко чувствовала, что начинает по-настоящему ненавидеть эту войну.

Для всех прочих она продолжала оставаться оруженосцем Рю. Пару раз офицеры пытались пошутить по поводу ее переезда в палатку принца. Это было неприятно, но девушка сдерживалась. Понятно, что на каждый рот замок не навесишь.

А вот Юн этого не понимал.

Услышав первую сальную шуточку подобного рода, он взбесился и потребовал, чтобы похабник попросил у Рю прощения.

— С чего бы мне извиняться за правду? — лениво спросил десятник — здоровый мужик, вдвое больше и старше Юна. — Я бы и сам этого оясимского парнишку нагнул — больно хорош. Ну чисто девочка, грех не всунуть.

Окончательно потерявший терпение оруженосец все-таки полез в драку. И получил от души, без скидок на юный возраст.

— Зачем ты с ним связался? — упрекнула его Тэруко, смазывая его синяки. Разукрасил десятник Юна от души, всеми оттенками фиолетового.

— Захотелось. Еще раз скажет, снова врежу!

— Дурак ты. Он же сильнее.

Юн упрямо мотнул головой.

— И что? Пусть держит свой поганый язык за зубами, — неожиданно зло и с какими-то очень взрослыми мужскими интонациями отозвался он. — Если кто посмеет про тебя гадости говорить — получит в морду.

Тэруко вздохнула и отправилась жаловаться Джину. Тот выслушал и кивнул. На

следующий день сволочной десятник был бит палками и разжалован в рядовые. За драку.

А с Юном продолжало происходить что-то странное. Тэруко готова была поклясться, что приятель ее опекает и охраняет. Он постоянно терся рядом, перехватывал у нее тяжелую работу, следил, чтобы принцессе достался кусок поаппетитнее при раздаче. И вообще всячески заботился. Как мог.

Вот только общаться с оруженосцем теперь стало сложно. Разговаривая с Тэруко всегда бойкий, не лезущий за словом в карман мальчишка отчаянно смущался и становился косноязычным. И смотрел на нее как-то странно. Ну, почти как на Джина.

— Это ты ему велел? — спросила она у принца как-то вечером.

— О чем ты?

— Ты велел Юну опекать меня.

— Я? Нет... — Джин нахмурился. — Кстати, хорошая идея.

А сам Юн, стоило с ним завести разговор об этом, покраснел и сбежал.

К сражениям Джин ее не подпускал и близко. Специально несколько раз повторил, что категорически запрещает, и если она полезет в битву, в тот же день отправится на родину. Так что все, что оставалось Тэруко — это перевязывать раненых, обеззараживать воду, чтобы не допустить новой эпидемии и помогать на лагерных работах.

Она так и не решилась спросить у принца, кто она для него. Что он собирается делать, когда война подойдет к концу? Каждый день хотела, каждый день обещала себе задать вопрос. И молчала. Оправдывалась перед собой, что Джин слишком устал для серьезных разговоров.

Джин действительно уставал. Он осунулся, почти перестал шутить, порой засыпал, сидя над чашей с рисом, и часто смотрел сквозь Тэруко, словно она была прозрачной.

Принцесса стискивала зубы и приказывала себе терпеть. Сама напросилась.

***

— Войско обогнет Бай Сьян вот здесь, — ухоженный ноготь с безупречным маникюром прочертил широкую дугу на карте. Ты встретишь его тут, Дунг.

Генерал — сорокалетний мужчина, кряжистый и коренастый — хмуро кивнул. Он ничего не сказал, но на его смуглом лице и без того читалось все, что он думает об императорах, которые отсиживаются в столице, отправляя за себя воевать других.

Война была правом и почетной обязанностью семьи аль Самхан. Владеющие разрушительной огненной магией, способные разбудить вулканы и обрушить на противника их пылающую мощь правители всегда сами вели войска в бой.

Так поступил принц Тхан год назад, когда войска Оясимы высадились на побережье и начали грабить города. Так воевал его отец тридцатью годами раньше.

— Вы уверены, что они не пойдут через долину, ваше величество? — уточнил он. — Это самый короткий путь.

Новоявленный император успокаивающе улыбнулся

— В долине будет жарковато, — промурлыкал он. — Мои люди доносят, что Младший Лю готов проснуться. Вот незадача случится, когда окажется, что избранный богами наследник неспособен усмирить даже этого малыша.

Генерал кивнул. Ему не нравился двуличный и манерный Мин, он всей душой симпатизировал старшему принцу. Но не воинская доблесть давала потомкам аль Самхан право повелевать. Сила крови, наследие бога огня.

Генерал знал Джина и помнил историю его проклятья, потому не верил ползущим по

стране слухам.

— А как же люди в Бай Сьян?

— После твоей победы я прибуду, чтобы спеть в долине колыбельную. Ты можешь идти, Дунг.

— Ты так уверен, что вулкан проснется? — раздался голос Сунан, стоило генералу покинуть комнату.

— Возможно, ему что-то немного поможет, — задумчиво пробормотал Мин, поглаживая Сердце Огня — рубин в форме головы тигра, высший знак власти. С тех пор, как старый император умер, младший отпрыск аль Самхан не расставался с артефактом. — Что-то или кто-то.

Сунан выглянула из-за ширмы. Мин скользнул взглядом по женской фигуре и испытал уже привычное раздражение.

Смерть Тхана подкосила мать. Она больше не напоминала блистательную хищницу. В глазах вместо вызова застыла тоска, морщинки стали заметнее, плечи опустились, словно под тяжестью невидимого груза. Прическа и макияж вдовствующей императрицы оставались безупречны, но что-то в том, как она двигалась, как смотрела, неумолимо выдавало отнюдь не юный возраст женщины. И белое траурное одеяние ее старило.

Интересно, стала бы она так горевать, если бы умер Мин? Он отчего-то был уверен, что нет.

— А сможешь ли? — с ядом в голосе спросила Сунан. — Ты никогда не был хорош в магии.

Мин скривился. Хоть и смирилась, а все равно не упускает случая уколоть. Природу не изменить.

Сможет. Будить чутко дремлющий вулкан не так-то сложно. Усыплять — гораздо труднее. Но у него будет время и Сердце Огня, из которого можно черпать силу.

— Я далеко не такой бездарь, как вы всегда полагали, матушка.

Мин пытался бороться со слухами. Распускал свои. Но легенда о проклятом богами вырожденке, который приведет Самхан к гибели не пользовалась успехом. Народ, любивший Джина, куда охотнее верил в сказки старшего брата.

Даже случившаяся третьего дня коронация — поспешная и недостаточно царственная — не поправила положения. Собравшаяся на дармовое угощение и щедрую милостыню толпа, конечно, надрывала глотки, славя нового императора, но Мин не был наивен, и понимал цену этим восторгам.

Хорош император! Пока он разбирался с Тханом и Сунан, ловкий старший братец оттяпал половину страны, и примеривался захватить остальное. Войдет Джин с войском в столицу, и чернь с тем же рвением будет приветствовать его. Шакалы!

Трон оказался фальшивкой. И пусть никто не обещал немедленного обожания народа после коронации, Мин ощущал себя обманутым. Власть не принесла любви матери.

Немного утешали льстивые улыбки придворных. Подхалимы еще до коронации почувствовали, как изменилась расстановка сил и, позабыв о вдовствующей императрице, спешили заверить Мина в своих верноподданических чувствах. Подобострастные взгляды, взаимные наветы и кляузы, которыми лизоблюды осыпали новоявленного императора, были бальзамом для его сердца. Мин любил интриги. Он признавал, что не создан для ратных подвигов, и пытался воевать тем оружием, которым владел лучше всего.

Задумка с вулканом была хороша. Усмирять огонь — долг хозяина этой земли. Один

отказ, и от Джина отрекутся самые преданные союзники.

— А если он сумеет его усыпить? — эхом на его мысли откликнулась Сунан.

— Усыпить? Не смешите меня, матушка. Даже если он действительно снял проклятье, магии нужно учиться. Усыпить вулкан, это не фокусами толпу развлекать, — на раскрытой ладони Мина взвился язык пламени. Взвился и погас. — Я пять лет учился этому под руководством отца. Нет, если он не дурак, то поведет войско в обход и пустит слух, что его не было рядом с извержением.

— А вдруг Джин все же решится? И сможет? — императрица злорадно улыбнулась.

— Вам бы хотелось этого, матушка?

Она медленно покачала головой.

— Его я ненавижу больше, чем тебя.

— Приятно встретить обезоруживающую честность! — Мин картинно вздохнул. — Большая редкость в наши дни. Что же, я давно не надеюсь на вашу любовь, ненависть тоже по-своему занимательна и греет не меньше... Кстати, о любви. Думаю, можно смело сказать, что мой мятежный брат наконец-то познал это светлое чувство. Он не отпускает своего оруженосца ни на шаг. Мальчишка даже ночует в его палатке, — в слегка раскосых зеленых глазах мужчины загорелся огонек. — Этим стоит воспользоваться.

— Что ты собираешься сделать?

— Любовь — слабость. А на слабости можно сыграть.

***

Три брата Лю — так называли в народе горную гряду, идущую вдоль долины Бай Сьян. Старший и средний давно отбушевали свое, и не первое столетие спали беспробудным сном. А вот младший дремал чутко. Вскрапывал, плевался в небо вонючими клубами дыма, а то и порывивал, намекая на скорое и страшное пробуждение.

Но дальше угроз много лет дело не шло, а жители Сьянду и окрестных деревень привыкли жить в тени вулкана. Слишком давно просыпался Младший Лю последний раз, слишком богаты серебром были окрестные горы. Поделки мастеров из Сьянду славились далеко за пределами империи.

Гонец прискакал затемно. Спешился, выкрикивая имя Джина, без страха отдался в руки капитана Цао. На вопросы отвечал торопливо, взхлеб. И умолял позволить ему лично увидеть посланного богами избавителя от огненной напасти.

В глазах вестового плескался ужас.

Выслушав его, Цао долго сомневался, но решил все же разбудить его высочество. Не выспавшийся и хмурый принц расспросил гонца, помрачнел еще больше и задумался.

Сколько у него шансов остановить разбушевавшуюся стихию? Один к десяти в лучшем случае. Джин одарен и силен — сильнее братьев. Но его никогда не учили пользоваться этой силой. То немного, что он умел, освоил сам, после того как проклятье спало. Ценой знания стали ожоги и пожары.

Усмирять вулканы — высшая ступень мастерства. Разве возможно для самоучки справиться с подобным? Если он не справится и погибнет, то подведет всех, кто поверил в него и пошел за ним.

А если откажется?

Залитая лавой долина, уничтоженные города и деревни, человеческие жертвы. И уничтоженная репутация. Поползут слухи, из войска побегут дезертиры. Города перестанут сдаваться легко, как доступная девица, что ломается только для вида. Отказавшись, он

уничтожит веру людей в него, а значит проиграет.

— Буду через час, — коротко сказал Джин. И пошел одеваться.

Тэруко проснулась от позвякивания оружия. В палатке стояли густые сумерки, за тонким полотнищем еле брезжил рассвет. Полностью одетый Джин затягивал на поясе перевязь с мечом.

— Ты куда? — она зевнула и села. Вчера выдался длинный переход и несколько кровавых стычек, а потом вместо того, чтобы ложиться спать Тэруко до двух ночи ждала Джина, который устроил очередной военный совет.

И вот теперь еще не рассвело толком, а его уже куда-то несет.

— Я разбудил тебя? — он опустился на постель рядом, притянул ее к себе — теплую, мягкую, сладко пахнущую. Зарылся лицом в волосы, медленно спустился с поцелуями вдоль тонкой шеи.

Некстати мелькнула мысль, что между ними так ничего и не было серьезней поцелуев и ласк в пещере. Джин отчаянно хотел, но так и не овладел ею.

И не женился. Все время что-то мешало. Война, будь она неладна. Война и траур.

“Если сегодня я надорвусь и сдохну, надо мной в аду будут хохотать все, начиная от владыки Янь Ло и заканчивая чертями нижнего ранга”.

— Спи, малыш, — прошептал он в перерывах между поцелуями. — Мне нужно уехать.

— Я с тобой!

Этого еще не хватало!

Нет, она останется здесь. И в случае, если Джина постигнет неудача, немедленно отправится на побережье с отрядом верных людей.

— Я ненадолго, — соврал он, прижимая к себе девушку. — Через пару часов вернусь.

А не вернется, с нее станется отправится на поиски, когда обещанный срок истечет. Надо будет предупредить Цао, чтобы не выпускал. Если с Тэруко что-нибудь случится...

Джин сам не понял, когда и как она стала для него настолько близкой и важной, но мысль о том, чтобы лишиться упрямой, дерзкой, любящей поспорить девчонки была невыносима. Принц считал, что знаком с любовью, но то, что он испытывал к Тэруко, было куда сложнее смеси восхищения и страсти, которую он чувствовал когда-то по отношению к ее сестре.

Да, Тэруко — не похожа на идеальную императрицу Оясимы, и что с того? Ранимая и колючая, живая, искренняя и яркая принцесса казалась ему прекрасной и в своих достоинствах, и в своих недостатках.

Ему хотелось заботиться о девушке и учить ее. Приручить, добиться доверия. Обнимать засыпая, просыпаться рядом. Подтрунивать, отвечать на наивные вопросы, целовать, предвкушая, что когда-нибудь все это закончится, и у них будут дни и недели только для двоих.

Это не имело общего с похотью — Джин так выматывался, что мысли о сексе не вызывали ни малейшего отклика. Просто рядом с ней было хорошо. Тепло от ее любви и веры в него. Тэруко нравилась ему даже когда злилась — очень уж забавно и по-детски у нее это выходило.

Он боялся, что в походе с ней будут проблемы, но принцесса вела себя образцово. Чувствовала, когда он устал, и не лезла с вопросами. Не жаловалась, не спорила, да еще и стремилась ободрить, поддержать.

— Я вернусь, — еще раз пообещал он. Скорее себе, чем ей.

И мысленно поклялся, что если его безумный план завершится успехом, жениться на ней в тот же день.

ГЛАВА 22

Предчувствие беды так и не дало уснуть. Через полчаса после ухода Джина Тэруко выбралась из палатки и увидела небо.

Оно ей очень не понравилось.

Догадка о том, что исчезновение Джина, медленно расплзающаяся по небосводу черная туча и запах тухлых яиц в воздухе связаны подтвердилась, стоило ей попытаться покинуть лагерь.

Капитан Цао был сама любезность. А также сама непреклонность.

— Ваше высочество, у меня четкие инструкции от принца

Тэруко вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

От Джина, разумеется. Мало того, старый вояка “порадовал” неприятной новостью: возможно, совсем скоро Тэруко в его компании отправится к побережью, где будет вынуждена сесть на корабль, идущий в Оясиму, поэтому, не угодно ли принцессе уже сейчас собрать вещи?

Тэруко не была душой и мгновенно поняла, что это значит.

— Хорошо, капитан, — с притворным смирением согласилась она. И отправилась искать Юна.

Поначалу оруженосец уперся и ни в какую не желал помогать ей с побегом. Твердил, что для Тэруко безопаснее в лагере, и он себе не простит, если с ней что-то случится. Угрозы и приказы на него не действовали. Тогда девушка, повинувшись какому-то внутреннему чутью, схватила Юна за руку и начала горячо умолять о помощи.

Принцесса. Оруженосца. Умолять.

Узнает кто, только со стыда сгореть останется.

Но это подействовало. О, еще как подействовало. Юн покраснел, потом побледнел. Попытался сбежать. Тэруко почувствовала, что цель близка и усилила нажим.

— Пожалуйста, — повторяла она, подвигаясь к мальчишке куда ближе, чем позволяли приличия. — Ты же мой друг, Юн. Я никогда этого не забуду.

И откуда взялось все это? Нежные интонации, взгляд снизу вверх — страстный и робкий одновременно. Понимание, что и как надо делать, чувство непонятной власти над юношей?

Юн сглотнул, глядя на Тэруко расширенными зрачками. И согласился.

Пока он отвлекал часового, Тэруко оседлала и увела лошадь. Потом была бешеная скачка по дороге навстречу устремленному в небо столбу дыма. И сосущий изнутри, выматывающий страх не успеть. Лошадь волновалась, взбрыкивала, пару раз даже встала на дыбы, но Тэруко, снова удивляясь сама себе, успокоила ее с помощью магии. Так легко, словно делала это каждый день

Девушка взлетела на холм и увидела отряд. Мелькнули знакомые лица — личную охрану принца Тэруко помнила по именам, да и те ее знали.

Снова глухо зарокотало, земля под ногами содрогнулась.

— Где Джин?! — чтобы перекрыть гул, пришлось заорать во все горло.

Ближайший мужчина поднял руку и указал на просыпающийся вулкан.

***

На подъезде к долине лошади начали волноваться, а потом и вовсе встали, нервно всхрапывая и с суеверным ужасом косясь на устремленный в небеса от верхушки Младшего Лю черный клубящийся столб.

Пришлось спешиться.

Уже рассвело, но долина и окрестные земли были погружены в глубокие сумерки. Дым расплзался по небосводу чернильной кляксой, закрывая солнце. Под ногами глухо рокотало и подрагивало, а над самой долиной стояла зловещая напряженная тишина.

Издали Младший Лю походил на полосатый муравейник со срезанной верхушкой. Невысокий и невзрачный рядом со старшими братьями. Если бы не огненные всполохи и тучи пепла, которые нет-нет да и взлетали в воздух над ним.

— Это началось прошлой ночью, господин, — провожатый суеверно покосился на пробуждающийся вулкан.

— И до сих пор нет лавы? — Джин облегченно выдохнул. — Может, извержения и не будет?

Гонец покачал головой:

— Младший Лю долго просыпается, но когда проснется — гнев его ужасен. Мой дед еще помнит, как оно было шестьдесят восемь лет назад. Огонь изливался с такой скоростью, что от него нельзя было спастись даже на лошади.

Джин кивнул. Он тоже был наслышан об извержении, которое шестьдесятю восьмью годами ранее уничтожило долину почти полностью.

Принц еще раз смерил вулкан таким взглядом, каким мерил противника перед началом сражения, обронил: “Вам лучше подождать здесь”, и пошел вперед.

По пути он вспоминал все, что когда-либо слышал или читал об усмирении вулканов. Вспоминалось до смешного мало. Оставалось надеяться, что чутье подскажет, что делать.

Он чувствовал, как наследная магия аль Самхан отзывается на близость стихии. Пальцы покалывало, по телу пробегали короткие искры. В голове чуть шумело, как после пары чарок сливового вина, сила плясала в крови, призывая раскрыть поры земли, выпустить всех огненных духов разом, сплясать свой торжествующий прекрасный танец.

Это желание походило на голодный голос демона, знакомый с детства. Джина словно разделили надвое. И одна его половина жаждала только пламени. Воззвать к нему, заставить вспыхнуть разом сотни тысяч алых цветов, спалить весь мир и самому сгореть в изначальном огне.

А вторая половина — трезвая, сумевшая не поддаться безумию, наблюдала за всем этим с отстраненным холодным любопытством. Подмечала, анализировала, делала выводы.

“Вот почему усыплять сложнее, чем будить. Сложно победить не пламя, но свою любовь к пламени”

На счастье Джина и людей за его спиной у старшего принца аль Самхан был большой опыт подобных побед.

На подходе к горе стало нечем дышать. Раскаленный воздух обжигал горло, пепел забивался в легкие. Джин то и дело останавливался, чтобы согнуться в приступе кашля, но потом выпрямлялся и упрямо шел дальше. Чем ближе к очагу извержения, тем выше шансы на успех.

Наконец, пологий подъем закончился. Перед глазами начинался идущий резко вверх склон в потоках застывшей лавы. За годы сна в щели и впадины на теле горы набилась земля,

проросли семена сорной травы. Присыпанные пеплом тонкие полоски зелени на черном базальте смотрелись трогательно и незащищено.

Принц размял пальцы и потянулся к горе, пытаясь нащупать потоки силы, управлявшие стихией.

Магия откликнулась почти сразу. Джин словно шагнул куда-то в толщу камня, растворился в потоках раскаленной жидкой магмы. Бурлящей, пенящейся, готовой взвиться и выплеснуться наружу, поглощая все живое...

И снова проснулось нестерпимое желание дать этому случиться. Распахнуть каменную темницу, выпустить стихию, зажечь кроваво-алый закат посреди дня на черных от пепла небесах.

Земля под ногами дрогнула. Вулкан, почуяв повелителя, спешил откликнуться на силу крови. От горячего смешанного с выхлопами воздуха глаза невыносимо слезились. Джин закрыл их, но продолжал видеть, как расплавленный камень в глубине горы пришел в движение, устремился на поверхность.

“Стой!”, - приказал он мысленно, устремился душой в толщу недр — перехватить, не дать магме вырваться и затопить долину.

И стал пламенем. Океаном раскаленной лавы, ждущей своего часа. Пеплом, оседающим на склонах. Горой, изуродованной потеками черного базальта — грозной и бесплодной.

Да, теперь Джин мог смирить стихию. Он сам был стихией.

Мог. Но зачем?

Голос влюбленной в огонь половины души зазвучал громче, глуша любые возражения. Джин-пламя жаждал ощутить, как лава перехлестнет через край и затопит долину.

“Нет!”

Он сбежал за мгновение до того, как утратил себя. Вынырнул, вернулся в свое тело — такое нелепое, слабое человеческое тело. В холодном поту, глотая ртом пропахший серой воздух.

Под ногами зарокотало, земля содрогнулась, и Джин упал на колени. Младший Лю выдохнул в небо густую тучу пепла. Багрово-черная лава бурлила у самого края кальдеры, грозя перелиться, как вода из забытого на огне котла.

Нужно попытаться снова. Он делал это раньше — сотни раз. Сражался с демоном и выходил победителем. Выбирал разум вместо слепой ярости, созидание вместо разрушения и жизнь вместо смерти.

Джин закусил до крови губу. И снова вторгся, вломился в бездумно бушующую стихию.

Это было все равно, что усмирять взбесившегося жеребца. И при этом быть тем жеребцом. Джин давил, давал слабину и снова давил. Уговаривал, успокаивал, принуждал, выкладываясь полностью, без остатка, до доньшка. Порой ошибался, оступался и тогда все приходилось начинать сначала. Выжимать себя, отдавать последние крупички силы, не думая о том, какое будущее ждет выгоревшего дотла мага...

Казалось, прошли часы, а может дни, наполненные запредельным напряжением на грани возможного, когда рокот под ногами стих. Пламя медленно успокаивалось, затихало, отползало глубже в недра.

Небо над головой по-прежнему было затянуто черной пеленой, но Младший Лю больше не чихал дымом. Пройдет время и ветер растащит пепел, дожди смоют его со склонов, вода унесет за много ли отсюда, и ничто не будет напоминать о неслучившейся трагедии.

“Кажется, я хорошо его усыпил”.

Джин вслушался в себя и не почувствовал пульса магии. Он был пуст, как высохшая, расколотая чаша с вином. Отдал все.

Он покачнулся и упал в черный пепел.

И уже не видел, как от ближайших холмов отделилась фигура всадника. Девушка в мужском костюме, глотала слезы, ругалась и нещадно нахлестывала лошадь, направляя к подножию заснувшего вулкана.

***

Она слетела с седла, упала на колени перед лежащим на земле мужчиной. Пальцы нащупали жилку на шее, вслушались в слабый прерывистый пульс.

Жив.

Тэруко всхлипнула от облегчения, перевернула его, и в этот момент Джин открыл глаза. Темные, как потеки базальта на склоне горы. Ни малейшей зеленой искорки.

Девушка зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Глаза черны у простолюдинов. У детей, еще не открывших свою силу. У дряхлых-предряхлых стариков.

И у выгоревших магов. Растративших всю силу крови.

Увидев ее Джин не удивился. Словно ожидал.

— Черные, да? — спросил он, с трудом шевеля языком.

Тэруко кивнула. Ей хотелось разрыдаться, но слез не было. Ничего не было, кроме всепоглощающего ужаса. Джин еще дышал, был рядом, что-то говорил, но он уже был мертв.

Почерневшие глаза — признак скорой смерти для самурая. Маг редко переживает свою магию больше, чем на год.

Он криво улыбнулся.

— Я и сам чувствую. Так странно... Тихо и пусто. Хорошо, что я не женился на тебе снова, как собирался. Ты заслуживаешь большего.

В груди Тэруко вспыхнула ярость.

— Заслуживаю! — сквозь зубы прошипела она. — Еще как заслуживаю.

Наверное, если бы у нее было время остановиться и подумать, она бы струсилась. Погрязла в сомнениях и страхах, не смогла бы ничего сделать.

Хорошо, что его не было.

Не давая опомниться ни ему, ни себе, принцесса вынула нож и полоснула себя по запястью.

— Что... ты делаешь?

— Тебя спасаю, идиот!

Она поднесла запястье к его губам.

— Делюсь с тобой кровью. Возьми мою силу, — скороговоркой забормотала Тэруко древнюю ритуальную формулу. — Пей!

— Нет, — он попытался уклониться, но Тэруко была настойчива.

— Пей, я сказала! Не то как огрею!

Джин рассмеялся, закашлялся. И припал к запястью.

Он пил медленно, словно не желал брать у нее слишком много. Тэруко злилась, ругалась и чуть ли не силой влиwała в него кровь, а вместе с ней силу.

Иногда, очень редко только что погасшее пламя можно раздуть с помощью чужого огня.

— Хватит! — он решительно отпихнул ее руку. — Я не возьму больше. Это бесполезно, Тэру-чан. У нас разная сила крови.

— Иди ты! — ругнулась девушка. И, пользуясь его слабостью, положила руки Джину на плечи.

Она же целитель? Целитель! Вот и будет исцелять! И плевать чего он там себе думает.

Тэруко никогда не учили делиться силой так, напрямую, она только слышала рассказы о том, что подобное возможно. Но порой желание отдать способно сработать лучше любого умения.

Тело под пальцами выгнулось дугой, с губ мужчины сорвался крик. Тэруко нависла над ним, вглядываясь в безумной надежде в запрокинутое лицо. В черных глазах на мгновение вспыхнули еле заметные зеленые искры.

Лишь тогда принцесса позволила себе обмякнуть и упасть рядом с ним.

ГЛАВА 23

— Ты опять нарушила обещание не лезть в мою битву.

Гора пепла у подножия вулкана — не лучшее ложе. Но сил встать не было.

— И что? — фыркнула Тэруко. — Отправишь меня домой?

Она чувствовала себя измотанной, измученной до последней степени. Но такой счастливой.

— Женюсь на тебе.

— Что?! — она вздрогнула и уставилась на мужчину. Он не шутит?

— Не очень романтично получилось, да? — со смешком сказал Джин. — У нас с тобой все как-то нескладно.

Но Тэруко было совсем не смешно.

— Не надо, — отозвалась она, разрываясь между желанием снова разреветься и отвесить принцу оплеуху. — Не унижай себя и меня.

— О чем ты?!

Джин поперхнулся и приподнялся, вглядываясь в ее лицо. В его изумленно распахнутых глазах тлели еле заметные зеленые искорки, и Тэруко, хоть и злилась, снова порадовалась на свою работу. Искры есть, значит, когда Джин отдохнет, вернется и пламя.

— Не стоит благодарности, — ядовито отозвалась девушка. — Я сделала это, потому что сделала. Вашему высочеству совсем не обязательно жениться в ответ, достаточно сказать “спасибо”.

— Думаешь, я поэтому хочу на тебе жениться? — медленно спросил Джин.

А потом, как с цепи сорвался. Набросился на нее с поцелуями, настолько жадными и жаркими, что у Тэруко все мысли вылетели из головы, и даже обида отступила.

— Ай, что ты делаешь?! — пробормотала она, вяло пытаясь вырваться.

Не то, чтобы Тэруко была против, но Джин целовался с таким пылом, словно собирался исполнить супружеский долг прямо здесь, не дожидаясь свадьбы.

— Я люблю тебя. А ты — маленькая, неуверенная в себе дурочка.

Тэруко обмякла в его объятьях и уставилась на Джина с глупым видом.

— Но ты говорил, что не любишь! — это прозвучало обиженно и по-детски.

— Я говорил, что надеюсь полюбить тебя, если узнаю лучше, — он склонился над ее лицом. — Узнал. Ты — сумасшедшая, взбалмошная, непослушная, совершенно неуправляемая, и когда-нибудь обязательно вгонишь меня в могилу.

Она хотела возразить, но Джин заткнул ей рот еще одним поцелуем.

— Но ты потрясающая, — продолжал он, оторвавшись от ее губ. — Искренняя, смелая,

верная, живая. И ты нужна мне, Тэру-чан.

Слова ласкали слух, от них хотелось блаженно мурлыкать, подобно сытой кошке.

— Скажи это еще раз! — попросила она.

Джин улыбнулся.

— Ты нужна мне. Выйдешь за меня?

— Ну... Да, — девушка кивнула.

Казалось, что все это не по-настоящему. Она так долго готовилась к другому концу. Участи любовницы, неизбежному расставанию. Твердо решила не плакать, как бы все ни закончилось. Убедила себя, что это — и ее выбор тоже. Распланировала, чем займется, когда вернется в Оясиму: императрице, наверняка, будет нелишней помощь в государственных делах. Конечно, придется постараться, чтобы наладить отношения и убедить сестру дать ей шанс. Но Тэруко повзрослела и готова к ответственности.

— Я просто не ожидала...

— Не ожидала? — Джин чуть нахмурился. — Я женился бы на тебе в любом случае. После того, что было в пещере... Покусай меня демоны, я бы сделал это еще в Шаньджу, если бы не смерть Тхана и не война!

— Почему? — она чуть покраснела, неловко было напрашиваться снова на признания. Но так хотелось еще раз услышать это от Джина. — Ты уже тогда меня... любил?

Он задумался.

— Я хотел тебя. Так хотел, что думать ни о чем другом не мог. Не знаю, когда и как страсть превращается в любовь.

Отчего-то услышав честный ответ Тэруко снова разозлилась. Ну что ему стоило сказать, что уже тогда был влюблен?! Ему несложно, ей приятно.

— И ты всем девицам после секса предлагаешь выйти за тебя замуж? — ядовито спросила она.

— Нет, конечно. Но ты — принцесса, — он вскинул голову и сощурился. — Так, Тэру-чан. Разговор придется отложить. Сюда едет моя охрана.

***

Потом была дорога. Недолгая, но совсем вымотавшая и без того обессиленную девушку. Торжественный въезд в Сьянду — жители высыпали на улицы и забрасывали принца с его немногочисленными сопровождающими цветами и восторженными, немного истеричными криками, от которых у Тэруко разболелась голова.

Наместник выехал Джину навстречу и прилюдно признал императором, встав на колени, горожане радостно последовали за ним. Тэруко смотрела на это и ощущала только раздражение. Она чувствовала себя грязной до предела — вулканический пепел вьелся в одежду и кожу, пропитал запахом серы волосы. Ей хотелось помыться. Не торопливо обтереться влажной тканью, как это чаще всего бывало в походе, а залезть в настоящую горячую ванную и отмочать в ней несколько часов.

Но еще больше, несмотря на то, что день едва перевалил за середину, хотелось спать.

— Держись, скоро все закончится, — шепнул ей Джин. Принц тоже выглядел измученным.

Во дворец, предоставленный наместником дорогим гостям, Джин внес ее на руках, наплевав на любые сплетни и пересуды. Уложил на чистые простыни — прямо в таком виде, как была, в грязнящей одежде.

— Отдыхай. Я распорядюсь, чтобы тебе приготовили ванную?

— А ты... ты не останешься со мной?

Он развел руками:

— Позже. Тебе надо отдохнуть, а мне — разослать кучу писем. И связаться с Бао — пусть придет сюда хотя бы часть войск. Доверие — вещь хорошая, но если наместник вдруг решит предать, я вряд ли сейчас смогу защитить нас.

— Ясно, — она надулась и отвернулась, злясь одновременно на Джина, для которого государственные дела всегда важнее всего остального. И на себя за то, что не может не обижаться из-за этого.

Теплая рука опустилась на плечо.

— Тэруко.

— Что?

— Спасибо.

***

Принцесса так и отрубилась в одежде. Сквозь сон она чувствовала, как кто-то раздевает ее. Потом этот кто-то коснулся губами ее щеки и спросил голосом Джина:

— Ну что, соня, будешь мыться?

— Буду, — пробормотала Тэруко. И снова уткнулась в подушку.

Мужские руки подняли ее и понесли, а потом опустили в теплую, пахнущую фиалками воду. Девушка вздрогнула и проснулась.

Бассейн был поменьше, чем в покоях наместника Шаньчжу, но все равно впечатлял. По поверхности воды плыли хлопья пушистой пены и цветочные лепестки. Помещение освещали четыре светильника по углам. Пламя металось в круглых чашах, бросало красные отсветы на воду.

Тэруко обернулась и зарделась. Когда он успел раздеться?

— Джин, что ты делаешь?

— Хочу тебя помыть. Ты не против?

Не дожидаясь ответа, он шагнул в бассейн, подняв тучу брызг. И тут же поймал Тэруко в объятия. Смеющиеся глаза оказались совсем близко. Принцесса почувствовала, как подгибаются колени. Мужские объятия, ощущение сильного обнаженного тела рядом вызвало в теле томительную и приятную слабость.

— А если против?

— Тогда я уйду, — он прихватил зубами мочку ее уха и слегка куснул. — Пожалуйста, не прогоняй меня. Я не буду приставать, — зубы сжались крепче, вырвав из груди девушки еле слышный вздох. — Или буду...

Почему-то последнее обещание ей очень понравилось.

— Сколько я спала?

— Почти пять часов. Повернись.

Она послушалась, ощущая смесь возбуждения и неуверенности. Ситуация была волнующей и недвусмысленно эротичной. От близости Джина по коже бежали сладостные мурашки, хотелось его нежности, объятий, поцелуев. Но Тэруко сама не могла понять, готова ли она к чему-то большему.

Мыло сильно пахло розовым маслом. Мужские руки легли на плечи, разминая их, легонько массируя. Пальцы погладили шею, спустились вниз вдоль позвоночника, лаская ложбинку. Она снова тихонько вздохнула, и почувствовала, как мужчина сзади прижался теснее. Одна рука скользнула по талии, другая легла на грудь. Тэруко вздрогнула и

обернулась.

— Джин, я не знаю...

— Я знаю. Расслабься.

От этого совета она почему-то напряглась еще сильнее. Джин взгляделся в ее лицо и вздохнул.

— Понял. Только мытье и поцелуи.

Медленно откинул влажные волосы с тонкой шеи. Провел языком, скривился и принялся отплевываться.

— Мыло!

Девушка весело рассмеялась:

— Так тебе и надо. Не будешь руки распускать.

— Буду! — пообещал он, зачерпывая воду, чтобы окатить ее. — И не только руки. Иди сюда, грязная девчонка.

Напряжение и неуверенность ушли, словно сами собой. Джин превратил купание в эротическую игру. Руки в мыльной пене поглаживали, скользили по коже, вызывая в теле сладкое томление. Хитрый самханец действительно просто мыл Тэруко, но не упускал при этом возможности прикоснуться — невинно и непристойно одновременно. Словно ненароком, случайно задеть грудь, погладить кожу с внутренней стороны бедра до того, как девушка опомнилась и сжала колени. Поцеловать...

От поцелуев она млела и таяла, не находя в себе сил оттолкнуть его. Да и зачем отталкивать? Смешно изображать из себя целомудренную деву после всего, что было в пещере. Но все воспитание принцессы говорило, что это — неправильно, так нельзя, плохо.

Отец не поощрял распущенность и внебрачные связи. И сам после смерти любимой жены так и не завел наложницу.

С мытьем давно можно было заканчивать, Тэруко ощущала себя чистой, отмытой до скрипа — чище некуда, а коварный соблазнитель продолжал гладить ее, все смелей и откровенней. Ласки, бережные и трепетные в начале, они становились волнующими и бесстыдными. Руки накрыли грудь, сжимая и пощипывая. Внизу живота медленно наливалось вожделение. Джин прижал девушку к краю ванны, впился в губы сумасшедшим, горячим поцелуем. Скользнул губами по шее, спустился ниже и чуть прикусил дерзко торчащий сосок.

Тэруко обмякла в мужских руках и как со стороны услышала свой тихий стон. Потом еще один, куда более громкий.

Это плохо, неправильно, но ей так хочется! Отдаться ему, стать единым целым.

— Хочу тебя, — эхом отозвался Джин, склонившись над ее запрокинутым лицом. — Ты меня с ума сводишь, грязная девчонка.

— Я давно чистая, — возмутилась Тэруко.

— Знаю.

И снова поцелуи — безумные страстные. Нежные укусы, прикосновения умелых пальцев, сильное мускулистое тело, которое так хочется ласкать в ответ, рядом...

— Вода остывает. Пойдем.

Джин потянул ее из бассейна, и она последовала — бездумно. Неужели это случится сейчас? Не лучше ли подождать до свадьбы? От возбуждения и страха все волоски на теле встали дыбом.

— Не бойся, — сказал он, вытирая ее пушистым полотенцем. — Будет так, как ты

захочешь. Я остановлюсь, когда скажешь.

— Я боюсь, что мне не захочется тебя останавливать.

— Тогда не останавливай.

— Я так не могу, — она подняла на него умоляющий взгляд. — Пожалуйста, не настаивай. Это неправильно до свадьбы.

Он усмехнулся и нежно провел пальцем по ее нижней губе.

— А целовать тебя до свадьбы можно?

Она кивнула.

— Значит, будем только целоваться, — объявил Джин, подхватывая ее на руки.

Пронес через комнату и уложил на кровать. По щелчку его пальцев вспыхнуло пламя в двух светильниках у изголовья. Тэруко съежилась и попыталась прикрыться.

— Не надо, — попросил Джин, аккуратно отводя ее руки в сторону. — Ты красивая. Хочу на тебя смотреть.

От его желания в его глазах становилось жарко, стыдно и безумно приятно. И хотелось смотреть на него в ответ. Отсветы пламени гладили мощное мускулистое тело, покрытое бронзовым загаром. Взгляд принцессы скользнул по широким плечам, груди, животу с четким рельефом мускулов, спустился ниже к недвусмысленно вздыбленной плоти. Тэруко ойкнула, покраснела и поспешила зажмуриться. Джин рассмеялся и опустился рядом с ней на кровать.

— Ты смешная, Тэру-чан.

С закрытыми глазами было не так стыдно отвечать на поцелуи и выгибаться, подставляя грудь для ласк. Чувствовать прикосновения губ все ниже — на груди, на животе...

— Пожалуйста, нет, — жалобно попросила девушка, чувствуя, как мужские руки разводят ее бедра. На более серьезный протест не было сил.

— Не бойся. Я же обещал — будут только поцелуи.

Губы обожгли кожу с внутренней стороны бедра, Тэруко замерла, вцепившись пальцами в скользкий шелк простыни.

И вскрикнула, ощутив горячий поцелуй там, внизу, где рождалось жаркое вождение.

По телу словно пробежала огненная волна. Девушка металась, всхлипывала и вскрикивала. Было горячо, сладко, стыдно и безумно хорошо ощущать ласкающие и жалящие прикосновения. Она плыла в мучительно-приятном мареве, выгибалась, выкрикивала “Да, да!” и снова терзала пальцами простыню.

Низ живота свело долгой и сладкой судорогой. Тэруко дернулась и протяжно застонала, ощущая, как по телу расходится жаркая спираль наслаждения. Распахнула глаза и уставилась невидящим взглядом на полог над кроватью.

Она помнила, как хорошо было в пещере, но в этот раз все ощущения показались ей острее, ярче и бесстыднее.

— Это было громко, — посмеиваясь, сказал Джин, поднимаясь с поцелуями все выше — живот, грудь, шея, губы.

— Не смущай меня.

— А мне нравится, как ты смущаешься.

У поцелуя был странный вкус. Приятный, но странный.

Потом были объятия. Не страстные, скорее умиротворенные. Переплетенные пальцы, вкус его кожи, его губы. Близость — такая невероятная, невозможная, что дух захватывало. Беззлобные шутки и тихий смех. Осторожные прикосновения к его телу. Татуировка с

тигром под пальцами.

— Почему тигр?

— Это родовой знак Хо ланг-И. Его наносят наследнику рода аль Самхан в три года.

Тогда отец еще не знал про демона. Все думали, что я стану правителем.

— Ты и станешь.

Она задумчиво погладила изображение. Мышцы под кожей чуть перекатывались и казалось, что тигр потягивается и скалится.

— Похоже на то. Когда я м-м-м... был с тайной миссией в Оясиме...

— Шпионил, — подсказала Тэруко.

— Шпионил, — он улыбнулся. — Так вот, когда я шпионил пришлось намучиться.

Такая примета. А маскирующие чары постоянно слетали.

И снова поцелуи, объятия, прикосновения.

— Тебе приятно, когда я так делаю?

— Приятно. Но у мужчин все проще, малыш. Нас не надо полчаса гладить и целовать за ушком. Все удовольствие — здесь, — ладонь накрыла ее руку, потянула вниз, положила на возбужденную плоть.

Город за окнами давно спал, а они никак не могли оторваться друг от друга. Жаркий голод, который можно было утолить только в объятиях, то утихал, то накатывал снова. И Тэруко опять стонала, вскрикивала и извивалась под прикосновениями умелых пальцев.

Потрескивал огонь в светильниках, желтые отблески плясали на коже. Самханская ночь обволакивала, убаюкивала и лгала, что испытания и беды позади.

Так убедительно, что трудно было не поверить.

ГЛАВА 24

Второй раз за полгода Тэруко выходила замуж. За того же мужчину.

Но в этот раз все было по-другому. Никакой торжественной процессии, толпы людей, восторженных здравниц. Никакой многодневной подготовки, тяжелых церемониальных одежд.

Нет, платье по случаю свадьбы Тэруко все же надела. Самханское, похожее на мешковатое кимоно. Из красного шелка, но простое, почти без вышивки — только по подолу и рукавам белые цветы. На самом принце был обычный наряд знатного самханца, без всяких свадебных атрибутов.

Ну и пусть. На прошлой свадьбе Тэруко по горлышко нахлебалась праздничной позолоты. Спасибочки, больше не хочется ни восторгов толпы, ни пира вассалов. В глазах всего мира они и так женаты, осталось только подтвердить это перед лицом богов.

Куда важней, что в прошлый раз на свадьбе ей хотелось рыдать от бессилия и отчаяния, а сейчас принцесса лучилась счастьем. И день, как на заказ, выдался чудесный. За ночь дым осел, пепел разнесло по окрестностям и прибило прошедшим под утро дождем. С празднично-голубых небес светило солнце. Нежаркое — преддверие зимы все же, даже в Самхане холодает в это время. Легкий ветерок гулял по улицам, обдувал лицо. Восторженное птичье пение летело с ветвей, словно сама природа подпевала музыке, звучащей в душе Тэруко.

Они приехали к храму верхом, в сопровождении отряда личной охраны принца. Джин спешил, поймал спрыгнувшую с лошади принцессу в объятия, прижал к себе, вглядываясь в ее лицо с улыбкой. Мгновенно вспомнилось все, что было прошлой ночью. По коже

прокатилась жаркая волна, чуть заныло внизу живота. Взгляд Джина — раздевающий, жаждущий обещал, что сегодня все повторится.

На ватных ногах, с глупой улыбкой на губах Тэруко поднялась по ступеням храма за своим будущим мужем. Охрана осталась снаружи.

Внутри было пусто. Только солнце падало сквозь отверстия в куполе, да улыбался лик женщины над чашей с водой.

— Это же... — Тэруко споткнулась от неожиданности.

— Маго-Хельми — покровительница брака, — хмуро отозвался Джин. Так, словно ему тоже не хотелось лишней раз встречаться с Хозяйкой Жизни-и-Смерти.

— А другая богиня не может благословить нас?

Он медленно покачал головой. Помялся, словно собирался что-то сказать, но никак не мог подобрать слов.

— Помнишь, ты обещала не надумывать?

— Я обещала? — она в упор не помнила подобного, но на всякий случай кивнула. — Ну, значит не буду.

Джин зачем-то стиснул ее ладонь. Вгляделся в лицо, словно что-то искал в нем.

— Скажи, есть что-то такое, чего ты хотела бы узнать обо мне?

Принцесса недоуменно пожала плечами:

— Много всего. Про твоё детство и твоего тигра. Про демона и как ты шпионил в моей стране. Какие стихи любишь больше всего, чего боишься, о чем мечтаешь... — она смущенно улыбнулась. — Ты мало про себя рассказываешь.

Он отмахнулся.

— Нет, не то... это я и так тебе расскажу, тут нет никакого секрета.

— Ну и хорошо, — и чего он тогда так волнуется?

— Я просто пытаюсь понять: что я хотел бы скрыть от тебя. И получается, что ничего, — он вздохнул.

Тэруко нахмурилась. Ей не нравился этот разговор. Он вносил фальшивую ноту, диссонансом звучал в мелодии счастья этого утра.

— Не понимаю.

— Она, — Джин кивнул на лик богини, — обещала, что в тот миг, когда я попробую назвать тебя своей женой снова, ты узнаешь обо мне что-то, чего я хотел бы скрыть.

— Ты не рассказывал об этом.

— Прости, — он покаянно повесил голову. — К слову не пришлось. Это важно?

— Нет, наверное.

Они прошли сквозь пустой храм и остановились у чаши. Принц помедлил, бросил еще один испытующий взгляд на девушку.

— Верь мне, пожалуйста. Я тебя люблю.

— Ты... Боишься? — изумленно спросила Тэруко.

Джин кивнул.

— Боюсь. Чувствую подлянку и не понимаю откуда ждать удара. И что сделать, чтобы предотвратить его.

Принцесса снисходительно улыбнулась, ощущая себя более взрослой и мудрой, чем он в эту минуту. Вид растерянного и взволнованного Джина насмешил ее и одновременно вызвал прилив нежности. Ей нравилось, что он не такой непробиваемый, каким любит казаться. И что он не скрывает, что боится ее потерять.

— Не будет никакого удара, — беспечно отозвалась она.
Вряд ли у Джина есть секреты, способные отпугнуть ее.
Они встали на колени у чаши и одновременно опустили в нее ладони.

ГЛАВА 17

Джин чувствовал себя пьяным. Накатившее внезапно желание было так сильно, что чуть было не заставило утратить контроль, и это напугало.

Но нельзя просить о доверии и сразу же предать его.

Он хотел Тэруко и раньше, когда она была его невестой. Принцесса была красива яркой чувственной красотой экзотического цветка. Он помнил вкус ее губ, кожи, запах ее вожделения в тот раз, когда она опоила его.

И да — как он ни старался противостоять этому, но влюбленность красивой и знатной девушки льстила. Ласкала тщеславие, утешала уязвленное, после отказа ее сестры, самолюбие.

Она прижималась к нему в темноте — немного испуганная, возбужденная. Девственная, как не до конца распустившийся бутон. И доступная. Весь опыт принца, все его знание о женщинах говорили: если он сейчас пойдет в атаку, Тэруко не станет сопротивляться.

Но она больше не была его женой. Три месяца брака, которых как будто не было. Они поженились летом, сейчас осень перевалила за середину, а ничего не изменилось. Она все так же невинна, он все так же хочет ее.

Злость на нелепую попытку приворота давно прошла. За месяц, который они провели рядом, Джин успел привязаться к оясимской принцессе. В роли наивного мальчишки или ершистой девушки она нравилась ему. Смешная: то милая, то колючая, как ежик. Искренняя, упрямая, боевая девчонка. Она заслуживала большего, чем стать случайным средством для утоления чужой похоти.

Плохо, что он почти не контролирует себя. Как вернется в Шаньчжу, нужно будет наведаться в кёбан, провести жаркую ночь с красоткой-кисэн.

В вытянутой руке тревожно вспыхивал и гас маленький огонек, отбрасывая желтые и красные тени на покрытые влагой стены. Джин порадовался, что успел освоить “светлячка”. Заклинание требовало концентрации, не давало отвлекаться. Например, думать о тонких пальчиках, вцепившихся во вторую ладонь...

Они прошли больше половины пути до входа, но светлее не стало, и Джин мрачно поздравил себя с тем, что худшие прогнозы, похоже оправдываются. Еще с десятков шагов и впереди встала стена из плотно наваленных камней и булыжников. Такая основательная и толстая, словно была здесь с начала времен.

— Ой, — девичьи пальцы стиснули его руку крепче. — Мы не туда свернули, да?

— Туда, — тяжело ответил Джин.

Он мысленно прикинул толщину возникшей стены. Шагов пять, не меньше. И неизвестно сколько с той стороны, от пещеры до обрыва было пятнадцать шагов. Даже если площадку завалило наполовину, все равно...

— Не пробить, — озвучил он вердикт. Слова упали в темноту, как камни в пропасть. — Здесь выхода больше нет.

— Что же делать? — голос Тэруко дрогнул.

Джин обнял бы ее, но во второй руке по-прежнему плясало пламя. Голос принцессы

упал до шепота.

— Мы умрем?

— Когда-нибудь — обязательно умрем, — странно, но ее страх помог взять себя в руки.

Джин успокаивающе сжал ее ладонь и обернулся.

— Будем искать другой выход. Эти пещеры глубоки и извилисты. Вполне может оказаться, что какой-нибудь из соседних туннелей ведет на поверхность.

Он заглянул в ее расширенные от страха глаза и улыбнулся, всем видом показывая уверенность, которой не ощущал. С удивившей его самого нежностью провел пальцем вдоль девичьей щеки.

— Ты чумазая, Тэру-чан. Вся в пыли.

Принцесса ответила на его улыбку.

— Ты тоже. Давай вернемся к ручью. Только... — она смутилась, как всегда, когда приходилось признаваться в своих слабостях. — Не гаси огонь, ладно?

— Не буду.

***

В пещере понятия дня и ночи теряют смысл. Здесь всегда темно и тихо. Только звук разбивающихся о камень капель или журчание воды, да порой странные шорохи издалека.

Заслышав шорох, Тэруко вздрагивала и еле сдерживалась, чтобы не прижаться к Джину. В темноте оживали все детские страхи. Казалось, совсем рядом, укрытое тенью за ними наблюдает неведомое чудище. Выжидает, примеряется, как бы половчее откусить руку или ногу.

Хотя, скорее всего, шелестели летучие мыши. Эти бестии облюбовали несколько пещер недалеко от входа, в том числе ту, самую первую, с ручейком. Стоило Джину войти в нее с огоньком в руке, как проклятые твари, возмущенно вереща и попискивая, налетели на пламя. Самханец выругался, утратил концентрацию и “светлячок” в его руке немедленно погас. Тэруко не завизжала только потому, что от страха пропал голос. Она стояла в черной страшной пещере, а мимо, касаясь лица крыльями, пронеслись неведомые крылатые зверюги, вооруженные острыми когтями и зубами.

Страшная была не темнота сама по себе, но полная беспомощность. Ожидание опасности сразу со всех сторон, чувство, что не сможешь себя защитить.

— Не бойся, — сказал Джин. — Полетают, угомонятся. Покусай меня демоны, ну у тебя хватка, — пожаловался он, и девушка только тогда поняла, что вцепилась в его руку так, что пальцам больно.

Они умылись в темноте, Джин наполнил водой флягу, болтавшуюся на поясе.

— У меня есть рисовые лепешки и мясо, — вспомнила Тэруко. Большую часть припасов они с Джинном сложили в переметную суму, но принцесса припрятала немного провианта в заплечный мешок. Опыт двух предыдущих побегов говорил, что случится может что угодно, а иметь при себе запас еды на пару дней никогда не лишне.

— Ты умница, — одобрил принц. — Если что, я могу поймать летучую мышь. Правда, мяса в них на один укус.

— Десять мышек, десять укусов. С голоду не умрем, — улыбнулась Тэруко.

Боги, спасибо за то, что Джин здесь! В одиночку она бы сошла с ума.

Несмотря на толщу камня вокруг, девушка не чувствовала холода. Все у самханцев не как у людей, даже в пещерах тепло! Джин мимоходом обмолвился, что всему виной горячие грунтовые воды. Подземные реки и ручьи пронизывали горы, словно сеть кровеносных

сосудов, поднимались от раскаленных недр к поверхности и несли тепло.

Летучие мыши встретились еще и в двух соседних пещерах, а дальше пошли пустынные, ошеломляющие величественной красотой туннели и залы. Дрожащий свет отражался в полупрозрачных сосульках сталактитов, растекался по поверхности сталагмитов, похожих на то на ледяные острые иглы, то на приготовившихся к атаке кобр, а то и вовсе на вздыбленные фаллосы.

В зале с “фаллосами” Джин мимоходом пошутил насчет их забавной формы. Тэруко вспыхнула и возмутилась, что очень развеселило принца. Еще три зала потом, он продолжал подтрунивать над ней, упражняясь в остроумии, пока она не пообещала покусать его вместо демонов, если он не замолчит.

— Невероятно соблазнительное предложение, — сказал самханец, глядя на нее смеющимися глазами. — Ты понимаешь, что практически не оставляешь мне выбора?

— Я серьезно.

— Я тоже.

Тэруко фыркнула, а потом встала на цыпочки и укусила его. За шею.

Сильно укусила. Почти до крови. Ну а что? Он же сам хотел.

— Это было больно, — задумчиво отметил принц, поглаживая след от укуса. — А теперь моя очередь.

Ой, кажется не стоило этого делать! Тэруко попяtilась, готовая, заставить его как следует побегать, но Джин только ухмыльнулся и сжал ладонь, в которой горел огонек.

Тьма навалилась со всех сторон, принесла с собой шорохи, непонятные звуки. Превратила сказочно красивую пещеру в обиталище неведомых монстров. Тэруко жалобно вскрикнула, дернулась бежать куда-то и угодила в объятия чудовища.

— Попалась? — промурлыкало чудовище голосом Джина, прижимая ее спиной к сталагмиту. А потом Тэруко ощутила, как на мочке уха смыкаются зубы.

Это почему-то было не больно, только по телу снова, как несколько часов назад, пробежала волна сладкой дрожи, захотелось обмякнуть, отдаться. Джин шумно выдохнул, его язык скользнул вокруг ушной раковины, зубы снова сомкнулись на мочке — не сильно, легонько. Пусть кусает еще, это так приятно!

Но он не столько кусал, сколько целовал. Сначала шею, обжигая дыханием кожу. Потом нашел ее губы. Тэруко млела и таяла. Джин давно отпустил ее запястья, но она и не пыталась вырваться. Сама обнимала его, сходя с ума от нежных и настойчивых прикосновений, отвечала на поцелуи. Готовая зайти так далеко, как только ему захочется...

Он оторвался от нее тяжело дыша.

— Безумие какое-то, — прозвучал в темноте хриплый голос. А потом снова вспыхнул “светлячок”.

В первое мгновение Тэруко зажмурилась то ли от света, то ли от стыда.

В происходящем было что-то неправильное. Мужчина рядом не был ее мужем или женихом, не обещал ей ничего. Она — оясимская принцесса, она не должна позволять...

Но темнота пещеры не только оживляла страхи, но и отменяла все правила. Что толку от приличий, если они никогда не выберутся отсюда? Не лучше ли стать счастливой в последние отмеренные ей судьбой дни?

Самханец не отводил от нее потемневших глаз. В его взгляде Тэруко прочла голодное вожеление, но оно не напугало, а польстило.

— Ты очень красивая, — тихо сказал он.

Красивая? Тэруко на миг представила себя, как выглядит со стороны. В мешковатой мужской одежде не по размеру, с припухшими от поцелуев губами, в растрепанных волосах пыль и каменная крошка.

Красивая? Да он издевается! Или нет?

Джин отвернулся от нее — резко, словно это стоило ему усилий. И зашагал к черневшему в конце зала узкому зеву туннеля. Тэруко поплелась за ним. Она чувствовала себя ошеломленной и растерянной. Красивая? Раньше Джин никогда не говорил ей этого. Он правда считает ее красивой? И ведь он сам ее поцеловал на этот раз, она ему ничего не подливала.

Как во сне она тащилась за самханцем, почти не обращая внимания на торжественное величие нерукотворных залов. Даже страх перед пещерами как-то поблек, почти не ощущался. Поцелуи Джина горели на коже, сладко кружилась голова и хотелось спросить его, что все это значит, но было страшно. Вдруг принц ответит: “Ничего.”

Он шел быстрым шагом, не оборачиваясь, как будто ему вообще не было дела идет ли Тэруко за ним. Лишь останавливался у очередной развилки, чтобы начертить на стене иероглифы.

— Зачем ты это делаешь, — спросила его Тэруко, когда немного пришла в себя.

— Чтобы знать, куда мы уже сворачивали. Иначе можно заблудиться и ходить по кругу.

Голос Джина звучал буднично. Ни малейшего намека на то, что для него что-то значили те поцелуи.

Пещера обманывала, вводила вглубь. То расходилась широченным залом с множеством полупрозрачных колонн, похожих на стволы деревьев, то сдавливала в каменных объятиях, смыкала стены, оставляя узкий лаз, через который нужно было протискиваться, обдирая одежду. Развилки, туннели, ручейки и лужицы темной воды, похожие на куски стекла. Пару раз в сплетении туннелей они натыкались на собственные метки. Тогда-то принцесса и оценила предусмотрительность своего спутника.

Сколько длились эти блуждания сквозь толщу гор? Тэруко не рискнула бы сказать. Здесь не было времени. Ей казалось, они уже несколько суток бредут по каменному лабиринту. Все сильнее хотелось отдохнуть, а еще больше — есть, но она стискивала зубы и молчала, не желая выглядеть в глазах Джина слабой.

У очередной развилки Джин замедлил шаг. Из правого туннеля доносился однообразный шум.

— Слышишь?

Тэруко не испугалась. Она ощущала себя слишком усталой, чтобы бояться.

— Что это?

— Похоже на воду. Но все равно лучше держись за мной.

Он оставил пометку на стене и шагнул в туннель. С каждым шагом шум становился все громче, теперь Тэруко тоже различала в нем бурный голос горной реки, многократно подхваченный пещерным эхом.

Туннель резко расширился, превратившись в огромную залу, свод которой терялся во тьме. Тэруко сделала еще шаг, ойкнула и остановилась. Прямо у ее ног начиналось подводное озеро.

Шум исходил от водопада, почти на границе света и тьмы.

— Озеро, — задумчиво сказал Джин. Наклонился, зачерпнул воды, напился. — Пресное, — он поднял взгляд на принцессу. — Рю, у тебя случайно нет снасти?

— Есть веревка.

— Покажи.

Он осмотрел тонкий, но прочный шелковый шнурок и одобрительно кивнул.

— Годится.

Крючок Джин изготовил на месте за пару минут, взяв пряжку с сумки, а приманкой послужила щепотка вяленого мяса.

— Давай я, — предложила Тэруко. — Пока ты держишь свет.

— А ты умеешь?

Она умела. Отец научил.

Затаив дыхание, девушка забросила импровизированную снасть в воду. Она не особо верила в успех подобной рыбалки, но действительность превзошла все ожидания. Первая поклевка случилась уже через пару минут. Тэруко подсекла добычу, и на камне у ее ног забилась бледная безглазая рыба длиной чуть больше ладони.

— Есть! — азартно воскликнула принцесса, высвобождая крючок, чтобы насадить на него новую порцию приманки.

К концу получасовой рыбалки, когда у них было полтора десятка подобных рыбешек, и клев почти прекратился, Джин скомандовал “Хватит”.

Потом они запекали свою добычу на большом плоском камне. Джин прикладывал к нему ладони снизу, заставляя раскалиться.

— Ты — полезная в хозяйстве вещь. Можешь заменить огниво, факел и жаровню, — съязвила принцесса.

Он посмотрел на нее задумчиво.

— Ты даже не представляешь, насколько я полезен в иных отношениях, — вроде бы невинные слова. Но Джин произнес их так многозначительно, что ей стало жарко. — И сколько всего умею.

Несмотря на смущение, Тэруко дерзко улыбнулась.

— Так просвети меня.

— Будешь хорошей девочкой, не только расскажу, но и покажу, — от то ли угрозы, то ли обещания в его голосе по коже забегали мурашки.

Несмотря на странный вид, пещерная рыба оказалась невероятно вкусной. Они сами не заметили, как уплели все.

Самханец поднялся, и осоловевшая от сытной еды Тэруко застонала в голос. Мысль о том, чтобы подняться и снова куда-то идти внушала ужас.

— Может отдохнем? — умоляюще протянула она, глядя на Джина снизу вверх.

Он кивнул.

— Заночуем в соседней пещере. Я просто собираюсь искупаться. Посидишь без света?

Принцесса сглотнула и кивнула.

— Только не уплывай далеко!

Вдруг с ним что-то случится? Из темной воды высунется неведомая хищная тварь и утянет Джина на дно.

— Не бойся, я быстро.

Переплетя пальцы, Тэруко вслушивалась в шорох одежды, потом плеск и ровные звуки гребков. С глуповатой улыбкой снова вспоминала слова принца. И взгляды, которые он иногда бросал на нее. Ей кажется, или Джин действительно стал по-другому относиться к ней?

Совсем рядом плеснуло снова, громче. Джин вернулся. Быстро, как и обещал.

— Тебе тоже стоит окунуться. Вода теплая. Похоже, на дне бьет горячий ключ.

При этих словах аж все тело зачесалось, так захотелось смыть с себя пот и пыль. Она ведь даже не вымылась по-нормальному после того ранения. Просто смочила тряпицу в горном ручье и обтерлась.

— Ты посветишь?

— Ага, — в его руке снова зажегся огонек, освещая белозубую улыбку. Джин натянул штаны, а вот рубаху надевать не стал. Капли воды блестели на его красивом мускулистом теле.

— И не подглядывай!

***

Есть просьбы, выполнить которые, наверное, можно. Но не хочется.

Джин подглядывал. Даже не подглядывал, а нагло пялился, на то, как она раздевается, повернувшись лицом к воде. Упал на камни жилет, скользнула вниз нелепая мужская рубаха, обнажив точеные плечи, красивую спину с соблазнительной ложбинкой позвоночника. Провести бы вдоль нее языком...

Он хотел Тэруко. Это накатывало неудержимо, столько только задуматься о ней, как о женщине. Джин начал мысленно и вслух называть принцессу “малыш Рю”, благо девушка не возражала. Помогало, но ненадолго. Воспринимать ее, как нечто бесполое, тем более как мальчика не получалось — хоть тресни. Сменив облик, Тэруко стала невозможно, невероятно соблазнительной, все ее мальчишеские замашки словно подчеркивали женственность принцессы, и он хотел ее настолько, что это превращалось уже в одержимость. Особенно, когда она начинала дерзить. В вишневых глаза загорался огонек, Тэруко становилась такой живой, настоящей, яркой. Нестерпимо хотелось поймать ее, прижать к стенке и как следует наказать. Самым приятным для них двоих способом. Когда она мрачнела или печалилась, Джина тянуло дразнить ее, подтрунивать, смешить, вызывая то стыдливый румянец, то очаровательные ямочки на щеках. А когда боялась — обнять, успокоить, утешить. И снова зацеловать.

Больше, чем похоть. Меньше, чем любовь.

Да, у него давно не было женщины. Но развеет ли секс с кисэн это наваждение? Джин не знал.

Жениться на Тэруко снова? Такие решения не принимают, опираясь на вожделение. Он изголодался по женскому телу и сам это знает. А еще есть условие, поставленное богиней. Тайна, которую принцесса узнает, если он захочет назвать ее своей снова. Знать бы еще какая тайна...

Тэруко разделась полностью, открыв его взгляду очаровательную округлую попку — так и хочется ухватить, стиснуть. В дрожащем свете огонька матовая кожа девушки казалась совсем белой, и, проклятье, это невероятно возбуждало! Она поежилась, зябко повела плечами, хотя в пещере было тепло, присела у края озера и почти неслышно скользнула в озеро. До Джина долетел восторженный вздох.

— Вода — изумительная!

— А я что говорил? — отозвался он, борясь с искушением присоединиться к ней. Она становилась такая испуганная и покорная, стоило ему погасить огонек. И да — это тоже возбуждало.

“Я — похотливая скотина”, - самокритично заключил Джин. А потом поклялся себе,

что не допустит больше искушения. Постарается не притрагиваться к принцессе лишней раз. Наверное, стоило бы и вести себя с ней сухо, отстраненно. Но девочка будет переживать, искать причину, винить во всем себя.

Не стоит. Ей и так нелегко.

“Просто держись от нее подальше. Это не так уж сложно”, - убеждал он себя, пока Тэруко плескалась в подземном озере.

Борьба с собой завершилась временной победой. Когда Тэруко выходила, Джин не обернулся.

ГЛАВА 18

Спать они устроились в небольшом гроте по соседству. Здесь низкий потолок глушил вездесущее эхо. Джин нагрел широкий плоский камень, призванный сегодня стать постелью. Тэруко опустила на жесткую и горячую, словно пропеченную солнцем, глыбу. Если закрыть глаза, можно попытаться убедить себя, что она не в пещере. Что лежит на скале, наслаждаясь вечерней прохладой, и впитывает тепло остывающей скалы...

Убедить не удавалось, вот никак. Мешали запахи сырости и шум водопада, пещерные шорохи. Пока нужно было куда-то идти, что-то делать, пока горел свет и рядом был Джин, страх прятался, а сейчас выполз из закоулков души и принялся нашептывать всякие ужасы.

Она пыталась договориться с ним, не замечать, но страх был убедительнее и главнее. Он уже не шептал, а кричал, что надо распахнуть, раскрыть глаза, иначе ОНИ подкрадутся во тьме, а Тэруко даже не заметит.

Принцесса открыла глаза, ничего не изменилось. Только стало страшнее. Она замерла, пытаясь услышать дыхание Джина, но звуков не было. А вдруг самханец ушел? Просто взял и исчез, растворился в этой жадной опасной тьме. И Тэруко осталась одна, совсем одна без его улыбок, света, поддержки и тепла сильных рук.

Она снова убеждая себя, что паника — глупа и бессмысленна, но страх не верил словам.

— Джи-и-ин, — еле слышно позвала принцесса.

Ей было стыдно, очень стыдно будить его.

— Чего тебе? — тут же откликнулся принц. Словно и не спал.

— Обними меня. Пожалуйста.

В ответ повисло напряженное молчание.

— Джин!

— Лучше не надо, — как-то очень холодно ответил он.

Тэруко отвернулась и съежилась, подтянув ноги к груди. Услышать такое было невыносимо обидно. Хоть реви во весь голос, как маленький ребенок.

Он же сам говорил, чтобы она не боялась быть с ним слабой! Сам просил о доверии! И вот — стоило заикнуться...

Так она и лежала, стискивая в душе невыплаканную обиду. Несмотря на усталость, страх никак не давал уснуть. Да еще и от остывшего камня потянуло холодом. Принцесса обняла себя за плечи и застучала зубами, пытаясь согреться. Рядом вполголоса выругался Джин.

— Хочешь насмешить богов, расскажи им о своих планах, — очень мрачно сказал принц, а потом подполз и обнял ее сзади.

Сразу стало тепло. С Джином почему-то всегда было тепло. И не страшно.

— Ты это к чему?

— Ни к чему. Спи, малыш Рю, — горячее дыхание пощекотало ухо, и снова нахлынула вождедеющая слабость. Так приятно. Вот бы он укусил ее снова за ухо, как тогда...

Джин лежал, прижимая к себе девушку, и понимал, что заснуть будет непросто. Не то что заснуть, даже успокоиться, отвлечься от ее близости. Можно, конечно, чуть отстраниться, просто взять ее за руку, но тогда Тэруко замерзнет.

Влажные волосы легли ему на щеку. От одежды пахло кровью, землей, потом, а от Тэруко озерной водой и ею самой. Никаких духов. Просто запах чистой женской кожи, но отчего-то он сводит с ума сильнее любых изысканных притираний.

Так же, как сводит с ума она сама.

Он почти бездумно прижался губами к коже под ухом. Там, где часто билась жилка. Девушка вздрогнула и часто задышала.

“Я не должен...”

Джин уткнулся носом ей в плечо, почувствовал, как по телу девушки прошла дрожь отклика и чуть не застонал.

Да тут и святой не удержится!

Это было похоже на тот раз, когда Тэруко его опоила. Только сейчас Джин трезво мыслил и мог контролировать себя. Мог, но не хотел. Он еще раз поцеловал ее шею, лизнул. Вкусная! Кожа у нее нежная-нежная, тонкая и гладкая — всю бы облизал. Грудь небольшая, но красивой формы с острыми, чуть вздернутыми сосками. Талия волнующе тонкая, а бедра округлые, женственные.

Он обнимал девушку, тщетно пытаясь успокоить собственное разгулявшееся воображение, а перед глазами вставали картины — одна другой ярче. На фантазию Джин никогда не жаловался.

...Вот он медленно раздевает ее — покрасневшую, смущенную, покорную, любуется на ее наготу. Ласкает до тех пор, пока принцесса, позабыв гордость и девичью стыдливость, сама не упрашивает взять ее. Вот она на спине — глаза прикрыты, губа закушена и бедра широко раздвинуты, открывая доступ к самому сокровенному. Вот на коленях — смотрит снизу вверх, а в вишневых глазах пляшут дерзкие искорки. Или на четвереньках, соблазнительно прогнувшись. Спрятала пылающее лицо в подушках, оттопыренная попка так и манит. Вломиться в нее — жаркую, тесную, мокрую, входить резко, вырывая сладостные стоны...

От возбуждения заломило в паху. Джин стиснул зубы и сам едва не застонал. Раньше он всегда чувствовал присутствие демона рядом и не позволял себе настолько терять душевное равновесие из-за женщины.

Она ведь все еще невинна. Не принадлежала никому. Он не придавал девственности большого значения — сам далеко не монах. Но мысль о том, что девушки, замершей в его объятиях, не касался ни один мужчина кроме него, невероятно заводила.

“Я — похотливая свинья. Проклятье! Останови меня, принцесса! Дай хотя бы намек, что не хочешь!”

Тэруко еле слышно вздохнула, ощутив, как на мочке уха смыкаются зубы. Холод и страх ушли, вытесненные жарким вожделением. Тело обмякло, стало безвольным, только внизу живота приятно ныло. Это плохо, неправильно, но ей все равно. Пусть Джин только не останавливается...

Принцесса чуть изогнулась, подстраиваясь под его тело, прижимаясь плотнее, откинула голову, открывая доступ к нежной шейке, и Джин воспользовался безмолвным

приглашением. Ладонь скользнула под рубаху, Тэруко тихонько вскрикнула, ощутив мужскую руку на груди. Больше от неожиданности.

Джин замер.

— Ты не хочешь? — его хриплый голос показался ей очень громким в тишине пещеры.

— Я... — хоть темнота и так была беспросветной, Тэруко зажмурилась. Произнести короткое “Хочу”, подтвердив свое бесстыдство? Дать ему разрешение действовать дальше?

И навсегда показать себя развратной девкой, готовой раздвинуть ноги после первого же намека.

— Я не знаю...

Жалкая ложь! Она хотела. Еще как хотела.

— Ясно, — ладонь с груди исчезла, и Тэруко чуть не заскулила от разочарования.

— Я должен извиниться, принцесса, — очень официальным и скучным голосом произнес Джин. — Мое поведение недопустимо.

Это было как пощечина. Тэруко ощутила ослепительную ярость. На себя, на Джина, на всю эту глупую ситуацию. Но больше всего именно на Джина. Не любит он ее, и ладно. Но зачем издевается?

Она вырвалась из объятий и села.

— Куда ты?

Куда-нибудь.

— Пойду поплаваю.

Сбежать, уйти... Снова нырнуть в воды озера, чтобы смыть чужие прикосновения.

— Нет! — Джин поймал ее на выходе из грота.

— Пусти! — прошипела принцесса. — Ты мне не муж. И вообще никто.

— Тэруко, пожалуйста, не делай глупости.

— Я просто хочу искупаться!

Он снова обнял ее, не обращая внимание на возмущенные крики и сопротивление.

— Оставь меня, — рычала Тэруко, извиваясь и молотя по его плечам и спине кулачками.

— Прости, — выдохнул Джин ей на ухо. — Я не должен был начинать.

Он не должен был останавливаться, раз уж начал! Гад! Гад и сволочь! Да, Тэруко влюблена, но разве она вешалась на него? Разве давала повод?! Так зачем он играет с ней? Зачем унижает?!

Принцесса попробовала поднырнуть и вырваться из объятий, да разве от Джина избавишься так просто? Он поймал ее за запястья, прижал к стене. И все продолжал, продолжал бормотать извиняющуюся чушь.

У Джина было ощущение, что он говорит в пустоту. И вообще делает что-то не то. Он обнимал гибкое сильное тело, аккуратно удерживал тонкие запястья девушки, стараясь не оставить синяков на нежной коже, а Тэруко зло сопела и продолжала вырываться. Просто дикая кошка.

И хуже всего, что Джин чувствовал себя дураком. Дважды дураком даже. Повторял какие-то жалкие извинения, сам не веря в них. И все еще хотел, дико хотел эту упрямую, вредную, готовую выцарапать ему глаза девчонку.

Прав он или неправ, но гулять одну по пещерам он ее не отпустит.

— Пожалуйста, дай мне объяснить...

— Иди ты! — Тэруко извернулась и вцепилась зубами в его запястье. Джин зашипел.

Больно. До крови прокусила, стерва.

Дождавшись, пока хватка зубов немного ослабнет, он навалился на нее, вывернул руки, заставляя поднять их над головой. Прижался бедрами, чтобы не дать ей повторить грязный трюк с ударом коленом в пах. Девушка нервно дышала, извивалась, все еще пытаясь ускользнуть. Безумно соблазнительная, желанная в своем сопротивлении и ярости...

Тэруко хотелось рыдать от бессилия и злости. Все повторялось. Почти так же, как в тот раз, когда она опоила Джина. Снова стальные пальцы стискивали ее запястья, снова чувство беспомощности. Только в прошлый раз принц насильно дарил ей ласки, а теперь — извинения.

Как будто ей легче от того, что ему жаль!

Она же ничего не просила! Джин мог просто не целовать ее. Не смотреть таким взглядом, не говорить, что она красивая! Или хотя бы не задавать тот дурацкий вопрос! Взять на себя решение, соблазнить ее, оставив иллюзию гордости.

Она замерла, набираясь сил для очередного рывка. И вдруг бедрами ощутила его возбуждение.

Мужчина осекся на полуслове, прервав поток бесполезных объяснений и извинений. Со свистом втянул воздух и уткнулся лбом в стену пещеры над плечом Тэруко. Он не делал попыток отстраниться. Все так же удерживал, вжимаясь в девушку. И молчал. Слышно было лишь его тяжелое дыхание.

Тэруко почувствовала, как ярость драки переплавляется во что-то иное. Тело налилось тягучей томностью, чувство беспомощности стало сладким, в нем появился неуловимый привкус власти над мужчиной, знакомый любой желанной женщине.

Распаленные схваткой, возбужденные, они оба словно балансировали на краю, в полушаге от неведомого. Не имея сил ни отступить, ни перейти черту.

Джин тяжело выдохнул.

— Скажи, что не хочешь! И я отпущу... Может быть.

“Но я хочу!”

Осознание, что она настолько желанна для мужчины, что он едва сдерживается, опьянило. Тэруко ухмыльнулась. И шалея от собственного бесстыдства, чуть потерлась о самханца бедрами.

— Чокнутая, — каким-то незнакомым очень низким и хриплым голосом сказал Джин прежде, чем впиться в ее губы.

Все отступило: злость, обида, страх. Осталось горячее безумие поцелуев, обжигающая сладость прикосновений.

— Ты.

...Хриплым шепотом, руки развязывают пояс, чтобы нырнуть под рубаху, дотронуться до нее там, где не касался ни один мужчина, кроме него...

— Упрямая.

...Губы скользят по нежной коже, обжигая поцелуями. Ладонь — жесткая, в мозолях от оружия — ложится на грудь. Пальцы теребят, пощипывают сосок. Так приятно, что невозможно не выгнуться ей навстречу, выпрашивая еще этой развратной ласки...

— Глупая.

...На смену рукам приходят губы. И остается только зарыться пальцами в рыжие волосы, всхлипывая и вскрикивая от ласковых укусов...

— Моя!

...Мужские руки распускают завязки штанов, оставляя ее обнаженной, дрожащей от возбуждения. Подхватывают, прижимают к телу, несут куда-то. Будь благословенна тьма пещеры, в которой не видно лиц. При свете дня Тэруко сторела бы со стыда...

— Хочу тебя, — голос в темноте.

Прохладный шероховатый камень под спиной, который почти сразу нагревается, становится почти обжигающе горячим. Мужчина рядом — самый сильный, заботливый, умный. Самый лучший в мире! Его поцелуи — то нежные и легкие, едва ощутимые, как прикосновения крыльев бабочки, то жаркие и страстные. Узел на поясе, который наконец получилось развязать — Тэруко тоже хочет ласкать и целовать Джина! Тело словно охвачено огнем. Огнем, в котором сгорает представление о приличиях, гордости, правилах. К демонам будущее — есть ли оно вообще? Здесь и сейчас в крошечной тьме пещеры есть только звуки, запахи, нежные губы, сильные руки и желание, разделенное на двоих.

Тяжелая ладонь внизу живота. Там, где жарко пульсирует и ноет от возбуждения. И умелые пальцы скользнувшие ниже вдоль покрытых влагой лепестков...

— Я боюсь, — шепнула Тэруко. — Не надо... — она замолчала, сама не зная о чем просить дальше.

Она не чувствовала себя готовой к сексу. Слишком внезапно все случилось.

Мужчина шумно выдохнул.

— Хорошо, — поцелуй глубокий и долгий. — Ничего не будет, пока сама не захочешь.

А потом снова поцелуи, прикосновения — все более развратные и приятные. Пальцы, глядящие ее там, внизу, доводя до исступления. Свод пещеры, отразивший стоны, мгновения невыразимого восхитительного наслаждения. Горячий твердый стержень в ее руке и просьба срывающимся шепотом “Поласкай его”.

Она ласкала. Сперва руками, а потом, осмелев и вспомнив кисэн, лизнула. Джин вздрогнул.

— Не останавливайся, — глухо попросил он. — Пожалуйста.

— Я не очень знаю, что делать, — смущаясь, призналась принцесса. Ее учили многому, но не обращению с этой важной частью мужского тела. А сама она, пока была юношей, так и не удосужилась толком попробовать каково это. Не было места, возможности, да и просто насильно врученное мужское тело, вызывало потаенную ненависть. Его не хотелось ласкать.

Зря. Сейчас хоть не чувствовала бы себя настолько неумехой.

— Все хорошо, — Джин легонько погладил ее по спине, положил ладонь поверх ее руки, чуть сжал. — Просто чуть сильнее.

Она сделала, как он велел и услышала в награду стон. Ему нравится? Тэруко ощутила возбуждение и гордость. Снова сомкнула губы, скользнув языком вдоль горячего ствола... Неумело, но старательно.

Дарить наслаждение оказалось не менее приятно, чем получать. Ловить изменившийся ритм дыхания, угадывать его желания, следовать за указаниями, сказанными хриплым прерывающимся голосом.

Это не длилось долго. Тэруко даже не успела толком войти во вкус, когда Джин подался бедрами вперед и рот наполнила вязкая жидкость. Она так растерялась, что не придумала ничего лучше, чем проглотить это.

— Спасибо, — он притянул ее к себе, поцеловал.

Она прильнула к нему в поисках тепла, положила голову на плечо. На несколько мгновений в пещере воцарилась тишина. Слышен был только шум воды от озера.

***

Джин медленно, провел пальцами вдоль ее позвоночника. Опустил руку на ягодицу, сжал.

— Ты чокнутая, — нежно повторил принц. — Маленькая, упрямая дурочка, которая всегда все делает по-своему, — он зарылся лицом в ее волосы. — Но как с тобой хорошо...

В ответ на эти слова Тэруко вздрогнула, словно выплывая из безумного сна. Одержимость и вожделение отступили, оставили ее. Зато вернулся стыд.

Боги, ужас какой! Она действительно делала это? С мужчиной, который не является ее мужем, который ее не любит и ничего ей не обещал?!

Остывший камень неприятно охлаждал кожу, вытягивал тепло, несмотря на горячие объятия. Непонятно почему захотелось заплакать, а еще больше искупаться. Тэруко попробовала освободиться, но самханец не пустил.

— Ты куда? — спросил он, продолжая целовать ее шею, плечи.

— К озеру.

— Опять? Что тебя туда так тянет? Успеешь еще, — Джин попробовал снова поцеловать ее в губы, но она отвернула лицо. — Эй, что случилось?

— Ничего.

Ну почему нельзя просто отпустить ее к озеру? Тэруко просто хочет поплакать. В одиночестве, а то ведь с Джина станется пристать с вопросами, что случилось и почему она ревет. И не будешь же объяснять, что ей сейчас так обидно, что жить не хочется. Что она чувствует себя использованной, не нужной.

Но упрекнуть некого. Она сама желала этого. Так хотела, что из штанов была готова выскочить.

Что хотела, то и получила. Как говорила Маго-Хельми, у любого выбора есть последствия. Вот и Тэруко сейчас предстоит разбираться с последствиями своей похоти.

Ничего, разберется. Она сильная, справится. Только поплачет сначала тихонько в соседней пещере.

— Ты холодная, как ледышка, — Джин ругнулся и сел. — Так, я тебя сейчас отпущу на минуту. Не вздумай убежать, все равно поймаю, приволоку сюда и отшлепаю по попе. Поняла?

— Угу, — буркнула принцесса.

Ей показалось, что несмотря на шуточный тон с Джина станется выполнить угрозу, поэтому когда он действительно отпустил ее, Тэруко не двинулась с места. Камень под ними нагрелся, а потом в ладони Джина вспыхнул “светлячок”.

— Ой... — Тэруко зажмурилась. Пламя больно резануло отвыкшие от света глаза.

И еще стало стыдно. В сто раз сильнее, чем было до этого. Она зачем-то потянулась прикрыться, заозиралась в поисках своей одежды.

— Тэруко, ты меня стесняешься? — в голосе самханца послышалось насмешливое изумление.

— Я... Нет. То есть да.

Нервы принцессы все-таки не выдержали. Она снова закрыла лицо руками, съежилась и заплакала, ощущая себя бесконечно одинокой, никому не нужной, запутавшейся и порочной.

Джин снова выругался. Свет в его руке погас, он обхватил девушку, прижимая к себе.

— Эй, что случилось, малыш? Тебе было больно? Плохо?

— Нет.

— Я что-то сделал не так? Проклятье, да не молчи ты!

— Все было хорошо, — она протяжно всхлипнула.

— Не ври, — его голос звучал очень мрачно. — Слышу я, как “хорошо” все было. Ну хватит! Просто скажи, в чем дело! А то я себя начинаю чувствовать каким-то монстром, который извращенно надругался над невинной девой.

— Пожалуйста... мне нужно помыться.

— После меня? — зло спросил Джин. — Я тебя испачкал?

Она вздрогнула и даже прекратила плакать.

— Нет.

Самханец несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, словно пытаюсь успокоиться.

— Хорошо, пошли мыться, — он поднялся и потянул ее за руку.

— С тобой?

— Одну я тебя не отпущу. Это может быть опасным.

Девушка не нашла, что возразить на эти справедливые слова. Она слушала, как он одевается в темноте на ощупь, потом снова зажегся “светлячок”, освещая пещеру. Тэруко встала, поежилась и невольно прильнула к мужчине в поисках тепла. Он помедлил, а потом обнял ее свободной рукой за плечи.

И все равно казалось, что Джин отстранился от нее, закрылся. Обиделся? Если не обиделся, почему молчит? Почему больше не пытается поцеловать? Как теперь ему в глаза смотреть? Что делать, если он снова захочет чего-то такого и будет приставать? А если не захочет?

Ну почему она такая дура?! Насколько понятнее все было до того, как случилась эта нелепая близость, которую даже близостью назвать-то сложно!

Озеро встретило их шумом водопада. Тэруко поежилась, глядя на воду. Пусть и теплая, лезть в нее совершенно не тянет. Но признаваться в подобном как-то неловко.

Принцесса скользнула в воду почти без звука и поплыла, словно стремясь уйти как можно дальше от берега, освещенного одиноким дрожащим огоньком. Уплыть от мужчины и связанных с ним проблем.

Тэруко плыла и плыла. Давно остался за спиной водопад. Впереди расстилалась безвидная чернильная тьма. Ни проблеска, даже границу между воздухом и водой можно лишь нащупать.

На мгновение принцессу охватила паника. Ей показалось, что она затерялась в этой темноте и пустоте, и не сможет найти дороги к берегу.

— Тэруко! — долетел встревоженный голос из-за спины. — С тобой все в порядке?!

Она обернулась и увидела оранжевый огонек. Яркий, хорошо различимый в окружающей тьме, он указывал путь подобно маяку. В груди стало тепло, словно этот далекий огонек согрел ее.

Джин зажег маяк для нее. Чтобы она смогла вернуться.

Зачем она так ведет себя с ним? Джин же не отталкивал ее. Не говорил, что считает никчемной потаскухой. Да, принц не любит ее. Да, потом, когда придет время плыть домой, будет больно. Но плакать об этом уже сейчас — обкрадывать саму себя на минуты счастья. А ведь можно ласкать его, целовать, наслаждаться ответными ласками...

Может они вообще не найдут выхода. Так и останутся здесь, в пещере. И чего, спрашивается, Тэруко страдает?

Дура она все-таки! Вот правильно Джин сказал — маленькая дурочка.

— Тэруко!

— Я иду, — крикнула девушка, и торопливо поплыла к берегу.

В этот раз она взяла чуть правее, чтобы проплыть рядом с водопадом — хотелось посмотреть на него вблизи. Хотя что различишь в такой темнотище?

Это было ошибкой. Стоило поравняться с водной стеной, как Тэруко почувствовала, что ее сносит подводным течением. Девушка заработала руками, пытаясь выгрести, но поток утягивал ее все дальше. Огонек на берегу тревожно мигнул и снова начал отдаляться.

— Джи-и-ин! — в панике закричала девушка.

С берега долетел ответный крик, а потом Тэруко потеряла огонек из виду. Бурлящий поток подхватил ее и понес в темноту.

ГЛАВА 19

Скорость все нарастала. Стремительный поток воды крутил и тащил Тэруко куда-то в непроглядной тьме. Она уже оставила бесплодные попытки выгрести, теперь все силы уходили на то, чтобы не наглотаться воды. Течение вынесло девушку в извилистый туннель. Несколько раз принцесса налетала на стены, но тщетно она пыталась уцепиться за какой-нибудь выступ, пальцы скользили по вылизанному водой камню.

Шум воды впереди усилился, перешел в рев. Тэруко, осознав сквозь застилавшую разум панику, что предвещает этот звук, снова принялась выгрести против течения, пока совсем не выбилась из сил.

А потом волна захлестнула ее, накрыла с головой и понесла по стремительно уменьшающемуся кругу. Были короткие мгновения на краю всасывающей воду воронки и невозможный ужас свободного падения в темноте и пустоте.

Удар о воду оглушил. Измученная напрасной борьбой со стихией девушка камнем пошла ко дну и опомнилась, лишь ощутив под ногами округлые валуны. Оттолкнувшись от них, Тэруко заработала руками и ногами и вынырнула, жадно хватая воздух ртом.

Резанувшее по глазам солнце снова заставило зажмуриться.

Солнце! Выбралась!

А как же Джин?

Все эти мысли пронеслись в голове, пока Тэруко барахталась вслепую, закрыв ослепшие после долгого пребывания в темноте глаза. Течение продолжало нести ее куда-то — не такое стремительное, как в подземном туннеле, но все равно мощное.

Надо бы выбираться на берег. По слухам в самханских реках водятся крокодилы.

Стоило вспомнить о них, как что-то дернуло ее за руку. Девушка завизжала и заколотила руками, подняв тучу брызг. Нападавший прорычал что-то, но звук потонул в шуме реки. Тэруко снова попыталась отпихнуть его, и с головой ушла под воду. Пальцы скользнули по коже — гладкой, лишенной чешуи. Вполне человеческой на ощупь. Наткнулись на мокрую ткань.

Она так удивилась, что даже прекратила сопротивляться. Позволила утянуть себя в сторону и очень скоро почувствовала под ногами дно.

Свет снова ожег глаза, но Тэруко упрямо вглядывалась сквозь выступившие слезы. Впереди виднелся пологий берег и скалы. Она перевела взгляд на мужчину, которой все еще удерживал ее под мышками и, ругаясь, тянул к берегу.

— Джин?!

— Дождешься, я тебя все-таки выпорю однажды, — устало отозвался он.

— Пусти, я сама пойду!

Он отпустил.

Почти падая от усталости, Тэруко добрела до берега и рухнула на горячую от солнца скалу. Все! Больше она не встанет! Так будет здесь лежать. И помрет здесь. Даже рукой шевельнуть сил нет.

Некстати пришла мысль о собственной нагоде, но усталость была такой безмерной, что даже стыд отступил.

Рядом плюхнулся Джин. Его одежда промокла насквозь, струйки воды стекали с нее, бежали вниз по камню.

И все-таки хорошо быть живым. Лежать на теплом камне, ощущать жаркие поцелуи солнца на коже. Никакой тьмы и шорохов. И Джин рядом...

Кстати, как он здесь оказался?

— Прыгнул за тобой, как еще? — мрачно отозвался принц. — Когда увидел, что тебя сносит течением за водопад.

— Ты прыгнул за мной? — она растерялась. — Но там же могло быть что угодно! Острые камни. Обрыв. Подземное море. Чудовища...

Он хмыкнул:

— На наше счастье, у меня не было времени, чтобы подумать об этом как следует.

Тэруко нашла его ладонь, сжала.

— Спасибо.

— За что?

— Что не бросил.

Джин тяжело вздохнул.

— Ты мне не доверяешь, — грустно констатировал он и сел, заслоняя Тэруко от солнца. Повернулся, разглядывая ее со странной улыбкой.

— Я доверяю! — взгляд у Джина был насмешливый, теплый и при этом очень мужской. От него по коже забегали щекотные мурашки, и принцесса почувствовала себя еще более голой, чем до этого. — Не смотри, — она прикрылась руками, чувствуя себя крайне глупо. Как-то странно просить не смотреть, если уж позволяла трогать, гладить, целовать.

— Почему?

— Я стесняюсь.

Джин улыбнулся.

— Тогда зажмурься, — посоветовал он, склоняясь над Тэруко, чтобы положить ладонь ей на глаза. — Потому что я не отвернусь. Мне нравится на тебя смотреть.

Теплые губы коснулись ее губ, и стыд отступил. Принцесса выгнулась мужчине навстречу, обвила руками за шею, прильнула, зарылась пальцами в волосы.

Джин восхитительно целовался. Неторопливо, уверенно, но не слишком напористо. Нежно прикусывал сначала нижнюю, а потом верхнюю губу. Не подчинял, а дразнил, вовлекая в возбуждающую игру, и девушка отвечала ему с восторженным трепетом.

Сколько раз они могли умереть за последние три дня?! Сколько раз постояли на краю?! Как прекрасно жить, дышать, лежать на прогретых солнцем камнях и целоваться после жутких мгновений во тьме туннеля, после падения в неизвестность! И как глупо это — цепляться за приличия. Гори все огнем, она любит этого мужчину!

Если Джин хочет сделать ее своей любовницей, Тэруко не станет сопротивляться. И пусть потом будет больно...

— Не будешь больше рыдать и отворачиваться? — прошептал он, прерывая поцелуй.

— Не буду. Прости меня, пожалуйста. Ты тогда обиделся?

Он покачал головой и улыбнулся:

— Я растерялся.

— Ты?!

— Я. Знаешь, очень странное чувство, когда девушка плачет после твоих ласк. У меня это впервые.

Тэруко покраснела.

— Прости, — повторила она. — Это... не из-за тебя.

— Я так и понял. Женщины любят надумывать, — он ущипнул ее, вызвав протестующий визг. — Давай договоримся, Тэру-чан. В следующий раз, когда тебе придет в голову очередная больная фантазия — любая, не важно какая, ты расскажешь о ней мне. И рыдать начнешь не раньше, чем мы это обсудим. Согласна?

Принцесса кивнула. Он не готова была обсуждать то, что терзало ее, ни с Джином, ни с кем другим, но спорить тоже не было сил.

— А где моя одежда? — невпопад спросила она.

Джин хитро ухмыльнулся:

— Зачем вам одежда, ваше высочество? — промурлыкал он. — В таком виде вы мне нравитесь куда больше.

Она чуть покраснела и пихнула его в бок кулаком.

— Я серьезно!

— Осталась в пещере. Как и еда. И, — тут он тяжело вздохнул, — мой меч. Я, конечно, и так кое-что могу, но все равно без оружия чувствую себя голым, — тут он очень выразительно покосился на Тэруко.

Девушка не оценила юмора.

— В пещере... — глупо переспросила она. — Но... как же...

На этом мысли застопорились. Тэруко опустила взгляд на свое тело — женское тело, о котором тосковала столько времени. На бедре наливался здоровенный кровоподтек — в туннеле о стенку приложило. А в остальном все как было — длинные стройные ноги, женственные бедра, тонкая талия, дерзко торчащая грудь. Приятно посмотреть.

Но она категорически против того, чтобы на это смотрел каждый встречный!

Джин протянул ей свою рубаху.

— Надень.

Подарок был мокрым. И безнадежно большим. Тэруко и в теле мальчика не отличалась особыми габаритами. Воротник-стойка нелепо мотылялся вокруг тонкой шейки, рукава обвисали.

Зато с длиной повезло. Полы облепили бедра, прикрыли ноги почти до колена, охраняя стыдливость принцессы, и Тэруко облегченно выдохнула. На первое время сойдет.

Она принялась. От ткани пахло озерной водой, дымом, а еще ее прежним хозяином.

— Сам знаю, что она не очень чистая, — мужчина развел руками. — Извини, другой нет.

— Не надо другой, — тихо откликнулась принцесса. — Мне все нравится.

Его запах действовал на Тэруко, как валерьянка на кошку. Вот и сейчас захотелось потереться щекой об одежду, но девушка сдержалась.

Джин прищурился, поднял лицо к небу.

— Утро. Похоже, мы провели в пещере часов восемнадцать-двадцать.

— Так мало?

Ей казалось, в темных туннелях и гротах прошла минимум неделя.

— Не больше точно, — он огляделся. — Понять бы еще куда нас вынесло.

Принц встал, огляделся, словно пытаясь сориентироваться, а Тэруко застонала. Опять куда-то идти?!

— Надо, — безжалостно отрезал Джин. И дернул ее за руку помогая подняться.

— Я так устала, — со вздохом сказала девушка. И сама удивилась, насколько легко ей, всегда боявшейся показать свою слабость перед мужчиной, далось это признание.

Он приобнял ее за плечи, легонько поцеловал в макушку.

— Знаю, малыш. Я тоже устал. Потерпи немного, надо хотя бы отойти от реки.

Странно, но это помогло не хуже, чем мысленный пинок или насмешки. Тэруко вздохнула и сделала шаг. А потом еще один. Подвернувшийся под ногу камушек больно впился в босую ногу. Она зашипела от боли, стиснула зубы и пошла медленнее, смотря под ноги.

Потом были валуны и скалы — ноздреватые, грубые. Джин выбирал дорогу, подсаживал девушку, подавал ей руку на спуске. Принцесса покорно шла за ним, слишком усталая, чтобы жаловаться или задавать вопросы. Все силы уходили на то, чтобы не упасть.

Скалы закончились внезапно. Впереди, сколько хватало глаз, простирались квадраты рисовых полей, а вправо уходила ровная дорога, и на горизонте над башней заставы развивался желтый флаг с огненным тигром.

***

Несмотря на усталость, после короткого отдыха Джин приказал седлать лошадей.

— Если хочешь — останься, — предложил он в ответ на жалобный взгляд принцессы. — Переночуешь в гарнизоне, выступишься. Я велю, чтобы завтра тебе выделили отряд до Шаньчжу.

— А ты?

Джин покачал головой:

— Я должен ехать.

Ощущение беды звало, требовало вернуться. Он и так на двое суток оставил армию и только что взятый город. Лишний час промедления мог стать роковым.

Принцесса тяжело вздохнула и потянулась за вторым седлом.

Гнать коней Джин все же не решился, опасаясь за Тэруко. Девушка и так выглядела измученной. Возможно, правильней было бы оставить ее в гарнизоне, но он боялся выпустить Тэруко из-под присмотра. Кто знает, что еще она учудит? С таким-то талантом влипнуть в неприятности.

Против воли взгляд снова и снова возвращался к ее ладной, затянутой в мужской костюм, фигуре, а в памяти всплывали горячие поцелуи, стоны, нежный бархат кожи и запах ее желаний. Врут те, кто говорят, что лучший способ победить искушение — поддаться ему. Он по прежнему хотел Тэруко, едва ли не сильнее, чем до того, как позволил себе перейти черту.

В любом случае пути назад нет. Принцесса Оясимы — не готовая на все служаночка или развратная фрейлина. Ее нельзя потискать мимоходом, а потом сделать вид, что ничего не было. И Джин, до того, как пойти на поводу у похоти, обещал позаботиться о ней. Хочешь не хочешь, он должен жениться.

“А ведь хочу”, - внезапно понял принц.

Мысль о том, чтобы назвать эту девушку своей и только своей, показалась вдруг невероятно привлекательной. Конечно, с политической точки зрения, Тэруко Ясуката — незавидная партия. После реставрации династии Риндзин за ней больше не стоит ни трона Оясимы, ни реальной власти. Но к демонам все соображения выгоды: Джин хочет жениться именно на ней! Чтобы целовать, опекать, заботиться, брать каждую ночь.

А тайна? Да Маго-Хельми с этой тайной! Ему приходилось совершать не самые красивые поступки и принимать сложные решения, но подлостей или ненужной жестокости за собой Джин не помнил. И Тэруко — взрослая девочка, она знает, что путь власти не всегда усыпан розами.

Он взглянул на небо и прикинул, что к Шаньчжу они доберутся еще до заката. Может, сразу поехать в храм? Нет, лучше сперва отмыться и выспаться. И хорошо бы как-то торжественно обставить предложение — женщины любят красивые жесты, а Тэруко досталось слишком мало ухаживаний с его стороны. Если бы не Мия...

Если бы не Мия и не дурное решение жениться на ней вопреки воле отца, Джин не стал бы пренебрегать своей невестой. Разглядел бы ее куда раньше. Ее настоящую: смелую, порывистую, добрую и глубоко в душе отчаянно неуверенную в себе. Слабость, которую принцесса успешно прятала потому, что однажды ей кто-то велел всегда быть сильной.

Ничего, с ним она сможет быть и сильной, и слабой. Такой, какой захочет сама.

***

Они въехали в Шаньчжу, когда солнце уже опускалось за горизонт. Стражники на городских воротах — местные, не из войска принца — узнали принца и засуетились. Тэруко с раздражением наблюдала, как они прыгают и кланяются. Ей хотелось только одного: добраться до постели и закрыть глаза.

Джин, разделявший ее чувства, не стал слушать поток заверений в верноподданических чувствах.

— Потом, все потом, — резко отмахнулся он. — Открывай ворота.

Весть о возвращении принца летела впереди них. Из окрестных домов высыпал народ. Толпился, косился и показывал пальцами. Тэруко ежилась под пристальными взглядами горожан и еле сдерживалась, чтобы не торопить коня.

— Почему они так смотрят? — не выдержала она.

— Сам не пойму, — мрачно отозвался Джин. — Такое чувство, что за эти два дня что-то случилось.

Почетный эскорт из военачальников во главе с генералом Бао встретил их на рыночной площади на полпути к дворцу. Завидев Джина, генерал спешил.

— Ваше величество...

Лицо Джина побелело.

— Тхан? — тихо спросил он.

— Глашатаи принца Мина объявили, что Тхан аль Самхан, обвиненный в убийстве отца и заключенный под стражу, скоропостижно скончался от неизвестной болезни, — зычный голос генерала был хорошо слышен на вечерних улицах. — Принц Мин готовится к коронации. Нам предложено сложить оружие и сдаться или же все мы будем объявлены бунтовщиками без права на помилование. Наше имущество будет изъято на нужды империи, а родные сосланы на каторгу.

Принц выслушал эту речь молча, вцепившись побелевшими пальцами в поводья коня.

— Ваше величество, — генерал упорно продолжал именовать Джина так, подчеркивая свою лояльность. — Время объявить народу о снятии проклятья.

“Или сложить оружие”, - недосказанная фраза повисла над площадью.

— Вижу, — коротко обронил Джин. А потом обернулся.

Город ждал. Люди заполонили переулки, выглядывали из окон. Над толпой витал негромкий отчетливый ропот.

— Слушай меня, народ Самхана, — оказывается, когда нужно Джин умел говорить очень громко. — Я — Джин Хо ланг-И аль Самхан, старший сын покойного императора, объявляю о своих правах на трон по праву крови и силы. Мое происхождение — достойно, а намерения чисты. И да будет свидетелем тому изначальное пламя.

Принц вытянул перед собой правую руку, и широкий огненный столб ударил с раскрытой ладони в небеса. Рдеющий поток пламени отчетливо был виден в сгущающихся сумерках.

На мгновение на площади повисла оглушительная тишина.

— Слава императору Джину, — выкрикнул генерал и ударил мечом в щит.

— Слава! — взорвалось криками воинство за спиной принца.

Гром ударов нарастал в едином слаженном ритме, похожий на звук биения сердца.

Лошадь под Джином дернулась, напуганная то ли громкими криками, то ли близостью пламени. Принц выругался сквозь зубы и вцепился свободной рукой в поводья, всеми силами пытаясь удержать своенравное животное.

Если сейчас взбрыкнувшая скотина скинет седока под ноги горожанам, весь эффект от речи и красивой демонстрации силы пойдет псу под хвост!

Эта мысль промелькнула, когда Тэруко уже спрыгнула на землю и подбежала, чтобы перехватить поводья. Конь всхрапнул и попытался ее укусить, но принцесса была настороже.

— Тише, тише, — прошептала она, сунув недовольному жеребцу черствую рисовую лепешку.

Подачка помогла, или лошадь сама по себе привыкла к громким звукам, но конь прекратил приплясывать. Тэруко обернулась на толпу и у нее перехватило дыхание.

Один за другим горожане опускались на колени перед Джином, признавая власть нового императора.

ГЛАВА 20

Дорогу до дворца она запомнила урывками. Вокруг Джина как-то резко объявилось множество всадников, и у каждого было срочное дело. Они оттеснили Тэруко в сторону. Наверное, и вовсе прогнали бы, если бы не Джин, вовремя заметивший ее отсутствие.

На пороге дворца девушка пошатнулась.

— Держись, — шепнул Джин, обнимая ее за плечи. Сам полумертвый от усталости.

Опираясь на мужчину, принцесса добрела до комнаты и рухнула на кровать. С отстраненным любопытством наблюдала, как Джин зажигает фонарь, как собирает какие-то бумаги. Мысли текли вяло, медленно.

— Это твоя комната?

— Теперь моя, — он пробежался взглядом по очередному исписанному листу, смял и заставил вспыхнуть. — Но ты спи. Я уйду, чтобы не мешать.

— А ты не ляжешь?

— Не могу. Нужно отправить демонову кучу писем и разобраться с делами. Сейчас

такое начнется... сама видела, что было на площади. Спи, малыш. Я приду к тебе позже, — он нагнулся и легонько чмокнул Тэруко в губы. — И спасибо, что придержала лошадь. Если бы я вылетел из седла, это был бы полный провал.

— Я же твой оруженосец, — пробормотала принцесса. Глаза закрылись, будто сами собой, и Тэруко нырнула в сон, как в теплую воду.

***

— Ты!!! — Вдовствующая императрица-консорт ворвалась в комнату, не постучавшись.

— Да, матушка? — Мин аль Самхан поднял голову от разложенных на столе бумаг и наградил женщину любезной улыбкой.

— Ты сделал это?! — красивый грудной голос Сунан аль Самхан задрожал, а в глазах блеснули слезы. В этот момент она походила не столько на довольную хищницу, сколько на убитую горем немолодую женщину.

Брови младшего принца взмыли вверх в гримасе преувеличенного недоумения.

— О чем вы, матушка?

Горе на лице императрицы мгновенно сменилось яростью.

— Не смей делать вид, что не понимаешь! — прошипела она. — Тхан — твой брат!

— Был моим братом, вы хотите сказать? — насмешливо пропел принц. — К несчастью, он умер.

Из груди женщины вырвалось сдавленное рыдание. Она стремительным шагом пересекла комнату и замахнулась.

— Не стоит, матушка, — мягко пожурил ее принц, перехватывая руку. — Негоже женщине поднимать руку на будущего императора. Это могут счесть покушением.

— Как ты мог?!

— О, — злая улыбка скользнула по губам принца. — Это было нетрудно. Я хорошо разбираюсь в ядах.

Сунан издала отчаянный крик и попыталась вцепиться когтями в лицо сына, но Мин снова с легкостью поймал ее запястья. Она рычала и пыталась вырваться, но принц удерживал мать. На его безупречно-красивом лице, покрытом белой пудрой, отражалось любопытство и легкое сочувствие. И только взгляд — оценивающий и цепкий — наполнился злорадством.

— Пусти! — прорыдала Сунун.

— Как только вы успокоитесь, матушка, я сразу же вас отпущу. Очевидно, что вы несколько расстроены смертью моего брата, — принц ядовито ухмыльнулся. — Скорблю вместе с вами.

Императрица глотнула воздуха. И уставилась на своего младшего сына так, словно видела его впервые.

— Ты ли это? — потерянно спросила она. — Это так не похоже на тебя, Мин...

Походивший на дорогую фарфоровую куклу молодой мужчина зло рассмеялся.

— Матушка, вы действительно полагаете, что знаете, какой я? — вкрадчиво спросил он. — И какой же?

Капризный, изнеженный, трусоватый. Всегда послушный, всегда на ее стороне, поэтому скучный. Подражающий ей во всем. Коварство Мина — отражение ее любви к интригам, его жажда власти — тень ее амбиций.

Ей хотелось девочку. Родить только для себя, чтобы никто не смел отобрать ребенка, как случилось с Тханом. Но боги послали Мина. Первое время императрица квохтала над

ним, как наседка над цыпленком. Сама занималась воспитанием, к счастью, нелюбимому мужу хватало первенца и Тхана. Сунан радовалась тому, как поздно и медленно Мин вырослел. Даже преодолев порог, отделяющий ребенка от юноши, младший сын остался похожим на красивую куклу. Радостно перенимал ее любовь к изысканным нарядам, украшениям и мужчинам.

То ли сын, то ли дочка. Она даже не стеснялась обсуждать с ним своих любовников!

— Сядьте, матушка. В вашем возрасте вредно долго стоять, — Мин толкнул ее в кресло с неожиданной силой. — Сядь, я сказал, — повысил он голос, когда она попыталась встать. — И слушай.

Женщина стиснула пальцами подлокотники, не отрывая взгляда от принца. В ее душе легкое пренебрежение начало уступать место страху.

— Я пытался, — заговорил Мин. — Видят боги, я очень долго пытался привлечь ваше внимание, матушка. Старался так, что стал всеобщим посмешищем. Только это бесполезно. У отца всегда был Джин, у вас — Тхан. Будущий правитель. А что остается ненужному младшему брату? Наряды и косметика — его голос опустился ниже, стал походить на шипение змеи. — Вы готовы были любить меня до тех пор, пока я — милая послушная игрушка.

Он навис над ней. Улыбка превратилась в безобразную гримасу, изуродовала красивое лицо. И Сунан внезапно осознала, что ее младший, женственный сын, которого она никогда не воспринимала всерьез, на самом деле — молодой мужчина. Выше ее на две головы и много сильнее, несмотря на праздный образ жизни.

— Но я не игрушка, я — игрок. Если вы всегда любили власть, то возможно мне стоит стать властью, чтобы вы полюбили меня?

— После того, как ты убил моего старшего сына, — глухо спросила императрица. — Ты — чудовище.

Мин пожал плечами.

— Я бы пощадил его, если бы он подписал отречение, — он развел руками. — Или нет? Понимаете, матушка, император не может позволить себе мягкосердечие, его слишком легко принять за слабость.

— Император?

— Коронация через две недели, как только истечет минимальный срок траура. У меня же брат умер, как-никак, — он фальшиво вздохнул. — Зато есть время, чтобы все подготовить. Вам придется постараться, чтобы организовать торжество на должном уровне, но вы всегда любили сложные задачи, не так ли?

Она подняла на него не верящий взгляд и горько рассмеялась.

— Ты ждешь, что я буду заниматься твоей коронацией?!

— Будете, матушка. Обязательно будете, — принц положил руку ей на плечо и подмигнул. — А то ведь может всплыть, кто на самом деле убил его покойное величество. Будет очень неловко, если окажется, что к этому причастна скорбящая вдова.

— У тебя нет доказательств!

Мин выразительно приподнял бровь:

— Вы действительно так полагаете?

— Ты чудовище, — повторила императрица с тихим отчаянием.

— Я — всего лишь сын своей матери, — он выпустил ее плечо. Отошел к зеркалу, расправил веер, разглядывая свое отражение. — И, кстати. Власть — слишком большая обуза

для женщины ваших лет, матушка. Я, как заботливый сын избавлю вас от лишних хлопот и решений.

— Хорошо, — тяжело отозвалась женщина. — Я организую твою коронацию. А потом я хочу уехать.

— Куда?

— В провинцию Фэ. Твой отец подарил мне Белый дворец у озера.

Принц задумался. А потом покачал головой.

— Не могу вам этого позволить. Да и что вы будете делать в провинции? Вы же заболаете там со скуки. В столице приемы, торжества. К тому же женская половина дворца все еще в вашем распоряжении. Фрейлины нуждаются в надзоре. Вы ведь любите распоряжаться фрейлинами и устраивать праздники, не так ли матушка?

***

Проснулась Тэруко, как и засыпала, в одиночестве. Джин или не приходил, или приходил, но уже ушел.

Судя по солнцу, время приближалось к полудню. Принцесса выглянула в окно, полюбовалась на снующих по площади военных. Сразу вспомнился вчерашний вечер. Ровные удары, выкрики “Слава!” и народ, встающий на колени.

Получается, Джин теперь император? Ну, будет императором, когда победит в своей войне.

А Тэруко кем будет для него?

Она так и не набралась смелости задать принцу этот вопрос. В горах было страшно, а потом, когда выбрались к людям, стало некогда.

Девушка закрыла окно и огляделась. Покои поражали роскошью, от которой она совершенно успела отвыкнуть за время своих скитаний. Золоченые статуи, пышная кровать под балдахин, мебель из драгоценных пород дерева. Должно быть, раньше эта комната принадлежала самому наместнику.

У противоположной стены имелось зеркало. Тэруко шагнула к нему и отшатнулась. Из полированной глубины на нее глядело чучело. Спутанные грязные волосы, невзрачная и мешковатая одежда не по размеру, да еще и лицо чумазое в дорожной пыли. Даже не умылась вчера перед сном.

Неудивительно, что Джин сбежал от нее с утра.

Вымыться оказалось не такой уж простой задачей. Бывший дворец наместника теперь напоминал казарму: в коридорах то и дело встречались офицеры, из каждой комнаты доносились голоса, пахло мужским потом, кожей и почему-то лошадьми. Спали, ели и мылись, как и в полевом лагере, все вместе. Горячая вода была роскошью, немногочисленные слуги и так сбивались с ног, пытаясь удовлетворить нужды господ офицеров.

Но Тэруко еще не настолько сошла с ума, чтобы придаваться водным процедурам в компании десятка мужчин! К счастью, в соседней комнате обнаружилась личная ванная наместника, похожая на небольшой бассейн глубиной по грудь. Девушка поймала служанку и потребовала наполнить его водой. При этом принцесса сумела быть настолько убедительной, что у женщины не возникло и тени сомнения в праве Тэруко распоряжаться.

Она понадеялась, что стосковавшиеся по горячей ванной мужчины все же не рискнут ломиться в личные покои принца, но прогадала. Принцесса успела вымыть голову и с наслаждением отскребала себя мочалкой, когда дверь распахнулась, и в помещение влетел

Юн. Голый, если не считать полотенца, обернутого вокруг бедер.

— Привет, Рю, ты уже вернулся?! — затараторил он с порога. — Ты куда пропал?! По поручению его высочества уехал, да? Я так и подумал. Слышал, что вчера было? Его высочество перед всем народом объявил себя императором и разбудил вулкан. Как жаль, что я этого не ви... — он оборвал скороговорку на полуслове и уставился на прикрывшуюся принцессу с недоумением. На простодушном мальчишеском лице отразилась напряженная работа мысли.

— Э-э-э, Рю? — неуверенно спросил оруженосец. — Это ты?

— Выйди, или я буду визжать, — она сумела произнести это так спокойно, что сама себе поразилась.

Услышав высокий женский голос Юн вспыхнул, став похожим по цвету на вареную креветку.

— Извини... те, — выдавил он и ретировался.

Когда за оруженосцем захлопнулась дверь, Тэруко истерически рассмеялась. Ну вот и все. У Юна язык без костей, к вечеру все войско будет в курсе, что оруженосец Рю на самом деле — девчонка.

— Вот ты где? — буквально парой минут спустя в помещение заглянул Джин.

Принцесса снова возмущенно скрестила руки на груди:

— Ты мог бы стучаться?

То, что было между ними в пещере еще не дает ему права врываться в любой момент.

— Прости, — Джин оперся о стену и прикрыл глаза. Вид у него был измученный, под глазами залегли черные круги. — Устал, как мул. Начинаю делать ошибки, забывать простые вещи. Слишком много всего приходится держать в голове.

— Ты так и не спал? — потрясенно спросила девушка.

— Спал два часа. Мало.

В глаза бросился костюм принца. Белый с черной каймой. Траурный наряд.

— Заканчивай и одевайся, — продолжал Джин, опуская на низкий столик сверток с одеждой. — Будет безопаснее, если тебя продолжат считать моим оруженосцем. Постарайся себя не выдать.

Тэруко виновато улыбнулась.

— Юн меня видел.

— Я поговорю с ним. Поторопись, — он помассировал виски и сообщил буднично, словно говорил о погоде. — Через час мы выдвигаемся.

— Куда?

— В ущелье. Ночевка будет с той стороны хребта.

И ушел, оставив ее потрясенной и растерянной.

***

Войско покидало Шаньчжу спешно, но дисциплинированно. Отряд за отрядом вливался в широкий проем ущелья, по трещине в теле хребта текла человеческая река.

Шли налегке, оставив в Шаньчжу катапульты и часть обоза. Важно было преодолеть извилистое ущелье до темноты. Условий для ночевки многотысячной армии в Лонг Юй не было.

Тэруко в мальчишеском наряде и легком кожаном доспехе, с туго забинтованной грудью была почти не отличима от оруженосца Рю. Да, стала чуть ниже, мельче, но кто приглядывается к этим мальчишкам, у которых и усы не растут?

Как и велел Джин, она держалась за ним, порой бросая тревожные взгляды в сторону принца. Ей не нравилось, как он выглядит. Совсем себя не бережет!

Ехавший рядом Юн молчал и поминутно косился на девушку, что очень раздражало. После часа пути девушка не выдержала и сердито повернулась к оруженосцу:

— Ну что?!

— Ничего, — парень вздргнул, отвел взгляд в сторону. И снова уставился на нее. — А ты правда девчонка, Рю, — нерешительно спросил он, понизив голос.

— Да, — коротко ответила Тэруко, решив не вдаваться в подробности.

— Но... я помню, мы ходили на речку. И, — он сглотнул и уставился на ее грудь. Как будто, там было на что смотреть под бинтами и свободной одеждой.

Она вздохнула.

— На мне было проклятье. Его удалось снять.

Глаза Юна вспыхнули.

— Я понял! — завопил он так громко, что на них стали оборачиваться, а Тэруко сердито зашипела. — Прости, — шепотом продолжил оруженосец. — Я понял! Ты Тэруко Ясуката! Жена его высочества!

“Не жена, — мысленно ответила ему Тэруко. — Я вообще не знаю, кто я ему.”

Нужно было заводить об этом разговор там, в пещере. Или у реки. Когда Джин принадлежал только ей одной и смотрел так, словно ничего важнее и интереснее Тэруко нет в целом мире.

А сейчас на нем армия, военачальники, солдаты, целая страна. Ему не до своей бывшей жены. И даже спрашивать неловко. Джин такой измученный. А еще он горюют по брату. Скрывает, но все равно видно.

Нет, Тэруко не станет добавлять любимому проблем. Вопросы подождут.

Чтобы не вдаваться во все эти сложности, она просто кивнула.

— Так что же? — расстроено спросил оруженосец. — Мне нос какая-то девчонка расквасила?

Несмотря на мрачные мысли, Тэруко рассмеялась.

— Не какая-то, — гордо подбоченясь, ответила она. — Я — принцесса Оясимы и дочь самурая. Отец с пяти лет учил меня сражаться.

— Поня-я-ятно, — протянул Юн, все еще разглядывая Тэруко, словно неведомую зверушку. — А что ты в городе не осталась?

— Потому что я — оруженосец Джина.

— Но ты же девчонка! И его жена.

— Ну и что?

Сраженный силой аргумента, оруженосец замолчал, а потом вдруг выдал совершенно невпопад:

— А ты очень красивая. Повезло его высочеству...

ГЛАВА 21

Потянулись дни, заполненные скудным походным бытом. Дорога, топот копыт, короткие стычки и снова дорога в пылевой взвеси.

Старший принц аль Самхан больше не устраивал многодневных осад, он брал города с ходу. Дипломатия и оружие, подкуп, посулы и обман — все шло в дело.

В войске появлялось все больше раненых. Их оставляли на попечение жрецов в

очередном городе, перешедшем под знамена принца. Вербовщики работали не покладая рук, на место одного убитого или раненого, становилось трое новых воинов. Армия Джина катилась через Самхан подобно снежному кому, обрастая по пути людьми и обозами.

Армия катилась, а впереди нее летели слухи. Говорили, о древнем пророчестве. О могучем потомке бога, одаренном особой властью. О грядущем пробуждении Огненного пояса — цепочки дремлющих вулканов, опоясывающих внутренние провинции Самхана. Вулканы и вправду пробуждались раз в несколько сотен лет, грозя выжечь все живое на сотни ли вокруг, и только сила крови аль Самхан была способна усмирить буйство стихии.

В каждом городе принц созывал толпу, чтобы повторить трюк с огненным столбом, и в каждом требовал от горожан присяги. Подданные, впечатленные властью над пламенем, охотно опускались на колени.

Слухи казались Тэруко удачным совпадением или милостью богов, пока однажды она не услышала, как Джин инструктирует приведенных к нему бродячих сказителей. Принц и не думал отпираться.

— Это — гражданская война, малыш. Война за души. Кого поддержит народ, тот и прав.

Воевал за души он умело. Перешедшие на сторону принца города и чиновники сохраняли свои богатства и даже преумножали их за счет тех, кто решился все же оказать сопротивление.

Только сейчас принцесса поняла, что первые недели, которые она провела в армии, были больше похожи парад, игру в войну.

За хребтом игры кончились.

Дни были заполнены звуками сигнального рога, скрипом обозных телег и лошадиным ржанием. Вскочить с утра пораньше, помочь воинам сняться. Долгий путь среди однообразных пейзажей: рисовые поля, отроги гор, реки, низенькие глинобитные лачуги. Сражения, после которых нужно перевязывать раненых и хоронить убитых. И снова в путь, пока садящееся за хребет солнце не окрасит поля алым и не придет время спешно ставить новый лагерь.

Дорога... Глаза бы на нее не смотрели! Опостылевшая, надоевшая до чертиков, но никуда от нее не деться. Однообразные, бесконечные ли. Топот копыт, запах кожи и лошадиного пота. Даже когда Тэруко закрывала глаза, она снова видела ямы и колдобины на утопанном тракте. И ночами, ей снилась проклятая дорога в клубках пыли.

Победы принца не радовали. С каждым новым городом Джин становился все мрачнее.

— Мин что-то затевает, — поделился он, когда Тэруко пристала с расспросами. — Мы ни разу не встретили серьезного сопротивления, только местные гарнизоны. У него почти сорок тысяч человек. Где они все?!

— Ждут на подступах к столице? — предположила Тэруко. — Но это глупо...

Нет ничего глупее, чем отдать врагу страну со всеми ресурсами и людьми, а потом надеяться победить.

— Вот именно. Мин не военный, но он не идиот. И у его генералов есть голова на плечах.

Но что бы ни двигало узурпатором — глупость или тонкий расчет, старший принц аль Самхан спешил воспользоваться возможностью и методично присваивал город за городом.

Хоть принц и настоял, чтобы Тэруко ночевала в его палатке, они почти не общались. Ему всегда было некогда, он всегда куда-то спешил. Принимал доклады, отправлял письма, отдавал приказы. Джин приползал в палатку, чтобы рухнуть на циновку, проспаться несколько

часов, обняв Тэруко, и снова умчаться. Ни задуманных разговоров, ни ласк. Ничего серьезнее поцелуев.

Его можно было понять. И все же Тэруко чувствовала, что начинает по-настоящему ненавидеть эту войну.

Для всех прочих она продолжала оставаться оруженосцем Рю. Пару раз офицеры пытались пошутить по поводу ее переезда в палатку принца. Это было неприятно, но девушка сдерживалась. Понятно, что на каждый рот замок не навесишь.

А вот Юн этого не понимал.

Услышав первую сальную шуточку подобного рода, он взбесился и потребовал, чтобы похабник попросил у Рю прощения.

— С чего бы мне извиняться за правду? — лениво спросил десятник — здоровый мужик, вдвое больше и старше Юна. — Я бы и сам этого оясимского парнишку нагнул — больно хорош. Ну чисто девочка, грех не всунуть.

Окончательно потерявший терпение оруженосец все-таки полез в драку. И получил от души, без скидок на юный возраст.

— Зачем ты с ним связался? — упрекнула его Тэруко, смазывая его синяки. Разукрасил десятник Юна от души, всеми оттенками фиолетового.

— Захотелось. Еще раз скажет, снова врежу!

— Дурак ты. Он же сильнее.

Юн упрямо мотнул головой.

— И что? Пусть держит свой поганый язык за зубами, — неожиданно зло и с какими-то очень взрослыми мужскими интонациями отозвался он. — Если кто посмеет про тебя гадости говорить — получит в морду.

Тэруко вздохнула и отправилась жаловаться Джину. Тот выслушал и кивнул. На следующий день сволочной десятник был бит палками и разжалован в рядовые. За драку.

А с Юном продолжало происходить что-то странное. Тэруко готова была поклясться, что приятель ее опекает и охраняет. Он постоянно терся рядом, перехватывал у нее тяжелую работу, следил, чтобы принцессе достался кусок поаппетитнее при раздаче. И вообще всячески заботился. Как мог.

Вот только общаться с оруженосцем теперь стало сложно. Разговаривая с Тэруко всегда бойкий, не лезущий за словом в карман мальчишка отчаянно смущался и становился косноязычным. И смотрел на нее как-то странно. Ну, почти как на Джина.

— Это ты ему велел? — спросила она у принца как-то вечером.

— О чем ты?

— Ты велел Юну опекать меня.

— Я? Нет... — Джин нахмурился. — Кстати, хорошая идея.

А сам Юн, стоило с ним завести разговор об этом, покраснел и сбежал.

К сражениям Джин ее не подпускал и близко. Специально несколько раз повторил, что категорически запрещает, и если она полезет в битву, в тот же день отправится на родину. Так что все, что оставалось Тэруко — это перевязывать раненых, обеззараживать воду, чтобы не допустить новой эпидемии и помогать на лагерных работах.

Она так и не решилась спросить у принца, кто она для него. Что он собирается делать, когда война подойдет к концу? Каждый день хотела, каждый день обещала себе задать вопрос. И молчала. Оправдывалась перед собой, что Джин слишком устал для серьезных разговоров.

Джин действительно уставал. Он осунулся, почти перестал шутить, порой засыпал, сидя над чашей с рисом, и часто смотрел сквозь Тэруко, словно она была прозрачной.

Принцесса стискивала зубы и приказывала себе терпеть. Сама напросилась.

***

— Войско обогнет Бай Сьян вот здесь, — ухоженный ноготь с безупречным маникюром прочертил широкую дугу на карте. Ты встретишь его тут, Дунг.

Генерал — сорокалетний мужчина, кряжистый и коренастый — хмуро кивнул. Он ничего не сказал, но на его смуглом лице и без того читалось все, что он думает об императорах, которые отсиживаются в столице, отправляя за себя воевать других.

Война была правом и почетной обязанностью семьи аль Самхан. Владеющие разрушительной огненной магией, способные разбудить вулканы и обрушить на противника их пылающую мощь правители всегда сами вели войска в бой.

Так поступил принц Тхан год назад, когда войска Оясимы высадились на побережье и начали грабить города. Так воевал его отец тридцатью годами раньше.

— Вы уверены, что они не пойдут через долину, ваше величество? — уточнил он. — Это самый короткий путь.

Новоявленный император успокаивающе улыбнулся

— В долине будет жарковато, — промурлыкал он. — Мои люди доносят, что Младший Лю готов проснуться. Вот незадача случится, когда окажется, что избранный богами наследник неспособен усмирить даже этого малыша.

Генерал кивнул. Ему не нравился двуличный и манерный Мин, он всей душой симпатизировал старшему принцу. Но не воинская доблесть давала потомкам аль Самхан право повелевать. Сила крови, наследие бога огня.

Генерал знал Джина и помнил историю его проклятья, потому не верил ползущим по стране слухам.

— А как же люди в Бай Сьян?

— После твоей победы я прибуду, чтобы спеть в долине колыбельную. Ты можешь идти, Дунг.

— Ты так уверен, что вулкан проснется? — раздался голос Сунан, стоило генералу покинуть комнату.

— Возможно, ему что-то немного поможет, — задумчиво пробормотал Мин, поглаживая Сердце Огня — рубин в форме головы тигра, высший знак власти. С тех пор, как старый император умер, младший отпрыск аль Самхан не расставался с артефактом. — Что-то или кто-то.

Сунан выглянула из-за ширмы. Мин скользнул взглядом по женской фигуре и испытал уже привычное раздражение.

Смерть Тхана подкосила мать. Она больше не напоминала блистательную хищницу. В глазах вместо вызова застыла тоска, морщинки стали заметнее, плечи опустились, словно под тяжестью невидимого груза. Прическа и макияж вдовствующей императрицы оставались безупречны, но что-то в том, как она двигалась, как смотрела, неумолимо выдавало отнюдь не юный возраст женщины. И белое траурное одеяние ее старило.

Интересно, стала бы она так горевать, если бы умер Мин? Он отчего-то был уверен, что нет.

— А сможешь ли? — с ядом в голосе спросила Сунан. — Ты никогда не был хорош в магии.

Мин скривился. Хотя и смирилась, а все равно не упускает случая уколоть. Природу не изменить.

Сможет. Будить чутко дремлющий вулкан не так-то сложно. Усыплять — гораздо труднее. Но у него будет время и Сердце Огня, из которого можно черпать силу.

— Я далеко не такой бездарь, как вы всегда полагали, матушка.

Мин пытался бороться со слухами. Распускал свои. Но легенда о проклятом богами выродке, который приведет Самхан к гибели не пользовалась успехом. Народ, любивший Джина, куда охотнее верил в сказки старшего брата.

Даже случившаяся третьего дня коронация — поспешная и недостаточно царственная — не поправила положения. Собравшаяся на дармовое угощение и щедрую милостыню толпа, конечно, надрывала глотки, славя нового императора, но Мин не был наивен, и понимал цену этим восторгам.

Хорош император! Пока он разбирался с Тханом и Сунан, ловкий старший братец оттяпал половину страны, и примеривался захватить остальное. Войдет Джин с войском в столицу, и чернь с тем же рвением будет приветствовать его. Шакалы!

Трон оказался фальшивкой. И пусть никто не обещал немедленного обожания народа после коронации, Мин ощущал себя обманутым. Власть не принесла любви матери.

Немного утешали льстивые улыбки придворных. Подхалимы еще до коронации почувствовали, как изменилась расстановка сил и, позабыв о вдовствующей императрице, спешили заверить Мина в своих верноподданических чувствах. Подобострастные взгляды, взаимные наветы и кляузы, которыми лизоблюды осыпали новоявленного императора, были бальзамом для его сердца. Мин любил интриги. Он признавал, что не создан для ратных подвигов, и пытался воевать тем оружием, которым владел лучше всего.

Задумка с вулканом была хороша. Усмирять огонь — долг хозяина этой земли. Один отказ, и от Джина отрекутся самые преданные союзники.

— А если он сумеет его усыпить? — эхом на его мысли откликнулась Сунан.

— Усыпить? Не смешите меня, матушка. Даже если он действительно снял проклятье, магии нужно учиться. Усыпить вулкан, это не фокусами толпу развлекать, — на раскрытой ладони Мина взвился язык пламени. Взвился и погас. — Я пять лет учился этому под руководством отца. Нет, если он не дурак, то поведет войско в обход и пустит слух, что его не было рядом с извержением.

— А вдруг Джин все же решится? И сможет? — императрица злорадно улыбнулась.

— Вам бы хотелось этого, матушка?

Она медленно покачала головой.

— Его я ненавижу больше, чем тебя.

— Приятно встретить обезоруживающую честность! — Мин картинно вздохнул. — Большая редкость в наши дни. Что же, я давно не надеюсь на вашу любовь, ненависть тоже по-своему занимательна и греет не меньше... Кстати, о любви. Думаю, можно смело сказать, что мой мятежный брат наконец-то познал это светлое чувство. Он не отпускает своего оруженосца ни на шаг. Мальчишка даже ночует в его палатке, — в слегка раскосых зеленых глазах мужчины загорелся огонек. — Этим стоит воспользоваться.

— Что ты собираешься сделать?

— Любовь — слабость. А на слабости можно сыграть.

***

Три брата Лю — так называли в народе горную гряду, идущую вдоль долины Бай Сьян.

Старший и средний давно отбушевали свое, и не первое столетие спали беспробудным сном. А вот младший дремал чутко. Вскрапывал, плевался в небо вонючими клубами дыма, а то и порывкивал, намекая на скорое и страшное пробуждение.

Но дальше угроз много лет дело не шло, а жители Сьянду и окрестных деревень привыкли жить в тени вулкана. Слишком давно просыпался Младший Лю последний раз, слишком богаты серебром были окрестные горы. Поделки мастеров из Сьянду славились далеко за пределами империи.

Гонец прискакал затемно. Спешился, выкрикивая имя Джина, без страха отдался в руки капитана Цао. На вопросы отвечал торопливо, взახлеб. И умолял позволить ему лично увидеть посланного богами избавителя от огненной напасти.

В глазах вестового плескался ужас.

Выслушав его, Цао долго сомневался, но решился все же разбудить его высочество. Не выспавшийся и хмурый принц расспросил гонца, помрачнел еще больше и задумался.

Сколько у него шансов остановить разбушевавшуюся стихию? Один к десяти в лучшем случае. Джин одарен и силен — сильнее братьев. Но его никогда не учили пользоваться этой силой. То немногое, что он умел, освоил сам, после того как проклятье спало. Ценой знания стали ожоги и пожары.

Усмирять вулканы — высшая ступень мастерства. Разве возможно для самоучки справиться с подобным? Если он не справится и погибнет, то подведет всех, кто поверил в него и пошел за ним.

А если откажется?

Залитая лавой долина, уничтоженные города и деревни, человеческие жертвы. И уничтоженная репутация. Поползут слухи, из войска побегут дезертиры. Города перестанут сдаваться легко, как доступная девица, что ломается только для вида. Отказавшись, он уничтожит веру людей в него, а значит проиграет.

— Буду через час, — коротко сказал Джин. И пошел одеваться.

Тэруко проснулась от позвякивания оружия. В палатке стояли густые сумерки, за тонким полотнищем еле брезжил рассвет. Полностью одетый Джин затягивал на поясе перевязь с мечом.

— Ты куда? — она зевнула и села. Вчера выдался длинный переход и несколько кровавых стычек, а потом вместо того, чтобы ложиться спать Тэруко до двух ночи ждала Джина, который устроил очередной военный совет.

И вот теперь еще не рассвело толком, а его уже куда-то несет.

— Я разбудил тебя? — он опустил на постель рядом, притянул ее к себе — теплую, мягкую, сладко пахнущую. Зарылся лицом в волосы, медленно спустился с поцелуями вдоль тонкой шеи.

Некстати мелькнула мысль, что между ними так ничего и не было серьезней поцелуев и ласк в пещере. Джин отчаянно хотел, но так и не овладел ею.

И не женился. Все время что-то мешало. Война, будь она неладна. Война и траур.

“Если сегодня я надорвусь и сдохну, надо мной в аду будут хохотать все, начиная от владыки Янь Ло и заканчивая чертями нижнего ранга”.

— Спи, малыш, — прошептал он в перерывах между поцелуями. — Мне нужно уехать.

— Я с тобой!

Этого еще не хватало!

Нет, она останется здесь. И в случае, если Джина постигнет неудача, немедленно

отправится на побережье с отрядом верных людей.

— Я ненадолго, — соврал он, прижимая к себе девушку. — Через пару часов вернусь.

А не вернется, с нее станется отправится на поиски, когда обещанный срок истечет. Надо будет предупредить Цао, чтобы не выпускал. Если с Тэруко что-нибудь случится...

Джин сам не понял, когда и как она стала для него настолько близкой и важной, но мысль о том, чтобы лишиться упрямой, дерзкой, любящей поспорить девчонки была невыносима. Принц считал, что знаком с любовью, но то, что он испытывал к Тэруко, было куда сложнее смеси восхищения и страсти, которую он чувствовал когда-то по отношению к ее сестре.

Да, Тэруко — не похожа на идеальную императрицу Оясимы, и что с того? Ранимая и колючая, живая, искренняя и яркая принцесса казалась ему прекрасной и в своих достоинствах, и в своих недостатках.

Ему хотелось заботиться о девушке и учить ее. Приручить, добиться доверия. Обнимать засыпая, просыпаться рядом. Подтрунивать, отвечать на наивные вопросы, целовать, предвкушая, что когда-нибудь все это закончится, и у них будут дни и недели только для двоих.

Это не имело общего с похотью — Джин так выматывался, что мысли о сексе не вызывали ни малейшего отклика. Просто рядом с ней было хорошо. Тепло от ее любви и веры в него. Тэруко нравилась ему даже когда злилась — очень уж забавно и по-детски у нее это выходило.

Он боялся, что в походе с ней будут проблемы, но принцесса вела себя образцово. Чувствовала, когда он устал, и не лезла с вопросами. Не жаловалась, не спорила, да еще и стремилась ободрить, поддержать.

— Я вернусь, — еще раз пообещал он. Скорее себе, чем ей.

И мысленно поклялся, что если его безумный план завершится успехом, жениться на ней в тот же день.

ГЛАВА 22

Предчувствие беды так и не дало уснуть. Через полчаса после ухода Джина Тэруко выбралась из палатки и увидела небо.

Оно ей очень не понравилось.

Догадка о том, что исчезновение Джина, медленно расплывающаяся по небосводу черная туча и запах тухлых яиц в воздухе связаны подтвердилась, стоило ей попытаться покинуть лагерь.

Капитан Цао был сама любезность. А также сама непреклонность.

— Ваше высочество, у меня четкие инструкции от принца

Тэруко вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

От Джина, разумеется. Мало того, старый вояка “порадовал” неприятной новостью: возможно, совсем скоро Тэруко в его компании отправится к побережью, где будет вынуждена сесть на корабль, идущий в Оясиму, поэтому, не угодно ли принцессе уже сейчас собрать вещи?

Тэруко не была душой и мгновенно поняла, что это значит.

— Хорошо, капитан, — с притворным смирением согласилась она. И отправилась искать Юна.

Поначалу оруженосец уперся и ни в какую не желал помогать ей с побегом. Твердил, что для Тэруко безопаснее в лагере, и он себе не простит, если с ней что-то случится. Угрозы и приказы на него не действовали. Тогда девушка, повинувшись какому-то внутреннему чутью, схватила Юна за руку и начала горячо умолять о помощи.

Принцесса. Оруженосца. Умолять.

Узнает кто, только со стыда сгореть останется.

Но это подействовало. О, еще как подействовало. Юн покраснел, потом побледнел. Попытался сбежать. Тэруко почувствовала, что цель близка и усилила нажим.

— Пожалуйста, — повторяла она, подвигаясь к мальчишке куда ближе, чем позволяли приличия. — Ты же мой друг, Юн. Я никогда этого не забуду.

И откуда взялось все это? Нежные интонации, взгляд снизу вверх — страстный и робкий одновременно. Понимание, что и как надо делать, чувство непонятной власти над юношей?

Юн сглотнул, глядя на Тэруко расширенными зрачками. И согласился.

Пока он отвлекал часового, Тэруко оседлала и увела лошадь. Потом была бешеная скачка по дороге навстречу устремленному в небо столбу дыма. И сосущий изнутри, выматывающий страх не успеть. Лошадь волновалась, взбрыкивала, пару раз даже встала на дыбы, но Тэруко, снова удивляясь сама себе, успокоила ее с помощью магии. Так легко, словно делала это каждый день

Девушка взлетела на холм и увидела отряд. Мелькнули знакомые лица — личную охрану принца Тэруко помнила по именам, да и те ее знали.

Снова глухо зарокотало, земля под ногами содрогнулась.

— Где Джин?! — чтобы перекричать гул, пришлось заорать во все горло.

Ближайший мужчина поднял руку и указал на просыпающийся вулкан.

***

На подъезде к долине лошади начали волноваться, а потом и вовсе встали, нервно всхрапывая и с суеверным ужасом косясь на устремленный в небеса от верхушки Младшего Лю черный клубящийся столб.

Пришлось спешиться.

Уже рассвело, но долина и окрестные земли были погружены в глубокие сумерки. Дым расплзался по небосводу чернильной кляксой, закрывая солнце. Под ногами глухо рокотало и подрагивало, а над самой долиной стояла зловещая напряженная тишина.

Издали Младший Лю походил на полосатый муравейник со срезанной верхушкой. Невысокий и невзрачный рядом со старшими братьями. Если бы не огненные всполохи и тучи пепла, которые нет-нет да и взлетали в воздух над ним.

— Это началось прошлой ночью, господин, — провожатый суеверно покосился на пробуждающийся вулкан.

— И до сих пор нет лавы? — Джин облегченно выдохнул. — Может, извержения и не будет?

Гонец покачал головой:

— Младший Лю долго просыпается, но когда проснется — гнев его ужасен. Мой дед еще помнит, как оно было шестьдесят восемь лет назад. Огонь изливался с такой скоростью, что от него нельзя было спастись даже на лошади.

Джин кивнул. Он тоже был наслышан об извержении, которое шестьюдесятью восьмью годами ранее уничтожило долину почти полностью.

Принц еще раз смерил вулкан таким взглядом, каким мерил противника перед началом сражения, обронил: “Вам лучше подождать здесь”, и пошел вперед.

По пути он вспоминал все, что когда-либо слышал или читал об усмирении вулканов. Вспоминалось до смешного мало. Оставалось надеяться, что чутье подсказет, что делать.

Он чувствовал, как наследная магия аль Самхан отзывается на близость стихии. Пальцы покалывало, по телу пробегали короткие искры. В голове чуть шумело, как после пары чарок сливового вина, сила плясала в крови, призывая раскрыть поры земли, выпустить всех огненных духов разом, сплясать свой торжествующий прекрасный танец.

Это желание походило на голодный голос демона, знакомый с детства. Джина словно разделили надвое. И одна его половина жаждала только пламени. Воззвать к нему, заставить вспыхнуть разом сотни тысяч алых цветов, спалить весь мир и самому сгореть в изначальном огне.

А вторая половина — трезвая, сумевшая не поддаться безумию, наблюдала за всем этим с отстраненным холодным любопытством. Подмечала, анализировала, делала выводы.

“Вот почему усыплять сложнее, чем будить. Сложно победить не пламя, но свою любовь к пламени”

На счастье Джина и людей за его спиной у старшего принца аль Самхан был большой опыт подобных побед.

На подходе к горе стало нечем дышать. Раскаленный воздух обжигал горло, пепел забивался в легкие. Джин то и дело останавливался, чтобы согнуться в приступе кашля, но потом выпрямлялся и упрямо шел дальше. Чем ближе к очагу извержения, тем выше шансы на успех.

Наконец, пологий подъем закончился. Перед глазами начинался идущий резко вверх склон в потеках застывшей лавы. За годы сна в щели и впадины на теле горы набила земля, проросли семена сорной травы. Присыпанные пеплом тонкие полоски зелени на черном базальте смотрелись трогательно и беззащитно.

Принц размял пальцы и потянулся к горе, пытаясь нащупать потоки силы, управлявшие стихией.

Магия откликнулась почти сразу. Джин словно шагнул куда-то в толщу камня, растворился в потоках раскаленной жидкой магмы. Бурлящей, пенящейся, готовой взвиться и выплеснуться наружу, поглощая все живое...

И снова проснулось нестерпимое желание дать этому случиться. Распахнуть каменную темницу, выпустить стихию, зажечь кроваво-алый закат посреди дня на черных от пепла небесах.

Земля под ногами дрогнула. Вулкан, почуяв повелителя, спешил откликнуться на силу крови. От горячего смешанного с выхлопами воздуха глаза невыносимо слезились. Джин закрыл их, но продолжал видеть, как расплавленный камень в глубине горы пришел в движение, устремился на поверхность.

“Стой!”, - приказал он мысленно, устремился душой в толщу недр — перехватить, не дать магме вырваться и затопить долину.

И стал пламенем. Океаном раскаленной лавы, ждущей своего часа. Пеплом, оседающим на склонах. Горой, изуродованной потеками черного базальта — грозной и бесплодной.

Да, теперь Джин мог смирить стихию. Он сам был стихией.

Мог. Но зачем?

Голос влюбленной в огонь половины души зазвучал громче, глуша любые возражения.

Джин-пламя жаждал ощутить, как лава перехлестнет через край и затопит долину.

“Нет!”

Он сбежал за мгновение до того, как утратил себя. Вынырнул, вернулся в свое тело — такое нелепое, слабое человеческое тело. В холодном поту, глотая ртом пропахший серой воздух.

Под ногами зарокотало, земля содрогнулась, и Джин упал на колени. Младший Лю выдохнул в небо густую тучу пепла. Багрово-черная лава бурлила у самого края кальдеры, грозя перелиться, как вода из забытого на огне котла.

Нужно попытаться снова. Он делал это раньше — сотни раз. Сражался с демоном и выходил победителем. Выбирал разум вместо слепой ярости, созидание вместо разрушения и жизнь вместо смерти.

Джин закусил до крови губу. И снова вторгся, вломился в бездумно бушующую стихию.

Это было все равно, что умирять взбесившегося жеребца. И при этом быть тем жеребцом. Джин давил, давал слабину и снова давил. Уговаривал, успокаивал, принуждал, выкладываясь полностью, без остатка, до доньшка. Порой ошибался, оступался и тогда все приходилось начинать сначала. Выжимать себя, отдавать последние крупицы силы, не думая о том, какое будущее ждет выгоревшего дотла мага...

Казалось, прошли часы, а может дни, наполненные запредельным напряжением на грани возможного, когда рокот под ногами стих. Пламя медленно успокаивалось, затихало, отползало глубже в недра.

Небо над головой по-прежнему было затянуто черной пеленой, но Младший Лю больше не чихал дымом. Пройдет время и ветер растащит пепел, дожди смоют его со склонов, вода унесет за много ли отсюда, и ничто не будет напоминать о неслучившейся трагедии.

“Кажется, я хорошо его усыпил”.

Джин вслушался в себя и не почувствовал пульса магии. Он был пуст, как высохшая, расколотая чаша с вином. Отдал все.

Он покачнулся и упал в черный пепел.

И уже не видел, как от ближайших холмов отделилась фигура всадника. Девушка в мужском костюме, глотала слезы, ругалась и нещадно нахлестывала лошадь, направляя к подножию заснувшего вулкана.

***

Она слетела с седла, упала на колени перед лежащим на земле мужчиной. Пальцы нащупали жилку на шее, вслушались в слабый прерывистый пульс.

Жив.

Тэруко всхлипнула от облегчения, перевернула его, и в этот момент Джин открыл глаза. Темные, как потеки базальта на склоне горы. Ни малейшей зеленой искорки.

Девушка зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Глаза черны у простолюдинов. У детей, еще не открывших свою силу. У дряхлых-предряхлых стариков.

И у выгоревших магов. Растративших всю силу крови.

Увидев ее Джин не удивился. Словно ожидал.

— Черные, да? — спросил он, с трудом шевеля языком.

Тэруко кивнула. Ей хотелось разрыдаться, но слез не было. Ничего не было, кроме всепоглощающего ужаса. Джин еще дышал, был рядом, что-то говорил, но он уже был мертв.

Почерневшие глаза — признак скорой смерти для самурая. Маг редко переживает свою

магию больше, чем на год.

Он криво улыбнулся.

— Я и сам чувствую. Так странно... Тихо и пусто. Хорошо, что я не женился на тебе снова, как собирался. Ты заслуживаешь большего.

В груди Тэруко вспыхнула ярость.

— Заслуживаю! — сквозь зубы прошипела она. — Еще как заслуживаю.

Наверное, если бы у нее было время остановиться и подумать, она бы струсила. Погрязла в сомнениях и страхах, не смогла бы ничего сделать.

Хорошо, что его не было.

Не давая опомниться ни ему, ни себе, принцесса вынула нож и полоснула себя по запястью.

— Что... ты делаешь?

— Тебя спасаю, идиот!

Она поднесла запястье к его губам.

— Делюсь с тобой кровью. Возьми мою силу, — скороговоркой забормотала Тэруко древнюю ритуальную формулу. — Пей!

— Нет, — он попытался уклониться, но Тэруко была настойчива.

— Пей, я сказала! Не то как огрею!

Джин рассмеялся, закашлялся. И припал к запястью.

Он пил медленно, словно не желал брать у нее слишком много. Тэруко злилась, ругалась и чуть ли не силой влиwała в него кровь, а вместе с ней силу.

Иногда, очень редко только что погасшее пламя можно раздуть с помощью чужого огня.

— Хватит! — он решительно отпихнул ее руку. — Я не возьму больше. Это бесполезно, Тэру-чан. У нас разная сила крови.

— Иди ты! — ругнулась девушка. И, пользуясь его слабостью, положила руки Джину на плечи.

Она же целитель? Целитель! Вот и будет исцелять! И плевать чего он там себе думает.

Тэруко никогда не учили делиться силой так, напрямую, она только слышала рассказы о том, что подобное возможно. Но порой желание отдать способно сработать лучше любого умения.

Тело под пальцами выгнулось дугой, с губ мужчины сорвался крик. Тэруко нависла над ним, вглядываясь в безумной надежде в запрокинутое лицо. В черных глазах на мгновение вспыхнули еле заметные зеленые искры.

Лишь тогда принцесса позволила себе обмякнуть и упасть рядом с ним.

ГЛАВА 23

— Ты опять нарушила обещание не лезть в мою битву.

Гора пепла у подножия вулкана — не лучшее ложе. Но сил встать не было.

— И что? — фыркнула Тэруко. — Отправишь меня домой?

Она чувствовала себя измотанной, измученной до последней степени. Но такой счастливой.

— Женюсь на тебе.

— Что?! — она вздрогнула и уставилась на мужчину. Он не шутит?

— Не очень романтично получилось, да? — со смешком сказал Джин. — У нас с тобой все как-то нескладно.

Но Тэруко было совсем не смешно.

— Не надо, — отозвалась она, разрываясь между желанием снова разреветься и отвесить принцу оплеуху. — Не унижай себя и меня.

— О чем ты?!

Джин поперхнулся и приподнялся, вглядываясь в ее лицо. В его изумленно распахнутых глазах тлели еле заметные зеленые искорки, и Тэруко, хоть и злилась, снова порадовалась на свою работу. Искры есть, значит, когда Джин отдохнет, вернется и пламя.

— Не стоит благодарности, — ядовито отозвалась девушка. — Я сделала это, потому что сделала. Вашему высочеству совсем не обязательно жениться в ответ, достаточно сказать “спасибо”.

— Думаешь, я поэтому хочу на тебе жениться? — медленно спросил Джин.

А потом, как с цепи сорвался. Набросился на нее с поцелуями, настолько жадными и жаркими, что у Тэруко все мысли вылетели из головы, и даже обида отступила.

— Ай, что ты делаешь?! — пробормотала она, вяло пытаясь вырваться.

Не то, чтобы Тэруко была против, но Джин целовался с таким пылом, словно собирался исполнить супружеский долг прямо здесь, не дожидаясь свадьбы.

— Я люблю тебя. А ты — маленькая, неуверенная в себе дурочка.

Тэруко обмякла в его объятьях и уставилась на Джина с глупым видом.

— Но ты говорил, что не любишь! — это прозвучало обиженно и по-детски.

— Я говорил, что надеюсь полюбить тебя, если узнаю лучше, — он склонился над ее лицом. — Узнал. Ты — сумасшедшая, взбалмошная, непослушная, совершенно неуправляемая, и когда-нибудь обязательно вгонишь меня в могилу.

Она хотела возразить, но Джин заткнул ей рот еще одним поцелуем.

— Но ты потрясающая, — продолжал он, оторвавшись от ее губ. — Искренняя, смелая, верная, живая. И ты нужна мне, Тэру-чан.

Слова ласкали слух, от них хотелось блаженно мурлыкать, подобно сытой кошке.

— Скажи это еще раз! — попросила она.

Джин улыбнулся.

— Ты нужна мне. Выйдешь за меня?

— Ну... Да, — девушка кивнула.

Казалось, что все это не по-настоящему. Она так долго готовилась к другому концу. Участи любовницы, неизбежному расставанию. Твердо решила не плакать, как бы все ни закончилось. Убедила себя, что это — и ее выбор тоже. Распланировала, чем займется, когда вернется в Оясиму: императрице, наверняка, будет нелишней помощь в государственных делах. Конечно, придется постараться, чтобы наладить отношения и убедить сестру дать ей шанс. Но Тэруко повзрослела и готова к ответственности.

— Я просто не ожидала...

— Не ожидала? — Джин чуть нахмурился. — Я женился бы на тебе в любом случае. После того, что было в пещере... Покусай меня демоны, я бы сделал это еще в Шаньджу, если бы не смерть Тхана и не война!

— Почему? — она чуть покраснела, неловко было напрашиваться снова на признания. Но так хотелось еще раз услышать это от Джина. — Ты уже тогда меня... любил?

Он задумался.

— Я хотел тебя. Так хотел, что думать ни о чем другом не мог. Не знаю, когда и как страсть превращается в любовь.

Отчего-то услышав честный ответ Тэруко снова разозлилась. Ну что ему стоило сказать, что уже тогда был влюблен?! Ему несложно, ей приятно.

— И ты всем девицам после секса предлагаешь выйти за тебя замуж? — ядовито спросила она.

— Нет, конечно. Но ты — принцесса, — он вскинул голову и сощурился. — Так, Тэручан. Разговор придется отложить. Сюда едет моя охрана.

***

Потом была дорога. Недолгая, но совсем вымотавшая и без того обессиленную девушку. Торжественный въезд в Сьянду — жители высыпали на улицы и забрасывали принца с его немногочисленными сопровождающими цветами и восторженными, немного истеричными криками, от которых у Тэруко разболелась голова.

Наместник выехал Джину навстречу и прилюдно признал императором, встав на колени, горожане радостно последовали за ним. Тэруко смотрела на это и ощущала только раздражение. Она чувствовала себя грязной до предела — вулканический пепел въелся в одежду и кожу, пропитал запахом серы волосы. Ей хотелось помыться. Не торопливо обтереться влажной тканью, как это чаще всего бывало в походе, а залезть в настоящую горячую ванную и отмочать в ней несколько часов.

Но еще больше, несмотря на то, что день едва перевалил за середину, хотелось спать.

— Держись, скоро все закончится, — шепнул ей Джин. Принц тоже выглядел измученным.

Во дворец, предоставленный наместником дорогим гостям, Джин внес ее на руках, наплевав на любые сплетни и пересуды. Уложил на чистые простыни — прямо в таком виде, как была, в грязнящей одежде.

— Отдыхай. Я распоряджусь, чтобы тебе приготовили ванную?

— А ты... ты не останешься со мной?

Он развел руками:

— Позже. Тебе надо отдохнуть, а мне — разослать кучу писем. И связаться с Бао — пусть пришлет сюда хотя бы часть войск. Доверие — вещь хорошая, но если наместник вдруг решит предать, я вряд ли сейчас смогу защитить нас.

— Ясно, — она надулась и отвернулась, злясь одновременно на Джина, для которого государственные дела всегда важнее всего остального. И на себя за то, что не может не обижаться из-за этого.

Теплая рука опустилась на плечо.

— Тэруко.

— Что?

— Спасибо.

***

Принцесса так и отрубилась в одежде. Сквозь сон она чувствовала, как кто-то раздевает ее. Потом этот кто-то коснулся губами ее щеки и спросил голосом Джина:

— Ну что, соня, будешь мыться?

— Буду, — пробормотала Тэруко. И снова уткнулась в подушку.

Мужские руки подняли ее и понесли, а потом опустили в теплую, пахнущую фиалками воду. Девушка вздрогнула и проснулась.

Бассейн был поменьше, чем в покоях наместника Шаньчжу, но все равно впечатлял. По поверхности воды плыли хлопья пушистой пены и цветочные лепестки. Помещение

освещали четыре светильника по углам. Пламя металось в круглых чашах, бросало красные отсветы на воду.

Тэруко обернулась и зарделась. Когда он успел раздеться?

— Джин, что ты делаешь?

— Хочу тебя помыть. Ты не против?

Не дожидаясь ответа, он шагнул в бассейн, подняв тучу брызг. И тут же поймал Тэруко в объятия. Смеющиеся глаза оказались совсем близко. Принцесса почувствовала, как подгибаются колени. Мужские объятия, ощущение сильного обнаженного тела рядом вызвало в теле томительную и приятную слабость.

— А если против?

— Тогда я уйду, — он прихватил зубами мочку ее уха и слегка куснул. — Пожалуйста, не прогоняй меня. Я не буду приставать, — зубы сжались крепче, вырвав из груди девушки еле слышный вздох. — Или буду...

Почему-то последнее обещание ей очень понравилось.

— Сколько я спала?

— Почти пять часов. Повернись.

Она послушалась, ощущая смесь возбуждения и неуверенности. Ситуация была волнующей и недвусмысленно эротичной. От близости Джина по коже бежали сладостные мурашки, хотелось его нежности, объятий, поцелуев. Но Тэруко сама не могла понять, готова ли она к чему-то большему.

Мыло сильно пахло розовым маслом. Мужские руки легли на плечи, разминая их, легонько массируя. Пальцы погладили шею, спустились вниз вдоль позвоночника, лаская ложбинку. Она снова тихонько вздохнула, и почувствовала, как мужчина сзади прижался теснее. Одна рука скользнула по талии, другая легла на грудь. Тэруко вздрогнула и обернулась.

— Джин, я не знаю...

— Я знаю. Расслабься.

От этого совета она почему-то напряглась еще сильнее. Джин взгляделся в ее лицо и вздохнул.

— Понял. Только мытье и поцелуи.

Медленно откинул влажные волосы с тонкой шеи. Провел языком, скривился и принялся отплевываться.

— Мыло!

Девушка весело рассмеялась:

— Так тебе и надо. Не будешь руки распускать.

— Буду! — пообещал он, зачерпывая воду, чтобы окатить ее. — И не только руки. Иди сюда, грязная девчонка.

Напряжение и неуверенность ушли, словно сами собой. Джин превратил купание в эротическую игру. Руки в мыльной пене поглаживали, скользили по коже, вызывая в теле сладкое томление. Хитрый самханец действительно просто мыл Тэруко, но не упускал при этом возможности прикоснуться — невинно и непристойно одновременно. Словно ненароком, случайно задеть грудь, погладить кожу с внутренней стороны бедра до того, как девушка опомнилась и сжала колени. Поцеловать...

От поцелуев она млела и таяла, не находя в себе сил оттолкнуть его. Да и зачем отталкивать? Смешно изображать из себя целомудренную деву после всего, что было в

пещере. Но все воспитание принцессы говорило, что это — неправильно, так нельзя, плохо.

Отец не поощрял распущенность и внебрачные связи. И сам после смерти любимой жены так и не завел наложницу.

С мытьем давно можно было заканчивать, Тэруко ощущала себя чистой, отмытой до скрипа — чище некуда, а коварный соблазнитель продолжал гладить ее, все смелей и откровенней. Ласки, бережные и трепетные в начале, они становились волнующими и бесстыдными. Руки накрыли грудь, сжимая и пощипывая. Внизу живота медленно наливалось вожделение. Джин прижал девушку к краю ванны, впился в губы сумасшедшим, горячим поцелуем. Скользнул губами по шее, спустился ниже и чуть прикусил дерзко торчащий сосок.

Тэруко обмякла в мужских руках и как со стороны услышала свой тихий стон. Потом еще один, куда более громкий.

Это плохо, неправильно, но ей так хочется! Отдаться ему, стать единым целым.

— Хочу тебя, — эхом отозвался Джин, склонившись над ее запрокинутым лицом. — Ты меня с ума сводишь, грязная девчонка.

— Я давно чистая, — возмутилась Тэруко.

— Знаю.

И снова поцелуи — безумные страстные. Нежные укусы, прикосновения умелых пальцев, сильное мускулистое тело, которое так хочется ласкать в ответ, рядом...

— Вода остывает. Пойдем.

Джин потянул ее из бассейна, и она последовала — бездумно. Неужели это случится сейчас? Не лучше ли подождать до свадьбы? От возбуждения и страха все волоски на теле встали дыбом.

— Не бойся, — сказал он, вытирая ее пушистым полотенцем. — Будет так, как ты захочешь. Я остановлюсь, когда скажешь.

— Я боюсь, что мне не захочется тебя останавливать.

— Тогда не останавливай.

— Я так не могу, — она подняла на него умоляющий взгляд. — Пожалуйста, не настаивай. Это неправильно до свадьбы.

Он усмехнулся и нежно провел пальцем по ее нижней губе.

— А целовать тебя до свадьбы можно?

Она кивнула.

— Значит, будем только целоваться, — объявил Джин, подхватывая ее на руки.

Пронес через комнату и уложил на кровать. По щелчку его пальцев вспыхнуло пламя в двух светильниках у изголовья. Тэруко съежилась и попыталась прикрыться.

— Не надо, — попросил Джин, аккуратно отводя ее руки в сторону. — Ты красивая. Хочу на тебя смотреть.

От его желания в его глазах становилось жарко, стыдно и безумно приятно. И хотелось смотреть на него в ответ. Отсветы пламени гладили мощное мускулистое тело, покрытое бронзовым загаром. Взгляд принцессы скользнул по широким плечам, груди, животу с четким рельефом мускулов, спустился ниже к недвусмысленно вздыбленной плоти. Тэруко ойкнула, покраснела и поспешила зажмуриться. Джин рассмеялся и опустился рядом с ней на кровать.

— Ты смешная, Тэру-чан.

С закрытыми глазами было не так стыдно отвечать на поцелуи и выгибаться, подставляя

грудь для ласк. Чувствовать прикосновения губ все ниже — на груди, на животе...

— Пожалуйста, нет, — жалобно попросила девушка, чувствуя, как мужские руки разводят ее бедра. На более серьезный протест не было сил.

— Не бойся. Я же обещал — будут только поцелуи.

Губы обожгли кожу с внутренней стороны бедра, Тэруко замерла, вцепившись пальцами в скользкий шелк простыни.

И вскрикнула, ощутив горячий поцелуй там, внизу, где рождалось жаркое вожделение.

По телу словно пробежала огненная волна. Девушка металась, всхлипывала и вскрикивала. Было горячо, сладко, стыдно и безумно хорошо ощущать ласкающие и жалящие прикосновения. Она плыла в мучительно-приятном мареве, выгибалась, выкрикивала “Да, да!” и снова терзала пальцами простыню.

Низ живота свело долгой и сладкой судорогой. Тэруко дернулась и протяжно застонала, ощущая, как по телу расходится жаркая спираль наслаждения. Распахнула глаза и уставилась невидящим взглядом на полог над кроватью.

Она помнила, как хорошо было в пещере, но в этот раз все ощущения показались ей острее, ярче и бесстыднее.

— Это было громко, — посмеиваясь, сказал Джин, поднимаясь с поцелуями все выше — живот, грудь, шея, губы.

— Не смущай меня.

— А мне нравится, как ты смущаешься.

У поцелуя был странный вкус. Приятный, но странный.

Потом были объятия. Не страстные, скорее умиротворенные. Переплетенные пальцы, вкус его кожи, его губы. Близость — такая невероятная, невозможная, что дух захватывало. Беззлобные шутки и тихий смех. Осторожные прикосновения к его телу. Татуировка с тигром под пальцами.

— Почему тигр?

— Это родовой знак Хо ланг-И. Его наносят наследнику рода аль Самхан в три года. Тогда отец еще не знал про демона. Все думали, что я стану правителем.

— Ты и станешь.

Она задумчиво погладила изображение. Мышцы под кожей чуть перекатывались и казалось, что тигр потягивается и скалится.

— Похоже на то. Когда я м-м-м... был с тайной миссией в Оясиме...

— Шпионил, — подсказала Тэруко.

— Шпионил, — он улыбнулся. — Так вот, когда я шпионил пришлось намучиться. Такая примета. А маскирующие чары постоянно слетали.

И снова поцелуи, объятия, прикосновения.

— Тебе приятно, когда я так делаю?

— Приятно. Но у мужчин все проще, малыш. Нас не надо полчаса гладить и целовать за ушком. Все удовольствие — здесь, — ладонь накрыла ее руку, потянула вниз, положила на возбужденную плоть.

Город за окнами давно спал, а они никак не могли оторваться друг от друга. Жаркий голод, который можно было утолить только в объятиях, то утихал, то накатывал снова. И Тэруко опять стонала, вскрикивала и извивалась под прикосновениями умелых пальцев.

Потрескивал огонь в светильниках, желтые отблески плясали на коже. Самханская ночь обволакивала, убаюкивала и лгала, что испытания и беды позади.

Так убедительно, что трудно было не поверить.

ГЛАВА 24

Второй раз за полгода Тэруко выходила замуж. За того же мужчину.

Но в этот раз все было по-другому. Никакой торжественной процессии, толпы людей, восторженных здравниц. Никакой многодневной подготовки, тяжелых церемониальных одежд.

Нет, платье по случаю свадьбы Тэруко все же надела. Самханское, похожее на мешковатое кимоно. Из красного шелка, но простое, почти без вышивки — только по подолу и рукавам белые цветы. На самом принце был обычный наряд знатного самханца, без всяких свадебных атрибутов.

Ну и пусть. На прошлой свадьбе Тэруко по горлышко нахлебалась праздничной позолоты. Спасибочки, больше не хочется ни восторгов толпы, ни пира вассалов. В глазах всего мира они и так женаты, осталось только подтвердить это перед лицом богов.

Куда важней, что в прошлый раз на свадьбе ей хотелось рыдать от бессилия и отчаяния, а сейчас принцесса лучилась счастьем. И день, как на заказ, выдался чудесный. За ночь дым осел, пепел разнесло по окрестностям и прибило прошедшим под утро дождем. С празднично-голубых небес светило солнце. Нежаркое — преддверие зимы все же, даже в Самхане холодает в это время. Легкий ветерок гулял по улицам, обдувал лицо. Восторженное птичье пение летело с ветвей, словно сама природа подпевала музыке, звучащей в душе Тэруко.

Они приехали к храму верхом, в сопровождении отряда личной охраны принца. Джин спешил, поймал спрыгнувшую с лошади принцессу в объятия, прижал к себе, вглядываясь в ее лицо с улыбкой. Мгновенно вспомнилось все, что было прошлой ночью. По коже прокатилась жаркая волна, чуть заныло внизу живота. Взгляд Джина — раздевающий, жаждущий обещал, что сегодня все повторится.

На ватных ногах, с глупой улыбкой на губах Тэруко поднялась по ступеням храма за своим будущим мужем. Охрана осталась снаружи.

Внутри было пусто. Только солнце падало сквозь отверстия в куполе, да улыбался лик женщины над чашей с водой.

— Это же... — Тэруко споткнулась от неожиданности.

— Маго-Хельми — покровительница брака, — хмуро отозвался Джин. Так, словно ему тоже не хотелось лишний раз встречаться с Хозяйкой Жизни-и-Смерти.

— А другая богиня не может благословить нас?

Он медленно покачал головой. Помялся, словно собирался что-то сказать, но никак не мог подобрать слов.

— Помнишь, ты обещала не надумывать?

— Я обещала? — она в упор не помнила подобного, но на всякий случай кивнула. — Ну, значит не буду.

Джин зачем-то стиснул ее ладонь. Вгляделся в лицо, словно что-то искал в нем.

— Скажи, есть что-то такое, чего ты хотела бы узнать обо мне?

Принцесса недоуменно пожала плечами:

— Много всего. Про твое детство и твоего тигра. Про демона и как ты шпионил в моей стране. Какие стихи любишь больше всего, чего боишься, о чем мечтаешь... — она смущенно улыбнулась. — Ты мало про себя рассказываешь.

Он отмахнулся.

— Нет, не то... это я и так тебе расскажу, тут нет никакого секрета.

— Ну и хорошо, — и чего он тогда так волнуется?

— Я просто пытаюсь понять: что я хотел бы скрыть от тебя. И получается, что ничего, — он вздохнул.

Тэруко нахмурилась. Ей не нравился этот разговор. Он вносил фальшивую ноту, диссонансом звучал в мелодии счастья этого утра.

— Не понимаю.

— Она, — Джин кивнул на лик богини, — обещала, что в тот миг, когда я попробую назвать тебя своей женой снова, ты узнаешь обо мне что-то, чего я хотел бы скрыть.

— Ты не рассказывал об этом.

— Прости, — он покаянно повесил голову. — К слову не пришлось. Это важно?

— Нет, наверное.

Они прошли сквозь пустой храм и остановились у чаши. Принц помедлил, бросил еще один испытующий взгляд на девушку.

— Верь мне, пожалуйста. Я тебя люблю.

— Ты... Боишься? — изумленно спросила Тэруко.

Джин кивнул.

— Боюсь. Чувствую подянку и не понимаю откуда ждать удара. И что сделать, чтобы предотвратить его.

Принцесса снисходительно улыбнулась, ощущая себя более взрослой и мудрой, чем он в эту минуту. Вид растерянного и взволнованного Джина насмешил ее и одновременно вызвал прилив нежности. Ей нравилось, что он не такой непробиваемый, каким любит казаться. И что он не скрывает, что боится ее потерять.

— Не будет никакого удара, — беспечно отозвалась она.

Вряд ли у Джина есть секреты, способные отпугнуть ее.

Они встали на колени у чаши и одновременно опустили в нее ладони.

Больше книг на сайте - Knigolub.net